

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Останина Елена Михайловна

Философия истории школы праксиса

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Павлов Александр Владимирович

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА.	18
1.1. Философские основания становления школы праксиса.....	18
1.2. История школы праксиса.....	43
Глава 2. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА.....	69
2.1. Теория исторического процесса	69
2.2. Критика социализма школой праксиса.....	95
Глава 3..ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА И СОВРЕМЕННОСТЬ..	120
3.1. Школа праксиса и анализ социально-политической реальности 2-ой половины XX в. – начала XXI в.	120
3.2. Наследие школы праксиса: идейное и институциональное.....	142
Заключение.....	160
Список использованной литературы.....	175

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в период наблюдаемого в настоящий момент кризиса современного общества, характеризующегося ростом неравенства, поляризацией между элитами и остальной частью социума, соперничеством между различными версиями капитализма¹, несомненна значимость прояснения вопросов, которые ставит марксистская философия: тенденции исторического процесса, проблемы соотношения прошлого, настоящего и будущего, возможности и способы конструирования будущего, подходы к решению глобальных вызовов, стоящих перед человечеством. Во-вторых, в период биотехнологического развития обостряется проблема человека, которую пытаются решить различные философские направления – трансгуманизм, постгуманизм, антигуманизм, объектно-ориентированная онтология. В-третьих, рост в последние десятилетия интереса к марксистской философии. Интерес этот связан с кризисом современного капитализма (в какой бы версии он ни был), с поиском методологии, позволяющей исследовать процессы глобализации и тенденции изменения общества.

Все обозначенные выше вопросы рассматривались представителями школы праксиса – философского направления, которому посвящена настоящая работа.

Школа праксиса является одним из вариантов интерпретации и развития марксистской философии. Свое название она получила от одноименного международного журнала «Praxis», издававшегося в Югославии в 1964–1974 гг. и объединившего сторонников гуманистического социализма.

Подчеркивая практическую направленность философии, школа праксиса ставила в центр внимания методологический потенциал и методологические возможности марксистской философии, не желая ее консервировать в единственно «правильной» форме; она выступала за широкую и открытую

¹ Например, сербско-американский экономист Б. Миланович определяет текущий исторический момент как соперничество либерального меритократического капитализма и политического или авторитарного капитализма. См.: Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром / Пер. с англ. А.Ф. Васильев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 400 с.

дискуссию с представителями разных философских направлений². Школа сумела интегрировать идеи различных философских течений, исследуя фундаментальные социальные и политические вопросы, формы отчуждения, сущность социально-исторической практики и преобразующей деятельности человека. Исследование школы праксиса имеет значение, так как рассматриваемые в философии данного направления вопросы (в том числе о сущности истории, моделях общественного развития, социального управления, сущности человека), несомненно, важны на данном этапе развития общества, как глобального, так и российского. Более того, изучение деятельности и идей школы праксиса позволяет углубить знание об истории мировой философии XX века.

Степень научной разработанности проблемы

Несмотря на то, что по философии марксизма существует значительное число исследований, как зарубежных (П. Андерсон, У. Голднер, Р. Джакоби, Т. Иглтон, Д. Келлнер, Дж. Бернштейн, Й. Тернборн, Ф. Джеймисон, М. Джей³ и

² Petrović G. *Čemu praxis // Praxis*. 1964. № 1. Str. 3–6.

³ См., например: Андерсон П. *Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма*. М.: Интер-Версо, 1991. 267 с.; Иглтон Т. *Почему Маркс был неправ / Пер. с англ. П. Норвилло*. М.: Карьера-Пресс, 2012. 301 с.; Терборн Й. *От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 254 с.; Anderson P. *Arguments within English Marxism*. London: Verso, 1980. 217 p.; Anderson P. *The Antinomies of Antonio Gramsci*. London: Verso, 2017. 192 p.; Bernstein J. M. *Adorno: Disenchantment and Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 480 p.; Bernstein J. M. *Recovering Ethical Life: Jurgen Habermas and the Future of Critical Theory*. London and New York: Routledge, 1995. 264 p.; Bernstein J.M. *The Philosophy of the Novel: Lucacs, Marxism and the Dialectics of Form*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 296 p.; Eagleton T. *Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory*. London: Verso, 1978. 191 p.; Eagleton T. *Walter Benjamin, or, Towards a Revolutionary Criticism*. London: Verso, 1981. 187 p.; Gouldner A.W. *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. London, Basingstoke: Macmillan press, 1980. 397 p.; Jacoby R. *Dialectic of Defeat: Contours of Western Marxism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 202 p.; Jameson F. *Late Marxism: Adorno, or, The Persistence of the Dialectic*. London & New York: Verso, 2007. 280 p.; Jameson F. *Marxism and form: Twentieth-cent. dialectical theories of lit.: T.W. Adorno, Walter Benjamin, Herbert Marcuse, Ernst Bloch, Georg Lukács, Jean-Paul Sartre*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1974. 432 p.; Jameson F. *Representing "Capital": A Reading of Volume One*. London & New York: Verso, 2011. 158 p.; Jay M. *Marxism and Totality: The Adventure of a Concept from Lukacs to Habermas*. Los Angeles, Berkley: University of California Press, 1984. 576 p.; Kellner D. *Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond*. Stanford, California: Stanford University Press, 1989. Oxford: Polity Press, 1989. 246 p.; Kellner D. *Herbert Marcuse and the Crisis of Marxism*. London: Red Globe Press,

т.д.), так и отечественных (Э.Я. Баталов, В.М. Межуев, А.Н. Дмитриев, Ю.А. Замошкин, С.Н. Земляной, А.Д. Ковалев, Н.И. Лапин, Н.В. Мотрошилова, Е.Л. Петренко, А.В. Павлов, Б.Ф. Славин⁴ и т.д.), философия школы праксиса

1984. 505 p.; Kellner D. Cultural Marxism and Cultural Studies. URL: <https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/culturalmarxism.pdf> (дата обращения 03.06.2023).

⁴ См., например: Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX в. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.; Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 317 с.; Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М.: Знание, 1970. 79 с.; Баталов Э.Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973. 176 с.; Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2014. 440 с.; Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930 гг.). СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, М.: Летний сад, 2004. 528 с.; Дмитриев А.Н. Мертвая вода, советские мыслители и гамбургский счет // Идеи и идеалы. 2010. № 4, ч. 2. Т. 2. С. 20–25; Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М.: Мысль, 1980. 248 с.; Замошкин Ю.А., Мотрошилова Н.В. «Новые левые» – их мысли и настроения // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 43–58; Земляной С.Н. Георг Лукач и западный марксизм: сб. статей / Сост. В.А. Подорога. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.; История философии: Запад–Россия–Восток. Учеб. пос. для студ. вузов: в 4 кн. Кн. 4: Философия XX в. / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова, А.М. Руткевич. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 448 с.; Ковалев А.Д. Неомарксизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 1983. С. 426.; Лапин Н.И. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М.: Высш. школа, 1962. 79 с.; Лапин Н.И. Молодой Маркс. Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат, 1986. 479 с.; Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. 376 с.; Межуев В.М. Маркс против марксизма: статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.; Мотрошилова Н.В. Творческий путь и теоретические заслуги Ю. Хабермаса: юбилей философа в зеркале немецкой прессы // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 5–13; Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). Пособие для гум. вузов / Ю.Н. Давыдов, А.Б. Гофман, А.Д. Ковалев и др. М.: Наука, 1994. 380 с.; Павлов А.В. Мечтают ли марксисты о революции сегодня? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 466–478; Павлов А.В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35; Павлов А.В. Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна // Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 7–24; Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть I // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84; Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 129–138; Павлов А.В. Постмодернизм – незавершенный марксистский проект // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 337–347; Павлов А.В. Приключения модернизма в марксизме Маршалла Бермана // Неприкосновенный запас. 2020. № 134. С. 240–255; Павлов А.В. Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека // Тетради по консерватизму. Альманах № 2. М.: Некоммерческий фонд социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017. С. 21–34; Павлов А.В. «Сентябрьская группа»: от аналитического марксизма к нормативной политической философии // Этическая мысль. 2021. № 2. С. 130–143; Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36; Петренко Е.Л. К критике философии "неомарксизма": о современных фальсификациях марксистского принципа единства теории и практики: дис. ... к. филос. н.:

мало исследована.

В отечественной философии: в советский период философия школы праксиса подвергалась критике как ревизионистская, при этом в 1970-е гг. было несколько работ, посвященных анализу философии школы праксиса (С.М. Брайович⁵, Н.И. Савцова⁶, А.Н. Самарин⁷); в имеющихся современных работах она перечисляется как одно из направлений западного марксизма (М.Н. Грецкий, Г.Е. Лягушев⁸), как одна из интерпретаций марксизма, в которой философы фокусируются на исследовании социальной революции и социального отчуждения (Е.Д. Шетулова⁹), описывается как одно из направлений гуманистического марксизма, классифицируется как «экономический гуманизм» (А.С. Емельянов¹⁰), рассматривается ее организационная и общественно-политическая деятельность (Д.З. Исмаилов¹¹).

Исследование философских идей школы и их истоков представлено в

09.00.03. М., 1978. 169 с.; Петренко Е.Л. Карл Каутский: очерк социалистических воззрений. М.: Знание, 1991. 61 с.; Петренко Е.Л. Марксистская социально-философская традиция во Втором Интернационале: дис. ... к. филос. н.: 09.00.02. М., 1991. 393 с.; Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна (Из цикла «История соц. учений»). М.: Знание, 1990. 61 с.; Славин Б.Ф. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. Изд. 2, испр. М.: Ленанд, 2021. 304 с.; Славин Б.Ф. Марксизм: испытание будущим: о дискуссионных вопросах теории и истории марксизма. М.: URSS, 2014. 393 с.

⁵ Брайович С.М. Проблема отчуждения и современная югославская философия (на материалах журнала *Праксис*): дис. ... к. филос. н. М., 1968. 193 с.; Брайович С.М. Современная философская мысль в Югославии: дис. ... д. филос. н. М., 1974. 332 с.

⁶ Савцова Н.И. Мое вхождение в философию // *Марксизм в философии: судьбы мировоззрения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею М.Н. Руткевича и 90-летию юбилею И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.*: Сб. науч. ст. и тезисов / Науч. ред. Н.В. Бряник. Екатеринбург: Деловая книга, 2018. С. 120–129; Савцова Н.И. Свобода и практика: марксистско-ленинская теория познания и ее современные критики: дис. ... к. филос. н. Свердловск, 1973. 167 с.

⁷ Самарин А.Н. Понятие практики в философии абстрактного гуманизма: критический анализ материалов журнала «Праксис» и примыкающих к нему изданий: дис. ... к. филос. н. М., 1972. 185 с.

⁸ Грецкий М.Н., Лягушев Г.Е. Западный марксизм // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2006. № 9. С. 115–118.

⁹ Шетулова Е.Д. Социальная революция в контексте современного понимания отчуждения // *Наука. Мысль: электронный периодический журнал*. 2017. № 1–1. С. 107–112.

¹⁰ Емельянов А.С. О гуманистической интерпретации Маркса: коммунизм или нарциссизм? // *Философская мысль*. 2021. № 10. С. 33–51.

¹¹ Исмаилов Д.З. О школе праксиса // *Вестник Башкирского университета*. 2013. Т. 18. № 3. С. 902–905.

зарубежных работах (например, Г. Шер¹², Р. Такер¹³, Н. Барателла¹⁴), но они довольно немногочисленны и написаны в большинстве сравнительно давно, во второй половине XX века. Однако в последние 15–20 лет в странах бывшей Югославии вырос интерес к школе праксиса (издаются сборники работ¹⁵, посвященных тому или иному аспекту школы праксиса, проводятся конференции¹⁶, пишутся диссертации¹⁷, издаются книги¹⁸), что коррелирует с общим возросшим интересом к марксизму.

Объектом исследования является философия школы праксиса.

Предметом исследования является философия истории, разрабатываемая представителями школы праксиса.

¹² Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. (IX–XIX) 360 p.

¹³ Tucker R.G. Philosophy and Myth in Karl Marx. Cambridge: At the University Press, 1972. 263 p.

¹⁴ Baratella N. Phenomenology and the Early Marx: Italian Phenomaxism and the Yugoslav Praxis Group // The Routledge Handbook of Political Phenomenology / Edited by Steffen Hermann, Gerhard Thonhauser, Sophie Loidolt, Tobias Matzner, Nils Baratella. Routledge: London and New York, 2024. P. 312-323

¹⁵ Например, сборники, вышедшие по итогам конференций: Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici Olujčić D., Stojaković K. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. 417 str.; Aspekti praxisa. Reflesije uz 50. obljetnicu / Urednici Mikulić B., Žitko M. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2015. 198 str.; Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. 381 str. Также внимания заслуживает сборник, в котором собраны документы, исторические и библиографические сведения о школе праксиса: Lešaja A. Praxis orijentacije, časopis Praxis i Korčulanska ljetna škola (građa). Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2014. 548 str.

¹⁶ Одна из последних конференций, посвященная школе праксиса под названием «Вклад философии школы праксиса в создание альтернатив в прошлом и в современности» была организована Институтом философии и социальной теории Белградского университета в марте 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gw-vBxUja1o>, <https://www.youtube.com/watch?v=OeSarmqPOWE> (дата обращения: 03.03.2023).

¹⁷ См.: Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije I religijskih znanosti. 2018. 248 str.; Lunić A. Problem dokidanja etike u zagrebačkoj filozofiji prakse: doktorska disertacija. Split: Sveučilište u Splitu, Filozofski fakultet. 2022. 360 str.

¹⁸ См.: Jakšić B. Praxis – mišljenje kao diverzija. Beograd: Službeni glasnik, 2012. 498 str.; Mikulić B. Nauk neznanja. Retrospekcije o Kangrgi i nasleđu praxisa. Zagreb: Arkzin, 2014. 267 str.

Цель исследования – через построение целостной концептуальной схемы философии истории школы праксиса раскрыть теоретическую и практическую актуальность философии истории школы праксиса для социально-философского познания. Достижение данной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- 1) определить взаимосвязь школы праксиса с другими марксистскими философскими направлениями XX века;
- 2) обозначить историко-социальные предпосылки возникновения школы праксиса и выделить основные особенности и вехи становления и развития философии школы праксиса;
- 3) выявить специфику представлений об историческом процессе в философии истории школы праксиса;
- 4) представить критику социальной реальности с точки зрения философии школы праксиса;
- 5) проанализировать эволюцию взглядов представителей школы праксиса в течение второй половины XX века – начале XXI века;
- 6) оценить возможность адаптации положений философии истории школы праксиса к проблемам современного общества.

Теоретико-методологическая база исследования

Исследование строится на следующих методах: историко-философский, сравнительный и аналитический методы.

Теоретическая основа исследования базируется на основных понятиях и концепциях, раскрывающихся в трудах представителей школы праксиса, прежде всего М. Кангрги (M. Kangrga), Г. Петровича (G. Petrović), М. Марковича (M. Marković), С. Стояновича (S. Stojanović), Р. Супека (R. Supek). Стоит отметить, что не по каждой проблеме или вопросу есть репрезентативная работа всех из вышеперечисленных представителей школы праксиса, поэтому в некоторых параграфах мы опираемся на довольно ограниченное число источников. В ряде случаев для описания позиции школы нами используются

работы других представителей школы праксиса - З. Голубович (Z. Golubović), Д. Грлич (D. Grlić), И. Кувачич (I. Kuvačić), В. Цветичанин (V. Cvjetičanin), В. Сутлич (V. Sutlić), Л. Тадич (L. Tadić).

Мы ориентировались на ряд зарубежных исследователей, работы которых оказались особенно полезными для реализации целей и задач настоящего исследования: Герсон Шер¹⁹ (американский ученый, доктор философии по политологии), Роберт Джидара²⁰ (хорватский исследователь, чья докторская диссертация была посвящена истории школы праксиса).

Эмпирическую базу, используемую при работе над исследованием, можно разбить на следующие группы источников:

1) труды основоположников марксизма, а также представителей различных направлений марксизма;

2) работы отечественных (советских, российских) и зарубежных исследователей марксизма;

3) непосредственно статьи представителей школы праксиса, опубликованные в журнале «Praxis» (с 1964 г. по 1974 г.);

4) труды представителей школы праксиса, развивающие их социально-философские идеи, опубликованные/изданные в других периодических изданиях, сборниках или книгах;

5) труды представителей школы праксиса, в которых отражены воспоминания и рефлексия относительно становления, развития и деятельности школы праксиса;

6) современные работы сербских и хорватских исследователей, посвященные истории, наследию, перспективам философии школы праксиса.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

¹⁹ Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. 360 p.

²⁰ Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. 248 str.

1) определено место философии школы праксиса в пространстве философских традиций XX века; философия школы праксиса представлена как методология, совмещающая критический анализ и интеграцию идей различных философских направлений, в первую очередь гуманистического марксизма и экзистенциализма;

2) через единство проблематики, методологии, цели, самоидентификации и общую институциональность обосновано рассмотрение школы праксиса как отдельного философского направления, объединяющего как представителей из Белграда, так и из Загреба. Кроме того, предложена версия периодизации деятельности школы праксиса, являющаяся альтернативой версии, разработанной хорватским исследователем Р. Джидарой (R. Đidara). Нами выделены пять этапов в становлении и развитии философии школы праксиса: начальный (1950–1960 гг.), период расцвета (1960–1966 гг.), период активной деятельности школы праксиса, который также характеризуется и конфликтом с официальными властями (1967–1974 гг.), период попыток реанимации Корчуланской летней школы и издания журнала «Праксис» (1974–1994 г.), постинституциональный период (1994 г. – н.в.);

3) раскрыто содержание представленной в философии истории школы праксиса онтолого-антропологической интерпретации практики, позволяющей снять вопрос о соотношении материи и сознания, материального и идеального, теории и практики; рассмотрено, каким образом категория «революция» следует из категории «практика», раскрыто понятие «мышление революции», введенное Г. Петровичем, как революционное действие в сфере мысли; показано, как в философии истории школы праксиса онтологическое представление истории как открытого, многомерного, недетерминированного процесса, обуславливаемого объективными и субъективными факторами, соотносится с гносеологическим вопросом об определении законов исторического развития через утверждение сохранения объективности и независимости от воли людей исторических законов в рамках одной системы условий, при этом система условий может быть изменена в результате революционной деятельности; определена роль утопического в

философии истории школы праксиса как характеризующего открытость исторического процесса;

4) отмечено, что критика социалистического общества (и в целом социальной реальности) школой праксиса представляет собой выявление характеристик социальной реальности, не ведущих к увеличению свободы человека и уменьшению его отчужденности, вследствие отсутствия или недостаточности учета гуманистической составляющей (в том числе недооценки неравенства) при разработке и принятии политических решений, что в итоге приводит к проявлениям догматизма, этатизма, бюрократии, технократии;

5) на примере эволюции философских взглядов С. Стояновича показана возможность применения методологических подходов школы праксиса к анализу социальных и политических процессов и институтов в современных государствах; отмечена актуальность критики национализма, разрабатываемой школой праксиса, при рассмотрении проблем национализма в современном мире;

6) выявлено сходство подходов философии истории школы праксиса с философией постгуманизма (представленной Р. Брайдотти, Ф. Феррандо) в части признания фундаментальной роли практики и утверждении о раскрытии творческого потенциала человека как необходимого условия преодоления современного кризиса человека и общества; предложен вариант прикладного применения методологии и положений философии истории школы праксиса: концептуализация альтернативного (существующему в данный момент) социально-политического устройства в результате синтеза идей школы праксиса с идеей демократического, экологического, смешанного социализма, предлагаемого Т. Пикетти.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Несмотря на то, что к школе праксиса относят довольно значительное число философов и социологов, философия школы праксиса является целостной философской системой, основанием которой служит категория «практика».

2) Философия школы праксиса характеризуется как гуманистический марксизм, поскольку, во-первых, центральным моментом философии истории школы праксиса является проблема человека, раскрывающаяся через опосредующую отношения между духом и материей практику человека, в которой внешней стороной выступают объекты, изменение материальных предметов, а субъективной – чувства, сознание о деятельности, о сопротивлении противостоящей среде, об изменении самого себя, осознание человеком самого себя; во-вторых, методологией философии школы праксиса является марксистская методология;

3) В философии истории школы праксиса история понимается как процесс, направленный в будущее, к более свободному и менее отчужденному человеку, а не как описание событийности прошлого. Бытие человека – это бытие практики человека в истории, через практику индивид связан с общим, включен в исторический процесс. Такой подход позволяет превзойти эсхатологичность и релятивизм в понимании исторического процесса и сочетать детерминизм социально-экономических законов в определенном типе общественного устройства и возможность реализации новых проекций общественного устройства;

4) В философии истории школы праксиса революция – движущая сила истории. В процессе революционной деятельности человек может уменьшить отчужденность от своей сущности. Школа праксиса расширяет понятие революции от исключительно социально-политической интерпретации до понимания революции как фундаментальной структуры человеческого бытия. Именно революционная практика позволяет выйти за пределы условий существующей реальности, осуществить изменение мира и прежде всего самого человека;

5) В философии истории школы праксиса философии отводится решающая роль в реализации возможности преобразования мира. Философия выступает как революционная практика в сфере мысли. Философия превосходит научное знание, поскольку способна создавать утопическо-творческие элементы, быть

символом постоянной открытости для само(созидания). Тем самым философия делает возможным движение исторического процесса;

б) Идеи и подходы школы праксиса имеют ценность для социально-философского и политико-философского познания, так как, во-первых, методология школы праксиса применима для анализа современного этапа исторического развития общества – диалектический метод, принципы критического анализа и понятийный аппарат марксизма позволяют интерпретировать процессы и кризисные явления в современном обществе, остающимся по-прежнему капиталистическим; во-вторых, вопросы и проблемы (в первую очередь, определение сущности социально-исторической практики, преобразующей деятельности человека, проблемы неравенства, формы отчуждения, проблемы национализма), исследуемые школой праксиса актуальны и в современной социально- политической ситуации.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертации заключается во впервые реализованном в современной российской социальной и политической философии целостном анализе философских взглядов на историю, предлагаемых школой праксиса; в постановке вопроса об антропологическом содержании истории.

На практике результаты исследования могут быть использованы при анализе актуальных проблем и вопросов современной социальной и политической философии. Кроме того, материалы настоящего исследования могут быть использованы для разработки учебных пособий, общих и специальных курсов для студентов и аспирантов по социальной философии, политической философии, истории современной социально-философской, политико-философской мысли.

Апробация результатов диссертационного исследования

Результаты исследования отражены в научных статьях и тезисах, автор выступала на конференциях с докладами по теме исследования:

- 1) Ломоносов–2020 (г. Москва, 14 ноября 2020 г.). Доклад «Философия школы праксиса об антропологическом содержании истории»
- 2) Международная научная конференция «Мир 2021: контексты развития и сценарии будущего» (г. Дубна, 10 апреля 2021 г.). Доклад «Эволюция философии школы праксиса: от антропологического марксизма к постмарксизму»;
- 3) Ломоносов–2021 (г. Москва, 15 апреля 2021 г.). Доклад «Содержание категории практики в философии школы праксиса»;
- 4) Всероссийская научно-практическая конференция «Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях» (г. Сыктывкар, 10–11 декабря 2021 г.). Доклад «Антропологическое измерение истории в философии истории школы праксиса»;
- 5) Всероссийская научная конференция «Современная Россия и мир: исторические контексты развития и сценарии будущего» (г. Дубна, 13 мая 2022 г.). Доклад «Понятие революции в философии истории школы праксиса»;
- 6) VIII Российский философский конгресс (г. Москва, 26–28 мая 2022 г.). Доклад «Марксистская философия: предпосылки и направления диверсификации»;
- 7) XIII международная конференция Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Субъект и ответственность: природа, общество, культура» (г. Москва, 6–8 октября 2022 г.). Доклад «Философия истории школы праксиса: от практики к революции»;
- 8) Всероссийская конференция с международным участием «Концептуализация понятия “современность” в социальной философии» (г. Москва, МГУ, 19 сентября 2023 г.). Доклад «Школа праксиса и современность»;

- 9) XIV международная конференция Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Мир/миры будущего» (г. Москва, 5–7 октября 2023 г.). Доклад «Теория исторического процесса в философии школы праксиса».

Промежуточные итоги работы над исследованием обсуждались на заседаниях сектора социальной философии Института философии РАН.

По теме диссертации опубликованы статьи автора в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ:

- 1) Останина Е.М. Категория «праксис» в философии школы праксиса // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 258–264.
- 2) Останина Е.М. Эволюция философии школы праксиса (на примере философских взглядов С. Стояновича) // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 258–265.
- 3) Останина Е.М. Философия истории школы праксиса: от практики к революции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 1 (63). С. 243–249.

Другие публикации по теме исследования:

- 1) Останина Е.М. Философия школы праксиса об антропологическом содержании истории // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» (10–27 ноября 2020 г.). 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2020. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020_2/data/19532/110056_uid449145_report.pdf.
- 2) Останина Е.М. Марксистская философия: предпосылки и направления диверсификации // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (1): Сборник научных статей / Гл. ред. А.В. Смирнов. М.: Логос: ООО «Новые печатные технологии», 2020. С. 638–641. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/congress/sektsii_1.pdf.

- 3) Останина Е.М. Социокультурные предпосылки философии школы праксиса // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020): сб. ст.: XX Всерос. науч.-практ. конф., 17 февраля – 26 апреля 2020 г.: в 2 т. Т. 1: Гуманитарные и социальные науки. – Электрон. Текстовые дан. / Ред. Ю.Н. Болдырева. Киров: Вятский государственный университет, 2020. С. 507–514. URL: [http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-\(nprk-2020\)-tom-1](http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-(nprk-2020)-tom-1).
- 4) Останина Е.М. Школа праксиса о философии как тотальной критике // Философские практики в культуре: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции XVI Таврические философские чтения «Анахарсис» [Электронный ресурс]. Симферополь: Изд-во «ИТ Ариал», 2020. С. 128-130.
- 5) Останина Е.М. Содержание категории практики в философии школы праксиса // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2021. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22263/129554_uid449145_report.pdf.
- 6) Останина Е.М. Антропологическое измерение истории в философии истории школы праксиса // Человек как Идея: концептуальные проекции человека в современных социальных исследованиях: Всероссийская научно-практическая конференция (10–11 декабря 2021 г., г. Сыктывкар): Сборник научных статей / Под ред. Б.М. Завьялова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С. 154–156.

Структура исследования обусловлена целями исследования и отражает поставленные задачи. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Объем работы составляет 198 страниц. Список литературы включает в себя 313 наименований, из которых 31 на английском языке и 149 на сербском/хорватском языках.

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА

1.1. Философские основания становления школы праксиса

В XXI в. растет интерес к философии марксизма: как к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, так и к учениям их многочисленных сторонников. Британские марксисты А. Вудс и Т. Грант отмечают: «Поразительный факт: в течение последних примерно ста пятидесяти лет марксизм ежегодно объявляли покойным. Однако по какой-то необъяснимой причине он поддерживает стойкую жизнеспособность...»²¹. Как подчеркивает Ж. Аттали: «Ни один писатель не имел большей аудитории, ни один революционер не вселил больше надежд, ни один идеолог не спровоцировал большего количества толкований, и, если не считать основателей некоторых религий, ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке»²².

При этом отношение к философии марксизма менялось. В XIX в. – начале XX в. марксизм получил широкое распространение в европейских обществах и в России (данное учение развивалось Ф. Мерингом, Г.В. Плехановым, А. Лабриолой, К. Каутским, В.И. Лениным, Р. Люксембург и др.). Но, по словам Ж.-П. Сартра, с 1924 г. по 1968 г. марксизм остановился в своем развитии, что объяснялось спадом революционного движения, интеграцией марксистов-теоретиков в капитализм, реакцией на советский вариант марксизма²³. Однако в этот период происходила «прививка» марксистской философии к различным направлениям – экзистенциализму, фрейдизму, феноменологии, структурализму, аналитической философии.

²¹ Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум: Марксистская философия и современная наука / Пер. с англ. Ю.В. Жулия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. С. 24.

²² Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. / Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной; вступ. ст. С.Г. Кара-Мурзы. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 17.

²³ См.: Гринин Л.Е. Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 90–101.

В 70-е гг. XX в. интерес к марксизму в западной философии вновь возрос, что было связано с кризисом капитализма 1973–1974 гг., после которого западное общество уже не стало прежним. Западная марксистская философия развивалась не только в континентальной Европе, но в Англии и США (Дж. Коэн, П. Андерсон, Р. Хилтон и др.). В связи с распадом СССР интерес к марксистской философии на некоторое время ослаб, но затем вновь усилился. К. Маркс был назван человеком второго тысячелетия, его работы вновь переиздаются, его идеи оказываются актуальными; имеет место ренессанс марксизма²⁴. Почему?

Во-первых, современная цивилизация находится в состоянии глубокого кризиса. Одним из первых кризис общества анализировал именно К. Маркс, он говорил о закономерностях кризиса капиталистической формации классового общества. Цивилизационный кризис XXI в. развернулся в контексте глобализационных процессов, в основе которых лежит глобальный капитал. «Конец капитализма не случился», он возродился в России; «предвидение Маркса полностью оправдалось в плане тех “старых мерзостей”, которые вернулись в Россию»²⁵. Оказался востребованным новый «Капитал» («Глобальный капитал»)²⁶. Поэтому не случаен интерес к марксистскому анализу общества и методологическому аппарату данного анализа.

Следовательно, во-вторых, на первый план выходят методологические вопросы, относящиеся, прежде всего, к исследованию глобализации, тенденций изменения общества; это вопросы философско-исторические. «Новый век – это эпоха заката не классики, а господствовавших в прошлом столетии позитивизма и постмодернизма – в методологии; цивилизационного подхода – в социальной философии; неоклассической школы – в экономической теории»²⁷. Проблема современной науки – отсутствие единства системы и метода²⁸; с этой точки

²⁴ См.: Бузгалин А.В. Социальная философия в XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 36–47; П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 183–191.

²⁵ Мареев С.Н. Понять глобальный капитализм. Размышления над книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 60–67.

²⁶ Там же.

²⁷ Бузгалин А.В. Указ. соч.

²⁸ Мареев С.Н. Указ. соч.

зрения значимо исследование методологического потенциала философии марксизма в новом социально-историческом контексте.

В-третьих, сама философия, в том числе философия истории, переживает кризис, пересматривает собственные основания, что создает предпосылку для актуализации марксистского понимания философии как возможности преодоления ее кризиса. К. Маркс подчеркивал, что философия направлена на изменение мира (а не только на его объяснение), она не дает законченную систему знаний – это невозможно, а предлагает метод изучения и изменения действительности.

В-четвертых, марксизм, несомненно, оказал существенное влияние на развитие социальной философии²⁹, появились антимарксистские учения К. Поппера, Ф. фон Хайека и др. Философские идеи марксизма трансформируются. Важно прояснить их аутентичное содержание, освобождая от политико-идеологических искажений и упрощений, и обратить внимание на способность марксистской философии к диверсификации и диалогу с различными учениями в тех или иных интеллектуальных контекстах. Действительно, есть много версий марксизма – китайский, советский, югославский (школа праксиса). В настоящий момент в России параллельно развиваются несколько вариантов марксизма: новый критический марксизм (А.В. Бузгалин и его группа), трансмарксизм (Ю.А. Муравьев), экзистенциально-антропологическое прочтение марксизма (П.Н. Кондрашов) и др. Такая диверсификация объясняется сложностью, широтой и глубиной как проблематики, так и методологии марксизма. «Будучи иерархизированной системой, марксизм создает возможности для различных его интерпретаций и оценок»³⁰.

Для философии истории принципиальное значение имеет открытие К. Марксом материалистического понимания истории, исследование им

²⁹ Здесь можно назвать Д. Белла, М. Вебера, Р. Дарендорфа, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, К. Мангейма, П. Сорокина, которые не являются марксистами, но на кого безусловно оказала влияние марксистская философия.

³⁰ Корякин В.В. Очередной опыт дегуманизации марксизма. Критический ответ на статью Л.Е. Гринина «Исторический материализм на Западе: история и будущее» // Новые идеи в философии. 2021. № 8 (29). С. 206.

буржуазной общественной формации и диалектическая методология. Мы не найдем в работах К. Маркса и Ф. Энгельса систематического изложения философии истории, тем не менее, философия истории является темой множества их работ («Святое семейство», «Немецкая идеология», «Гражданская война во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта» и др.), в которых формулируются ее основные положения. Вместе с тем, «фундаментальные положения марксизма могут получить совсем другой смысл в соответствии с метанаукой, на основе которой их интерпретируют, или в соответствии с философией целого, в свете которой их интерпретируют»³¹, то есть марксизм может стать методологией, позволяющей обобщить несколько научных областей.

Для понимания причин возникновения множества вариантов марксизма необходимо рассмотреть классическую версию марксизма и внутренние противоречия, ей присущие.

С точки зрения французского философа и социолога Р. Арона классическая версия марксизма может быть выражена в трех фундаментальных положениях.

Во-первых, К. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс. Это означает, что, с одной стороны, он устанавливает необходимые законы капиталистического функционирования, а с другой, – законы перехода от буржуазного строя к некому другому строю.

Во-вторых, К. Маркс исследует Англию как типичный пример капиталистического способа производства. Именно типичность данного примера позволяет понять главные механизмы функционирования капитализма. При этом вопрос, насколько пример Англии приемлем для всех стран и какие варианты развития капитализма возможны, не снимается.

В-третьих, Р. Арон называет еще одно фундаментальное положение марксизма, опираясь на содержание предисловия «К критике политической экономии» и тезис из «Манифеста Коммунистической партии», где речь идет об истории как истории борьбы классов (о законе классовой борьбы).

³¹ Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 21.

В зависимости от того, какому из этих основных положений марксистской философии отдает приоритет исследователь, уже при изложении классической теории К. Маркса возникают различные интерпретации.

Так, при приоритете первого положения марксизм предстает как теория макроисторического развития, теория установления законов, в соответствии с которыми функционируют и изменяются общественные системы. Характерными чертами этой теории являются объективация исторической действительности, подмена пережитой реальности общественными отношениями, не зависящими от сознания людей, и детерминизм, который не исключает сознание и субъективность, но полагает их второстепенными явлениями. Речь идет о сциентистской, объективированной интерпретации классической версии марксистской философии, которая сталкивается с трудностью определения специфики макроисторических законов по сравнению с законами физики, химии и т.п.³²

Второе положение коррелирует с более мягкой интерпретацией классической версии марксизма, в которой рассматриваются основные характеристики современного общества и развитие исторической целостности³³. В рамках этой интерпретации ставится также вопрос о соотношении способа производства (производительных сил и производственных отношений) и формации. Понятие общественно-экономической формации предполагает общество в единстве всех его сторон, указывая на конкретно-историческую форму целостности общества; поэтому возникает проблема, какие стороны общественной жизни, как и в какой степени определяют способ производства.

В третьем положении Р. Арон видит двойственность и проблему совместимости объективированной интерпретации марксизма и интерпретации исторического развития как развертывания и результата классовой борьбы. Эта проблема может быть решена либо исходя из метанауки, либо исходя из теории, допускающей одновременно объективированную историю, развивающуюся в

³² Там же. С. 22, 25.

³³ Там же. С. 23, 26.

соответствии с неумолимыми законами, и историю, направляемую классовой борьбой, то есть направляемой реакцией людей на окружающую среду: производительные силы на определенном этапе тормозятся производственными отношениями или входят в противоречие с ними. Это противоречие проявляется в обострении классовой борьбы³⁴.

В описанных внутренних противоречиях положений классического марксизма обозначена проблема субъектно-объектных отношений, проблема соотношения между объективированной историей (законами) и сознанием или волей людей. Попытки решения данной проблемы порождают разные варианты марксистской философии, ее объективистские и субъективистские версии и интерпретации.

Далее мы остановимся на тех вариантах марксистской философии XX века, которые в первую очередь повлияли на идейное содержание философии школы праксиса.

Рассматривая версии марксистской философии в XX в., оказавшие значительное влияние на формирование школы праксиса, нужно, на наш взгляд, сказать о русском марксизме, прежде всего, о ленинизме. Ленинизм – это не только применение марксизма к своеобразным условиям российской действительности, это явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, это «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»³⁵. В середине XIX в., когда формировался марксизм, пролетарская революция не считалась прямой практической неизбежностью в отличие от ситуации начала XX в., когда вопрос о революции встал в повестку дня многих социальных движений. Данное обстоятельство, как и борьба в рамках II Интернационала, обусловили политическую ангажированность ленинизма, его «боевой» характер и его метод. Требования метода включают в себя: единство между теорией и практикой; проверка политики не по лозунгам, а по делам, по действиям; перестройка партийной работы на новый, революционный, лад в духе

³⁴ Там же. С. 23–24, 26.

³⁵ См.: Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 1–2.

воспитания и подготовки масс к революционной борьбе; самокритика пролетарских партий для воспитания действительных кадров и действительных лидеров партии³⁶.

Характерной чертой ленинизма является внимание к субъективному фактору, субъективной стороне истории. В частности, об этом свидетельствует отношение В.И. Ленина к теории, без которой не может быть революционного движения, критика им «теории стихийности» и теории объективности (которая объясняет все происходящее развитием производительных сил и, таким образом, «примиряет» с действительностью), а также его учение о партии нового типа как авангарде, организованном отряде рабочего класса.

В ленинизме разработана теория революции, в которой учение классического марксизма дополнено положениями о социальной революции. Так, новые идеи связаны с анализом перехода капитализма в стадию империализма, с анализом специфики и закономерностей империализма, приводящих к обострению противоречий и формированию объективных условий для социалистической революции. Поскольку отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи мирового хозяйства, нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового хозяйства. А наличие в этом составе системы стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, «не может служить непреодолимым препятствием к революции», если система в целом к революции созрела. Причем революция не обязательно начнется там, где промышленность более развита, больше культурности и демократии; она начнется в наиболее слабом месте цепи империализма³⁷.

В теории революции есть идея перманентной революции, которая в рамках ленинизма имеет свою интерпретацию. Речь идет о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, что предполагает, во-первых, союз рабочего класса с крестьянством и использование революционной энергии

³⁶ Там же. С. 9.

³⁷ Там же. С. 17–18.

крестьянства; во-вторых, постепенное движение революции к власти пролетариата. Оппоненты В.И. Ленина, меньшевики, отрицали революционную роль крестьянства и полагали, что революция начинается с власти пролетариата.

Еще одной новой идеей ленинизма является идея о возможности победы революции в одной стране при наличии в этой стране необходимого условия – революционной ситуации. В силу, с одной стороны, неравномерности и скачкообразного характера развития капиталистических стран, а с другой стороны, взаимосвязанности государств во всем мире, революция случится не обязательно в наиболее развитых странах. Революция в одной стране затем может быть поддержана другими странами.

Помимо перечисленного, в рамках ленинизма разработаны учения о диктатуре пролетариата, об организации государственной власти в форме Советов и непосредственной демократии, о нации и национальных отношениях. Ленинизм был положен в основу советского марксизма.

В русском марксизме существовали различные направления. Некоторая часть марксистов, например, находилась под влиянием идей эмпириокритицизма; назовем эмпириомонизм А. Богданова, его известную теорию тождества общественного бытия и сознания. Г.В. Плеханов развивал материалистическое понимание истории, обращая внимание на те стороны общественной жизни и ее истории, которые у К. Маркса специально не исследовались – искусство, литература и их роль в историческом познании, роль личности в истории. Существовал легальный марксизм, среди его представителей были философы, ушедшие от марксизма к идеализму и религиозной философии (например, Н. Бердяев в своей критике учения Н. Михайловского пытался взаимодополнить марксизм и неокантианство³⁸, С.Л. Франк развивал идеи идеал-реализма), и экономисты, социологи, П. Струве и М. Туган-Барановский.

Существенным влиянием не только в России и СССР, но и за их пределами пользовались учения и теории Л. Троцкого, представителя Левой оппозиции и

³⁸ Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Канон+, 1999. 480 с.

IV Интернационала: это теория перманентной революции, теория мировой революции, теория деформированного рабочего государства и др. Группы троцкистов были и есть в различных регионах мира, поэтому можно рассматривать троцкизм как одну из версий марксизма.

Другая версия марксистской философии, оказавшая влияние на становление школы праксиса, – критический марксизм. Наиболее ярко критический марксизм представлен в деятельности Франкфуртской школы: в работах, Т. Адорно («Введение в социологию музыки»³⁹, «Негативная диалектика»⁴⁰, «Эстетическая теория»⁴¹), М. Хоркхаймера («Диалектика просвещения»⁴² – совместно с Т. Адорно), В. Беньямина («Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»⁴³, «О понятии истории»⁴⁴), Г. Маркузе («Разум и революция: Гегель и возникновение социальной теории»⁴⁵, «Эрос и цивилизация»⁴⁶, «Одномерный человек»⁴⁷, «Контрреволюция и восстание»⁴⁸), Ю. Хабермаса («Теория и практика»⁴⁹, «Теория коммуникативного действия»⁵⁰, «Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества»⁵¹).

³⁹ Адорно Т. Введение в социологию музыки // Адорно Т. Избранное: социология музыки. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7-190.

⁴⁰ Адорно Т. Негативная диалектика. М: Научный мир, 2003. 374 с.

⁴¹ Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с.

⁴² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум, СПб.: Ювента, 1997. 312 с.

⁴³ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. С. 16-66.

⁴⁴ Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. №46. С. 81-90.

⁴⁵ Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: «Владимир Даль», 2000. 541 с.

⁴⁶ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: «ИСА», 1995. 352 с.

⁴⁷ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

⁴⁸ Маркузе Г. Контрреволюция и бунт // Маркузе Г., Ванейгем Р. Молодежный бунт. Источник свободы или новое варварство. М.: Родина, 2023 г. С. 6-120.

⁴⁹ Habermas J. Theory and practice / Transl. by John Viertel. Boston: Beacon press, Cop. 1973. 310 p.

⁵⁰ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.

⁵¹ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 342 с.

Критика, как пишет Г. Маркузе, направлена против высокоразвитого индустриального общества: «...как целое это общество иррационально. Его продуктивность разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей, его мирное существование держится на постоянной угрозе войны, а его рост зависит от подавления реальных возможностей умиротворения борьбы за существование – индивидуальной, национальной и международной. ... Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов, и, соответственно, никогда прежде не знало такого объема господства над индивидом»⁵². Техника и наука выступают в роли подчиняющей идеологии, разум становится все более инструментальным, а рациональность – прагматичной. «Технология служит установлению новых, более действенных и приятных форм социального контроля и социального сплачивания»⁵³.

Г. Маркузе предлагает отказаться от положения марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата в качестве субъекта социальной революции и могильщика капитализма. Причина заключается в том, что рабочий класс уже интегрирован в это общество в результате манипулирования потребностями и сознанием со стороны господствующих классов. «Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить, становится или не становится потребностью в зависимости от того, является или не является она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов. В этом смысле человеческие потребности историчны, и в той степени, в какой общество требует репрессивного поведения индивида, его потребности и притязания на их удовлетворение подпадают под действие доминирующих критических норм»⁵⁴. В высокоразвитом индустриальном обществе потребности формируются односторонне, они оказываются ложными, человек становится «одномерным». Такой человек не способен ни выработать, ни воспринять революционное сознание, являющееся предпосылкой социалистической

⁵² Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. XI.

⁵³ Там же. С. XIX.

⁵⁴ Там же. С. 6.

революции. «Право на окончательный ответ в вопросе, какие потребности истинны и какие ложны, принадлежит сами индивидам, – но только на окончательный, т.е. в таком случае и тогда, когда они свободны настолько, чтобы дать собственный ответ. До тех пор, пока они лишены автономии, до тех пор, пока их сознание – объект внушения и манипулирования (вплоть до глубинных инстинктов), их ответ не может считаться принадлежащим им самим»⁵⁵.

В таком случае кто, какие социальные слои могут быть исполнителями и носителями революции, ее идей, ее субъектами? Это, очевидно, должны быть те социальные группы, которые не стали подчиняться «одномерному сознанию». К ним можно отнести расовые, национальные, религиозные меньшинства, критически мыслящую интеллигенцию, студенчество развитых стран, отсталые народные массы развивающихся стран. Но и их победа сомнительна, так как господство «одномерного общества» тотально, абсолютно, новейшие достижения науки и техники применяются в нем для сохранения и укрепления *status quo*.

Поэтому старое учение о революции «не работает», его нужно заменить новым революционным учением. Необходимо абстрагироваться от тех предпосылок, которые априори задают сложившиеся общественные отношения⁵⁶. Иначе говоря, в самом обществе не на кого и не на что опереться для критики и выдвижения нового проекта, так как тотальный контроль сметает всякий протест. Социальной революции должна предшествовать революция человека, его «великий отказ» принимать участие в игре потребительского общества и признавать своими диктуемые этим обществом потребности. Это отказ от «одномерного сознания», которое навязывается средствами массовой информации, от тех норм господствующей морали, которые интегрируют людей в это общество. Нужен индивидуальный бунт каждого, кто, опираясь на критическую теорию, понял механизм капиталистического господства, который маскируется демократическими правилами игры. «Как процесс диалектический, исторический процесс включает в себя сознание: распознавание и овладение

⁵⁵ Там же. С. 8–9.

⁵⁶ Там же. С. XIII.

возможностями освобождения. Следовательно, он включает в себя свободу. В той степени, в какой сознание определяется потребностями и интересами существующего общества, оно «несвободно»; но в той степени, в какой существующее общество иррационально, сознание становится свободным для более высокой исторической рациональности только в борьбе против существующего общества. В этой борьбе – разумное основание истины и свободы негативного мышления»⁵⁷.

Еще один представитель Франкфуртской школы - Ю. Хабермас – был тесно связан со школой праксиса (по философским взглядам, а также общался лично с представителями школы праксиса).

Ю. Хабермас развивает идеи герменевтики под влиянием своего учителя К.-О. Апеля, и положения марксизма оказываются переработанными в новом исследовательском контексте.

Так, Ю. Хабермас развивает теорию общества: он говорит, что в обществе взаимодействуют, накладываясь друг на друга его системная и социальная организация, что существует взаимосвязь между ними⁵⁸. К социальной организации относятся институты, социализация, символически структурированный жизненный мир, ценности. К системной организации относятся функции управления саморегулирующейся системы. Системная организация общества может быть соотнесена со способом производства, а социальная организация – с жизненным миром, повседневностью. Значимы оба способа организации и интеграции общества. Если определить систему как жизненный мир, элиминируется аспект управления, если понимать общество как систему, без внимания окажется аспект значимости⁵⁹.

Ю. Хабермас вводит понятие коммуникативности. Любое действие является коммуникативным. Именно коммуникация является тем связующим звеном, которое обеспечивает интегративное качество общества. Социальные системы сохраняются по отношению к внешней природе посредством инструментального

⁵⁷ Там же. С. 292.

⁵⁸ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. С. 13.

⁵⁹ Там же. С. 14.

действия, а по отношению к внутренней природе – посредством коммуникативных действий. Но инструментальное действие тоже предполагает коммуникацию и притязания на значимость, связанные с языком и intersубъективностью. «Структуры языковой intersубъективности являются настолько же конститутивными для опыта и инструментального действия, как и для установок коммуникативного действия»⁶⁰.

Как замечает Ю. Хабермас, речевая коммуникация обладает двойной структурой: с одной стороны, коммуникация осуществляется по поводу пропозициональных содержаний, с другой стороны, это метакоммуникация по поводу межличностных отношений. Или, «это специфически человеческое ограничение когнитивных возможностей и мотивов действия языковой intersубъективностью»⁶¹.

Другой проблемой в данном контексте является проблема дискурса и дискурсивных практик. В коммуникацию люди втягиваются благодаря дискурсу, через который осуществляется своего рода научение, образование и воспитание; через включение в дискурс люди достигают понимания и согласия, в коммуникации они осуществляют практику аргументации, ориентированную на взаимопонимание и согласование претензий на значимость⁶². Коммуникация предполагает диалог, понимание, достигаемое благодаря интерпретации. Интерпретация имеет рациональные основания. Высказываниям присуща имманентная рациональность, и «интерпретаторы не могут не принимать во внимание стандарты рациональности, которые они рассматривают как обязательные для всех участников коммуникации»⁶³. Помимо собственно процесса коммуникации рациональность имеет еще одну сторону. С точки зрения Ю. Хабермаса, кризисное состояние общества, старый социальный порядок постоянно воспроизводятся в коммуникативных действиях людей, потому что они не видят, не понимают подлинный смысл производимых ими действий и

⁶⁰ Там же. С. 25.

⁶¹ Там же. С. 22–23.

⁶² Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь мир, 2011. С. 75.

⁶³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 50–51.

применяемых дискурсивных практик. Для исправления ситуации и трансформации общества нужно изменить «коммуникационное сопровождение» активности людей, использовать новые дискурсы и коммуникативные практики. Осуществить это можно через различные формы и уровни образования, через принятие политических решений, через изменение права. Это, следовательно, мирный путь преобразования общества. Кроме того, Ю. Хабермас полагает, что люди в силу интересубъективности и рациональности всегда могут договориться между собой, согласовать дискурсы аргументации и избежать остроты конфликта, необходимо только наличие доброй воли. Но надо признать, что реальный процесс исторического развития не дает оснований, во всяком случае, пока, для такого оптимизма, хотя гуманистический порыв Ю. Хабермаса понятен.

В зрелом периоде творчества Ю. Хабермас отходит от марксизма, но сохраняет терминологию, способы постановки проблем, присущие марксизму как методу.

На становление школы праксиса оказал влияние и А. Грамши⁶⁴ (сборник эссе и заметок «Искусство и политика»⁶⁵). Он определяет марксизм как философию практики, подчеркивая всеобъемлющий и цельный характер марксистского мировоззрения. А. Грамши интересуют проблемы исторического материализма, которые нужно решать на основе применения диалектического метода. Главным двигателем исторического процесса, по А. Грамши, выступают народные массы, прогресс в жизни которых является критерием исторического прогресса. На протяжении истории народные массы развиваются от стихийности в своих действиях до сознательности. Повышение степени сознательности определяет результативность борьбы народных масс, их качественную трансформацию. А. Грамши согласен с марксистской идеей о ведущей роли (гегемонии) пролетариата. Его авторское дополнение данного тезиса состоит в том, что пролетариат должен становится более влиятельным в жизни страны до

⁶⁴ См.: Jay M. *Marxism and Totality: The Adventure of a Concept from Lukacs to Habermas*. Los Angeles, Berkley: University of California Press, 1984. P. 151–173.

⁶⁵ Грамши А. *Искусство и политика: в двух томах*. Т.1. М.: Искусство, 1991. 431 с.; Грамши А. *Искусство и политика: в двух томах*. Т.2. М.: Искусство, 1991. 335 с.

завоевания власти, что создает предпосылки для его взаимодействия с другими социальными группами, прежде всего, интеллигенцией. Поскольку пролетариат осуществляет руководство не только экономическое и политическое, но и культурно-идеологическое, важность приобретает проблема его духовного и нравственного совершенствования, которое необходимо для руководства массами и обществом и для осуществления культурной революции.

Кроме того, А. Грамши занимался исследованием вопросов, связанных с искусством. Говоря об активной роли искусства и его ответственности перед обществом, А. Грамши указывал на определенную автономию искусства и наличие у него своих методов и предмета.

Значительно влияние и Д. Лукача на становление школы праксиса как философского направления. Д. Лукач - один из самых выдающихся марксистских мыслителей XX в. (работы «История и классовое сознание»⁶⁶, «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»⁶⁷, «Своеобразие эстетического»⁶⁸, «К онтологии общественного бытия»⁶⁹). Как отмечает А.Н. Дмитриев, марксизм для Лукача был очень важен, так как представлял не только сферу практики, политической деятельности, но всеохватывающее, тотальное философское мировоззрение. «Марксизм означал связь политики и мировоззрения, их опосредование самостоятельными занятиями теорией»⁷⁰. Опираясь на марксизм как на метод, Д. Лукач переформулирует занимавшие его проблемы – связь культуры и жизни, практическая реализации этики, снятие противоречий между социологизмом и утопическим эсхатологизмом, исследовательской системностью и метафизическим пафосом. В то же время Д. Лукач предпринимает попытку «реконцептуализации» ядра марксистского учения (материалистическое понимание истории, учение о классовой борьбе и исторической миссии

⁶⁶ Лукач Д. История и классовое сознание. М.: Logos altera, 2003. 416 с.

⁶⁷ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

⁶⁸ Лукач Д. Своеобразие эстетического: в четырех томах. М.: Прогресс, 1986.

⁶⁹ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 417 с.

⁷⁰ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930 гг.). СПб.: Изд. Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, М.: Летний сад, 2004. С. 88.

пролетариата и др.), используя при этом методологический инструментарий философии жизни, неокантианства, а главное – Гегеля⁷¹.

Д. Лукач занимается также разработкой проблемы различения науки и идеологии. Новое революционное видение Д. Лукачем истории снимает противоположность утопической надежды на тотальную «революцию духа» и «эгоистической» классовой борьбы пролетариата за свои интересы. «Но для этого нужно было отождествить интересы пролетариата (как субъекта становящейся подлинной истории) с тотальностью общественного развития, и именно это допущение “экстранаучного порядка” и лежало в основе философско-теоретического обращения Лукача к марксизму – ибо он нашел в нем не только чистую методологию, но и идеологическое выражение самого характера современной ему эпохи»⁷². Д. Лукач утверждает, что истинными являются только воззрения пролетариата на общество и его развитие, потому что он видит будущее и, осознавая противоречия буржуазного строя, знает, чем его заменить. Пролетарское видение общества является целостным (системным), а буржуазное – частным⁷³.

Д. Лукач является исследователем эстетического наследия марксизма⁷⁴. В области эстетики он разрабатывает теорию классического реализма, с позиций которой критикует модернизм и социологизм в художественном творчестве.

Существенное влияние на философию школы праксиса оказал немецкий философ Э. Блох⁷⁵ (основные работы «Принцип надежды»⁷⁶, «Тюбингенское введение в философию»⁷⁷). Он решал задачу дополнения марксизма философской антропологией, что выливалось в разработку им «философии надежды».

⁷¹ Там же. С. 90-92.

⁷² Там же. С. 93.

⁷³ Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 56.

⁷⁴ См.: Jay M. *Marxism and Totality: The Adventure of a Concept from Lukacs to Habermas*. Los Angeles, Berkley: University of California Press, 1984. P. 85–127.

⁷⁵ См.: Jay M. *Marxism and Totality: The Adventure of a Concept from Lukacs to Habermas*. Los Angeles, Berkley: University of California Press, 1984. P. 174–195.

⁷⁶ Блох Э. *Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: Антол. зарубеж. лит.: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз.* М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.

⁷⁷ Блох Э. *Тюбингенское введение в философию*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. 400 с.

Центральное положение философии надежды заключается в том, что человек – абстрактный и освобожденный от социальных связей и отношений – является целью мира и исходным пунктом философии как таковой. Жизнь человека определяется побуждениями и инстинктами, главные из которых – голод и надежда (она возникает из стремления к удовлетворению голода). Мировое развитие представляет собой процесс движения к конечному состоянию совершенства, совпадению «сущности» и «основания» мира. Схема данного развития включает три стадии: первая стадия – это начало, «ничто», «не», «нехватка»; вторая стадия – это стадия становления, осуществления, «еще не»; третья стадия – конец, «все». В качестве источника развития выступает присущая миру «нехватка». Ей порождается надежда, которая превращается в основное определение объективной действительности и, таким образом, онтологизируется.

Э. Блох считает, что не существует материи, не зависимой от сознания человека, материя представляет собой взаимодействие субъекта и объекта, духа и вещества, поэтому природа – это проблема субъекта. В конечном состоянии мира прекращается развитие и движение, материя исчезает, воцаряется покой, абсолютная истина и свобода. Рассуждая об историческом процессе, Э. Блох предлагает заменить понятие закономерности общественного развития понятием «тенденция», которое характеризует движение человечества к будущему как месту своего совершенства, царству спасения. К конкретной истории нужно относиться с точки зрения данной цели. Содержание истории образует реализация функции утопического мышления, порожденного надеждой на лучшее будущее и направленного на его предвосхищение. Марксизм Э. Блох рассматривает как утопию, но конкретную, подтвержденную фактами и соединенную с наукой. Средоточием взглядов К. Маркса он считает утопию о неотчужденном, цельном человеке, которой современные общества не соответствуют и потому заслуживают критики. Идеал цельного человека достигается не через социальные преобразования, а через моральное обновление людей.

Можно сказать, что Э. Блох стоял у истоков гуманистического марксизма – направления, к которому мы относим и философию школы праксиса.

«Гуманистический», в самом общем смысле слова, означает «относящийся к гуманизму». Это понятие выражает любовь к человеку, говорит о том, что человек является целью общества и исторического процесса, видит в общественной жизни и историческом процессе «человеческое содержание».

Гуманистическая направленность марксистской философии представлена в постановке проблемы субъектно-объектных отношений, соотношения в истории субъективного и объективного, материального и идеального. Разработка и решение этой проблемы сконцентрированы в человеке, «человеческом» (экзистенциально-антропологическом) содержании истории⁷⁸. К. Маркс писал: «История не делает ничего, она “не обладает никаким необъятным богатством”, она “не сражается ни в каких битвах”. Не “история”, а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. “История” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное как деятельность преследующего свои цели человека»⁷⁹, а материалистическое понимание истории – наука о «действительных людях и их историческом развитии»⁸⁰. Здесь речь идет о субстанциональной основе исторического процесса, о чем говорится, например, в экзистенциальном марксизме.

Представителями экзистенциального марксизма, эмпирико-субъективной интерпретации марксизма являются Ж.-П. Сартр (работы «Коммунисты и мир»⁸¹, «Проблемы метода»⁸²) и М. Мерло-Понти (работы «Гуманизм и террор»⁸³, «В

⁷⁸ Гуманистические марксисты ключевой работой марксистского учения считают работу «Экономическо-философские рукописи 1844 года» – труд, относящийся к раннему периоду творчества К. Маркса: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 42. М.: Изд-во полит. литературы (см далее), 1974. С. 41–174.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 102.

⁸⁰ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 299.

⁸¹ Sartre J.-P. The Communists and Peace. With a replay to Claude Lefort. New York: G. Braziller, 1968. Pp. 3-232.

⁸² Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993. 240 с.

⁸³ Merleau-Ponty M. Humanism and terror: An essay on the Communist problem / Transl. a. with notes by John O'Neill. Boston: Beacon press, Cop. 1969. 189 p.

защиту философии»⁸⁴). В своих работах они опираются на феноменологическую философскую традицию. Данная традиция определяет постановку проблемы – в каких условиях можно вновь воспроизвести фундаментальные положения марксизма, исходя из философии сознания вообще или индивидуального сознания?⁸⁵ М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартр не принимают в качестве отправной точки объективированную социальную реальность или реальность, приравненную к объекту, как и не признают они законы истории, которые можно было сравнить с законами природы. За исходные они принимают такие понятия, как «для-себя-бытия», «сознание», «человек в ситуации». Их интерпретация марксизма сводится к следующему.

Во-первых, утверждается гносеологический примат субъективности, то есть первичность субъективности с точки зрения познания. У Сартра речь идет об онтологическом примате субъективности, о сознании или *праксисе*, то есть о действующем человеке. Тезис, что общественное бытие определяет сознание, не принимается, так как невозможно предполагать несвободу сознания. Вместе с тем, признается взаимодействие ситуации и сознания: каждый мыслит мир, исходя из той ситуации, в которой он находится. Эта ситуация побуждает сознание субъекта и вынуждает так или иначе мыслить.

Во-вторых, примат сознания находит свое продолжение в онтологическом примате. Это означает, что историческая реальность создается мыслящими и действующими людьми, или, если сформулировать по-другому, история состоит из людей, мыслей и человеческих действий, а также из более или менее очеловеченных предметов, то есть вещей, имеющих значение благодаря людям. Здесь видим параллель с категориями опредмечивания и распредмечивания, которые довольно основательно исследовались в советской марксистской философии⁸⁶.

⁸⁴ Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.

⁸⁵ Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 27.

⁸⁶ См.: Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И.Ф. Балакина [и др.]. М., 1969. С. 73–144;

В-третьих, Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти признают диалектическую связь между ситуацией и субъективностью: я воспринимаю мир, исходя из ситуации, в которой я нахожусь, и моя ситуация как таковая существует только благодаря тому, как я ее воспринимаю. По Сартру, ситуация существует только благодаря моему «замыслу» или благодаря моему «праксису». Сознание, будучи абсолютно свободным, в мире, созданном другими людьми, живет как пленник; оно овеществлено или отчуждено. Сознание свободно только в ситуации, когда внешняя реальность становится частью сознания⁸⁷.

Представители экзистенциального марксизма, с одной стороны, отталкиваются от идей К. Маркса – о преодолении созерцательности в понимании предмета деятельности и познания, о чувственно-предметной деятельности субъекта, о том, что человек воплощается в результатах своей деятельности, по которым можно понять его развитие в истории. С другой стороны, свобода человека трактуется субъективистски, родовая сущность человека, его историчность, социальность рассматриваются не через призму включенности в определенные отношения с другими людьми, а только через нахождение в своей ситуации и обнаружение себя в ней. Такая особенность экзистенциального марксизма объясняется, на наш взгляд, не только феноменологической установкой, в ней выражается и критика наличного общества, общественных отношений и положения человека в этом обществе. Не случайно Ж.-П. Сартр подчеркивает активистскую, если не сказать экспериментаторскую, изобретательскую, направленность своей философии в смысле постулирования решимости действовать определенным образом, выбирая себя и одновременно утверждая новые ценности, новые поступки.

Поскольку историческая действительность понимается как результат творения субъективности, праксиса, постольку в экзистенциальном марксизме оказывается востребованной герменевтическая традиция, ориентированная на

Можеева А.К. К истории развития взглядов К. Маркса на субъект исторического процесса // Проблема человека в философии / Ред. коллегия: И.Ф. Балакина [и др.]. М., 1969. С. 145–188.

⁸⁷ Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 27–29.

интерпретацию и понимание (надо заметить, что Сартр продолжает линию критики исторического разума, представленную в работах В. Дильтея, Г. Зиммеля).

Р. Арон⁸⁸ вычленяет две проблемы соотношения феноменологического экзистенциализма и марксизма. Первая проблема – это проблема истинности исторического познания. Если восприятие и историческое понимание зависят от интерпретатора и ситуации, откуда появляется истинность этих восприятия и интерпретации? Это проблема релятивизма. Вторая проблема – это проблема смысла истории. Если каждый придает истории свой смысл, то откуда возникает смысл истории вообще?⁸⁹

Обнаружение данных проблем ставит под вопрос научность исторического познания. Мерло-Понти и Сартр, в свою очередь, предлагают варианты преодоления возникшей трудности. Они исходят из гомогенности жизненного опыта исторического субъекта и познания прошлого историком, то есть процесс, опыт переживания истории и познание истории взаимосвязаны и даже совпадают. Это, с методологической точки зрения, существенный момент, так как историческое познание предстает многоуровневым, познание истории и ее переживание должны быть соотнесены друг с другом. Мерло-Понти, как феноменолог, предлагает преодолеть указанную трудность через интерсубъективность: история имеет смысл лишь в той мере, в какой она ведет к взаимному признанию людей, история представляется разумной именно потому, что коммунистическое движение ведет к этому взаимному признанию. О детерминизме и возможности предвидения будущего на его основе речи не идет, иначе ставится под вопрос свобода⁹⁰. Позиция Сартра состоит в том, что каждый должен относиться к другому как к субъекту и узнавать через него свой замысел: взгляд Другого превращает меня в объект и наоборот. Таким образом, имеет место взаимная объективация сознаний, и мы можем обладать только

⁸⁸ Работа Р. Арона, посвященная критике философии М. Мерло-Понти, Ж. –П. Сартра: Арон Р. Воображаемые марксизмы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 382 с.

⁸⁹ Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 29–30.

⁹⁰ Там же. С. 31.

объективированным сознанием Другого⁹¹. Данная позиция Сартра отличается от позиции герменевтики в лице Ф. Шлейермахера или В. Дильтея, говоривших о постижении чужого сознания и проникновении в замысел субъекта.

Представителем гуманистического марксизма является и Э. Фромм⁹² (работы «Бегство от свободы»⁹³, «Иметь или быть?»⁹⁴, «Концепция человека у К. Маркса»⁹⁵), которого относят также к неотрейдизму, фрейдомарксизму и экзистенциализму. Действительно, он создает синтез учений К. Маркса и З. Фрейда, считая, что тот и другой стремились к освобождению человека. Определяя суть философии К. Маркса, Э. Фромм утверждает, что «его философия не материализм и не идеализм, а синтез натурализма и гуманизма»⁹⁶. Учение К. Маркса формировалась из переосмысления и материалистической, и идеалистической философии, значение идеализма К. Маркс видел в идее активности, деятельностной сущности субъекта, и эта идея получила развитие в его философии.

Э. Фромм подчеркивает недопустимость примитивного толкования материализма К. Маркса и необходимость освобождения исторического материализма от искажений⁹⁷. Разъяснение Э. Фроммом своего вывода заключается в следующем. Во-первых, в марксистской теории нет такого положения, что главным мотивом человеческой деятельности является материальная выгода. Во-вторых, истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем, чтобы он мог – и это главное – развиваться как человек (сформировать себя как гармоничную личность), освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми. В-третьих, философия Маркса – это

⁹¹ Там же. С. 32.

⁹² См. напр.: Куштым Е.А. «Гуманистический радикализм» Эриха Фромма – фундаментальный подход к созданию социума // Социум и власть. 2010. № 1. С. 15–19.

⁹³ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ: Астрель, 2011. 284 с.

⁹⁴ Фромм Э. Иметь или быть? . М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.

⁹⁵ Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека: сборник / Общ. ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Республика, 1992. С. 375-414.

⁹⁶ Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека: сборник / Общ. ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Республика, 1992. С. 380.

⁹⁷ Там же. С. 376, 379.

скорее духовный экзистенциализм, и именно ввиду своей духовной сущности он не совпадает, а противостоит материалистической практике и материалистической философии нашего века⁹⁸. Говоря о «материалистической философии нашего века», Э. Фромм, очевидно, подразумевает советскую философию, от которой полагает нужным дистанцироваться. Что касается экзистенциализма К. Маркса, то это утверждение, на наш взгляд, более эмоциональное, нежели соответствующее реальному содержанию марксистской философии. То, что в марксизме есть точки пересечения с экзистенциализмом (как, впрочем, и с другими философскими направлениями, например, герменевтикой), не является достаточным обоснованием для интерпретации марксизма исключительно через «призму» экзистенциализма.

Какие положения марксистской философии раскрывают ее гуманистическую направленность или могут быть развиты в гуманистическом ключе?

Во-первых, Э. Фромм обращает внимание на сам способ исследования К. Марксом общества и человека: исследуя человека и историю, он исходит не из идей, а из действительного (реального) человека и экономических и социальных условий его жизни; способ, каким человек производит, определяет и его мышление, и его желания⁹⁹.

Во-вторых, человек – сам творец своей истории, и творит самого себя¹⁰⁰. То, каким будет человек, зависит, по Э. Фромму и от общества, и от усилий самого человека, его стремления измениться, совершенствоваться, творить.

В-третьих, Э. Фромм отмечает анализ К. Марксом потребностей человека, где различаются постоянные, «устойчивые потребности», которые сохраняются при любых обстоятельствах и могут лишь слегка менять форму и направление под воздействием социальных условий, и «относительные потребности», которые происхождением своим обязаны только вполне определенному типу социальной

⁹⁸ Там же. С. 377.

⁹⁹ Там же. С. 380.

¹⁰⁰ Там же. С. 382.

организации¹⁰¹. У К. Маркса ставится вопрос и об истинных и ложных потребностях. Вопрос, который, как отмечалось, активно исследовался Франкфуртской школой.

В-четвертых, важным является понимание труда, который является выражением человеческой жизни. Человек изменяется в труде и посредством труда. Э. Фромм постоянно подчеркивает, что труд является способом отношения человека к природе¹⁰². Данная мысль может быть продолжена: такое понимание труда подводит к рассмотрению человека как субстанциональной основы истории и к исследованию способа производства и его роли в историческом процессе. Это первое. А второе состоит в том, что труд еще и потому является собственно человеческим, что в нем выражаются и воплощаются знания и смыслы (на что обращают внимание экзистенциализм, феноменологическая герменевтика).

В-пятых, для Э. Фромма особой значимостью, как для психолога и практикующего аналитика, обладает проблема сознания, с решением которой у К. Маркса он согласен: общественное бытие определяет сознание, сознание является осознанным бытием, но в нем могут быть искажения, идеи обладают действенной силой¹⁰³.

В-шестых, Э. Фромм «гуманизирует» учение К. Маркса о роли насилия в истории общества, отмечая, что у Маркса насилие не представляет собой элемента, обязательного для процессов переустройства общества. При этом К. Маркс отмечает двойственность функций государства: с одной стороны, это организация насилия, классового господства, с другой стороны, государству присуще выполнение «общих дел», когда оно исходит из общенародного интереса, обеспечивая безопасность, организацию работ и др.

В-седьмых, одной из центральных тем исследования гуманистического марксизма является тема отчуждения, его форм. Здесь Э. Фромм вносит корректировку в данную тему. «Маркс думал, что рабочий класс – это самый отчужденный класс и потому освобождение от отчуждения должно обязательно

¹⁰¹ Там же. С. 381.

¹⁰² Там же. С. 383.

¹⁰³ Там же. С. 385–386.

начаться с освобождения рабочего класса. Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог предвидеть, что настанет день, когда огромная (и все возрастающая) часть населения попадет в зависимость не от машин, а станет объектом манипулирования со стороны других людей и символов. ... служащий, посредник, представитель фирмы, менеджер – это люди, еще более отчужденные, чем профессиональный рабочий»¹⁰⁴. Отчуждение, таким образом, становится тотальным.

В-восьмых, развитие человека и свобода являются целями социализма. «Социализм, по Марксу, – это общество, в котором человеческое существо добивается реализации самого себя как «*Homo sapiens*» путем преодоления отчуждения. Социализм в не меньшей степени есть создание условий для истинно свободного, разумного, деятельного и независимого человека; социализм есть осуществление мессианской идеи – уничтожения идолов»¹⁰⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что представители гуманистического марксизма актуализируют ряд положений марксистской философии, они не дополняют принципиально учение К. Маркса, а развивают те положения, которые в нем эксплицитно или имплицитно есть. Сам К. Маркс не считал возможным создание законченной теоретической системы, охватывающей все уровни организации мира, он полагал, что задача философии – дать метод исследования и преобразования общества, подчеркивая конкретно-исторический характер любого общества.

Для гуманистического марксизма в целом характерен разносторонний охват исторического процесса и общественной жизни: в его рамках исследуются способ производства, системные и внесистемные характеристики общества, базисные и надстроечные явления, коммуникативные процессы, раскрывается субстанциональная основа истории, ее антропологическое содержание, где существенную роль играет категория «праксис». Значительное внимание

¹⁰⁴ Там же. С. 402.

¹⁰⁵ Там же. С. 404.

уделяется анализу субъекта исторического процесса и выяснению гуманистического смысла истории, который определяется как освобождение человека, преодоление тотальности отчуждения. В этой связи следует сказать о революционном характере гуманистического марксизма. Более того, в контексте гуманистического марксизма исследуются методологические вопросы исторического познания, обусловленные субъектно-объектными отношениями.

В настоящем параграфе мы тезисно рассмотрели направления марксистской философии, развивавшиеся в XX веке и оказавшие наибольшее идейное влияние на становление школы праксиса как самостоятельного философского направления. В следующем параграфе рассмотрим исторические, социальные и культурные предпосылки возникновения школы праксиса, а также основные этапы истории данной версии марксизма.

1.2. История школы праксиса

Для адекватного понимания содержания философских идей и деятельности школы праксиса, значения этих идей для развития как марксистской философии в частности, так и в целом мировой философии XX в., понимания актуальности философии школы праксиса, нужно знать и учитывать тот социокультурный и исторический контекст¹⁰⁶, в котором появилось и развивалось данное направление.

История школы праксиса – это неотъемлемая и органичная часть истории Югославской революции¹⁰⁷. Школа праксиса не только была порождена этой революцией, но и наиболее полно и последовательно выразила и представила идеи революции как в самой Югославии, так в мировом сообществе, раскрыв

¹⁰⁶ Об историческом значении школы праксиса и ее месте в югославской культуре см.: Bogdanić L. Čemu praxis? Ili o historijskom porijeklu i mjestu Praxisa // *Aspekti praxisa. Reflesije uz 50. obljetnicu* / Urednici B. Mikulić, M. Žitko. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2015. Str. 24–45; Jakšić B. Praxis – kritički izazovi // *Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974)* / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 30–89.

¹⁰⁷ Sher G.S. *Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia*. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. P. XII.

гуманистическое содержание марксистской философии как философии праксиса. Социокультурные предпосылки обусловили и открытый, диалогичный характер философии праксиса, позволивший ей продуктивно разработать проблемы сущности человека и истории, социального управления и культуры.

В течение длительного временного промежутка истории от средневековья до начала XX в. (по сути, до образования 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев) территория Югославии входила в состав разных империй, испытывала различные культурные влияния. Процесс конституирования югославского государства был сложным ввиду разнородности общества, несовпадения уровней развития регионов, религиозных разногласий. Такая ситуация, с одной стороны, делала общество открытым к взаимодействию с иными культурами и ценностями, а с другой стороны, обостряла проблему национальной идентичности, выбора пути развития, что стало предметом размышлений и дискуссий югославских интеллектуалов. Наиболее ощутимым было влияние со стороны Западной Европы (Австро-Венгрия) и России. Так, в XIX в. в Сербии использовался опыт радикальной российской публицистики, были распространены идеи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, и к 1920-м гг. в Югославии уже была развита публицистическая традиция, а интеллектуалы и студенты принимали активное участие в коммунистическом движении, осваивая идейное содержание марксизма¹⁰⁸.

Решающую роль в развитии школы праксиса сыграла Югославская революция, которая включала в себя три фазы (как их выделяет Г. Шер): первая - Народно-освободительная война (1941–1945 гг.), вторая - исключение Коммунистической партии Югославии¹⁰⁹ из Коминформбюро в 1948 г. и советско-югославский конфликт (1948–1953 гг.), и, наконец, последняя фаза – внутренние реформы в Югославии, включающие в том числе организацию

¹⁰⁸ Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. P. XV–XVI.

¹⁰⁹ Далее для обозначения Коммунистической партии Югославии мы будем использовать сокращение КПЮ.

рабочего самоуправления, партийную реформу, политическую и экономическую децентрализацию¹¹⁰.

Первая фаза связана с организацией движения Сопротивления фашистской оккупации, с партизанской войной, в ходе которой была одержана победа, и произошло изменение социально-экономического и политического устройства Югославии. Некоторые из участников школы праксиса (например, Михайло Маркович) были партизанами, принимали непосредственное участие в преобразовании югославского общества. Это было поколение (в большинстве) родившихся в середине 1920-х гг. и лично созревших во время партизанской войны. Партизанское движение под руководством И. Броз Тито было, в значительной степени, независимым, самостоятельным (помощь Советского Союза не была большой и в принципе была затруднена до 1944 г. из-за значительного расстояния между СССР и Югославией; к тому же не всегда просты были взаимоотношения СССР, югославских партизан и короля Югославии, но это не является темой данного параграфа¹¹¹), и одержанная победа вселяла чувство уверенности в своих силах, веру в возможности человека изменить мир, в его творческое начало и достоинство. Данное чувство эксплицировалось в идейно-теоретическое содержание.

Вторая фаза (начавшаяся с исключением КПЮ из Коминформбюро, ставшего преемником Коминтерна) драматична и для югославской компартии, и для югославского общества. Участники партизанского движения, члены КПЮ, люди, тем или иным образом участвовавшие в Народно-освободительной борьбе и формировании послевоенного государства Югославии как федерации шести социалистических республик, оказались дезориентированными. Разгорелась борьба между сторонниками И. Сталина и И. Броз Тито, сторонниками М. Джиласа, Э. Карделя и их противниками. В то же время исключение КПЮ из Коминформбюро вызвало у властей страны потребность объяснить свою позицию

¹¹⁰ Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. P. 3.

¹¹¹ Подробнее о сложностях, перепитиях Народно-освободительной войны см.: Романенко С.А. «Неистовая ожесточенная война за существование»: национальные движения народов Югославии 1941–1945 // Славянский альманах, 2004. М.: Индрик, 2005. С. 285–340.

перед югославской общественностью, теоретически обосновать выбор своего пути развития, что активизировало философские дискуссии. Нужно было доказать, что в Югославии нет измены принципам марксизма, что он трактуется верно. В 1948–1949 гг. начало активно развиваться движение «Назад к Марксу», в котором приняли участие, прежде всего, молодые философы. Некоторые из них (например, Г. Петрович, И. Кувачич) учились в Советском Союзе. Г. Петрович, в частности, будучи в Москве, выступил с критикой советской философии, обвинив ее в излишнем администрировании и авторитаризме и искаженном понимании предмета философии. В целях поиска аутентичного, «живого» содержания в марксизме¹¹² югославские философы тщательно изучают работы К. Маркса, издают его ранние работы, в которых, как полагают, ярко выражена гуманистическая направленность, исследуют эволюцию марксистских антропологических и гуманистических идей в «Капитале». Более того, изучаются различные варианты марксистской философии, и особое внимание обращается на русский и советский марксизм: Г. Петрович защищает диссертацию по философии Г.В. Плеханова, издаются работы, в которых анализируется борьба марксистских течений в России и СССР в 1917–1939 гг.

Третья фаза Югославской революции характеризуется как позитивная: нужно было подтвердить жизнеспособность альтернативного пути социалистического развития, то есть совершить определенные практические действия. Были проведены структурные реформы, появилось самоуправление рабочих (модель самоуправляющегося социализма), была проведена ревизия партии (КПЮ, в 1952 г. КПЮ была переименована в Союз коммунистов Югославии), а также задач, стоящих перед партией, провозглашен призыв к битве мнений, критике и самокритике. Сложившаяся атмосфера способствовала свободе мысли, развитию философии. Философское осмысление предполагало и практические действия: часть интеллектуалов понимала свою миссию как

¹¹² Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. P. 9.

продолжение революции в форме культурной революции¹¹³, направленной на формирование нового типа человека. Получили распространение идеи о культурном рабочем, о движении истории через критику отживших тормозящих развитие человека общественных отношений.

Дискуссии имели место не только в философии, но и в сфере литературы и искусства, для которых это время также было периодом расцвета. В литературе и искусстве шла идейная борьба между сторонниками социалистического реализма, сторонниками направления «искусство ради искусства» и другими. Открытость обсуждений (например, в журналах), столкновение мнений способствовали консолидации интеллектуалов, что сыграло важную роль в их последующем конфликте с партией, постепенно отходившей от курса на поддержку критики и самокритики, свободомыслия.

Если рассмотреть деятельность школы праксиса в контексте, выходящем за пределы Югославии, то можно сказать, что после окончания Второй мировой войны в интеллектуальных кругах многих стран все активнее стали рассматриваться идеи гуманизма, ценности жизни отдельного человека. Вопросы о гуманизме обсуждались в связи с критикой социального неравенства, отчуждения, потребительского мировоззрения. Например, в советской философии появляются работы Б.Г. Батищева, О.Г. Дробницкого, Э.В. Ильенкова, в которых концентрируется внимание на гуманистическом содержании марксизма (ранее нами были рассмотрены некоторые направления гуманистического марксизма).

Критика массового общества, общества потребления велась и со стороны «новых левых», но они, «ниспровергая» устои общества, не ставили вопрос о будущем, о преобразующей деятельности человека, поэтому школа праксиса дистанцировалась от них так же, как от праворевизионистских групп, которые отрицали необходимость социалистической революции.

Далее обозначим несколько ключевых вех в истории школы праксиса.

IV Съезд югославского философского общества

¹¹³ Ibid. P. 15.

10–11 ноября 1960 г. в г. Блед (современная Словения) состоялся очередной съезд югославского философского общества, на котором возникла ожесточенная дискуссия между представителями двух сформированных в 1950–60-х гг. направлений югославского марксизма – диалектико-материалистического (противники называли это направление ортодоксальным и догматическим) и антропологического (сами они себя называли аутентичными марксистами, в то время как противники их называли абстрактными гуманистами). Основная полемика велась относительно теории отражения и статуса диалектического материализма. Тогда М. Кангрга, Г. Петрович и М. Маркович представили свое предложение, позволяющее «превзойти дуализм духа и материи, объектов и ценности»¹¹⁴. Они предложили в качестве основной категории рассматривать категорию практики, а не материю и сознание. В тот период понятие практики оставалось неразработанной проблемой: так как, несмотря на то, что философию Маркса принято считать философией практики, многие марксисты, особенно советские и восточноевропейские, определяли практику только как критерий истинности и не разрабатывали теоретически концепцию практики¹¹⁵.

Организация Корчуланской летней школы

Идейным вдохновителем летней школы стал Р. Супек. В декабре 1962 г. он составил предложение об организации Философско-социологического семинара (летней школы), которое было рассмотрено на встрече представителей философских и социологических кафедр в Загребе. Целями школы были обозначены: «...повышение уровня знаний и преподавания философии и социологии посредством лекций, дискуссий и обсуждений между университетскими и школьными преподавателями и наиболее “продвинутыми” студентами (1); рассмотрение актуальных вопросов философии и социологии (2); междисциплинарная дискуссия философов и социологов с учеными других

¹¹⁴ Маркович М. Разговор с философом // Дискурс Пи: Научно-практический альманах. 2007. № 1 (7). С. 68.

¹¹⁵ Брайович С.М. Проблема отчуждения и современная югославская философия (на материалах журнала *Праксис*): дис. ... канд. филос. наук. М., 1968. С. 53–54.

направлений (3); усиление связи между университетскими и школьными преподавателями (4); поддержка межреспубликанских связей на университетском и школьном уровнях (5); установление “профессиональных и идейных связей” с иностранными философами, социологами и другими выдающимися общественными деятелями (6); создание возможности для приезда иностранных студентов и молодых ученых, интересующихся современной югославской философией, социологией и общественной действительностью в целом (7)»¹¹⁶. Также прогнозировалась необходимость издательской деятельности и теоретического обоснования школы.

Организационная структура школы была следующей: руководящий комитет (было от 7 до 29 членов в разные годы), председатель, заместитель председателя, секретарь, директор. Первый Философско-социологический семинар на острове Корчула на тему «Прогресс и культура» состоялся 28.06.1963 г. – 09.07.1963 г. Среди его участников были заявлены, в том числе, известные «западные марксисты» Э. Фромм, А. Лефевр, Л. Гольдман, А. Шафф. Корчуланская летняя школа проводилась 11 раз, последний в 1974 г.¹¹⁷ Не проводилась школа в 1966 г., что было связано с кризисом в Хорватском философском обществе. Запланированная на 1975 г. школа с темой «Социализм и права человека», переносилась на 1976 г., потом на 1977 г., и в итоге не состоялась. Официальной причиной прекращения проведения Корчуланской летней школы стало снижение объема финансирования со стороны республиканского (хорватского) Сообщества

¹¹⁶ Đidara R. *Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad*. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. Str. 115–116.

¹¹⁷ Даты проведения и темы Корчуланской летней школы:
 08.07.1964 г. – 22.07.1964 г. Смысл и перспективы социализма;
 16.08.1965 г. – 28.08.1965 г. Что есть история?;
 16.08.1967 г. – 26.08.1967 г. Творчество и овеществление;
 14.08.1968 г. – 24.08.1968 г. Маркс и революция;
 20.08.1969 г. – 29.08.1969 г. Сила и человечность;
 19.08.1970 г. – 26.08.1970 г. Гегель и наше время. Ленин и «новые левые»;
 22.08.1971 г. – 30.08.1971 г. Утопия и реальность;
 27.08.1972 г. – 31.08.1972 г. Равенство и свобода;
 19.08.1973 г. – 29.08.1973 г. Буржуазный мир и социализм;
 25.08.1974 г. – 29.08.1974 г. Искусство и современный мир.

самоуправления по вопросам науки¹¹⁸. Но это происходило на фоне обвинений со стороны Союза коммунистов Югославии в политической оппозиционной деятельности, например, посредством публикации обличающих статей в официальных газетах партии¹¹⁹.

Тексты докладов, заседаний, вступительных речей на сессиях Корчуланской летней школы (кроме школы в 1963 г. и в 1974 г.) публиковались в журнале «Праксис». В журнале «Праксис» публиковались и впечатления, комментарии от участников Школы (в основном от иностранных), а также информация организационного характера о проведении Школы.

Издание журнала «Праксис»

Первыми изданиями, в которых были опубликованы философские идеи, развиваемые представителями школы праксиса, можно назвать сборник «Некоторые проблемы теории отражения»¹²⁰, опубликованный по итогам упоминавшегося IV съезда Югославского философского общества 1960 г., сборник «Гуманизм и социализм»¹²¹, опубликованный по итогам прошедшего в том же году съезда Хорватского философского общества, а также журнал «Взгляды»¹²² («Pogledi» – хорв.).

Концептуально идея философского журнала, издаваемого Хорватским философским обществом, оформилась осенью 1963 г., когда, по словам Г. Петровича, спонтанно самоорганизовались 7 человек (упоминаемые ранее Б. Бошняк, Д. Грлич, М. Кангрга, Г. Петрович, Р. Супек, П. Вранички,

¹¹⁸ Samoupravna interesna zaednica za nauku (хорв.)

¹¹⁹ Например, в газете «Коммунист» («Komunist») были опубликованы статьи: 08.10.1973 г. – «Внепартийная позиция философии» («Vanpartijska pozicija filozofije»), 22.10.1973 г. – «Старые методы новых левых» («Stare metode «nove levice»).

¹²⁰ Neki problemi teorije odraza: referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja, Bled, 10–11 novembra 1960 / Urednik V. Pavićević. Beograd: Stampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. 143 str.

¹²¹ Humanizam i socijalizam: zbornik radova u 2 sv. / Urednik B. Bošnjak i dr. Zagreb: Naprijed, 1963.

¹²² Журнал Загребского университета, выходивший в 1950-х гг., главным редактором которого был Р. Супек. Задачей журнала объявлялось строительство социалистической культуры, творческое применение марксистской мысли. В журнале печатались статьи как по общественным, так и по естественным наукам.

Д. Пейович), которые стали первой редакцией журнала. Журнал издавался с 1964 г. по 1974 г., всего было 38 томов (59 номеров) югославского издания и 23 тома (38 номеров) международного издания (на английском, немецком, французском языках). В журнале помимо статей (посвященных философским идеям школы праксиса, критике с точки зрения марксизма существующей в то время политической реальности, реакции и осмыслению событий в Югославии и мире) публиковались, как обозначалось, материалы летних школ, а также ответы на критику в адрес или в целом философских идей школы праксиса, или отдельной работы и/или кого-либо из представителей школы праксиса.

В заглавной статье первого номера журнала (№1 за 1964 г.) «Почему праксис?» Г. Петрович объясняет выбор такого названия тем, что «практика» является центральным понятием марксовской мысли и наиболее адекватно выражает квинтэссенцию философии вообще. Кроме того, греческое слово показывает преемственность философии и «...может послужить напоминанием для того, чтобы мы, подобно древнегреческим философам, думая о будничном, не упускали из вида того, что в нем небуднично и важно»¹²³. Кроме выбора названия в этой статье обозначается и «девиз» школы праксиса: «Хотим философский журнал в том смысле, в котором философия есть мысль революции: беспощадная критика всего существующего, гуманистическое видение действительно человеческого мира и вдохновляющая сила революционной деятельности»¹²⁴.

В течение практически всего периода издания журнала редакции приходилось сталкиваться с многочисленной критикой в свой адрес со стороны идейных противников, а также официальных представителей власти. Особенно выросло давление после студенческих беспорядков 1968 г.

В 1974 г. Комитетом по координации науки и технологии СФРЮ было вынесено решение о невыделении финансирования (по формальной причине несоблюдения правил участия в совместном финансировании научных журналов), а в начале 1975 г. типография, в которой печатался журнал «Праксис», решила

¹²³ Petrović G. Čemu praxis // Praxis. 1964. № 1. Str. 4.

¹²⁴ Ibid.

больше не оказывать услуги по печати журнала (по решению политического актива и органов управления типографии). После этого редакция журнала направила письмо читателям о том, что дальнейшее издание журнала «Праксис» невозможно¹²⁵.

Более того, в 1975 г. восемь сотрудников Белградского университета, сотрудничающих с журналом «Праксис» (некоторые из них входили и в редакционный совет журнала), были уволены из университета (М. Маркович, С. Стоянович, Л. Тадич, З. Голубович, М. Животич, Д. Мичунович, Н. Попов, Т. Инджич).

Издание журнала «Praxis International»

Несмотря на то, что институционально школа праксиса была «разгромлена», представители школы праксиса и в целом сотрудничающие с журналом «Праксис» не прервали свою активность, продолжали коммуникацию, предпринимали попытки возродить журнал и школу. Одной из таких попыток стало издание «Praxis International». Журнал выходил с 1981 г. по 1994 г. С 1981 г. по 1989 г. главными редакторами были М. Маркович и американский философ Р. Бернштейн, а затем до 1994 г. – С. Стоянович и американский политический теоретик С. Бенхабиб. По сути, издание данного журнала – инициатива белградской группы, поддержанная иностранными философами и социологами, в том числе Р. Бернштейном, Ю. Хабермасом и А. Вельмером. Загребская часть группы не поддержала выпуск журнала в такой форме, так как, во-первых, они считали, что журнал должен быть югославским, включающим международное издание, а не издаваться за границей («Praxis International» выходил вне Югославии, в основном в США), во-вторых, опасались того, что на журнал

¹²⁵ Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. Str. 158.

большое влияние окажут аналитические философы, и издание перестанет быть марксистским¹²⁶.

В конце параграфа скажем несколько слов о представителях школы праксиса. В современной российской гуманитарной и социальной науке философы школы праксиса практически неизвестны, поэтому считаем необходимым более подробно остановиться на некоторых персоналиях, обозначить их биографические сведения и сферу рассматриваемых ими вопросов и проблем философии и социологии. Рассмотрим шесть представителей школы праксиса (П. Вранички, М. Кангрга, М. Маркович, Г. Петрович, С. Стоянович, Р. Супек), так как в основном именно их идеи анализируются в настоящей работе¹²⁷.

Руди Супек (08.04.1913, Загреб – 02.01.1993, Загреб)

По нашему мнению, именно Р. Супек внес наибольший вклад в организацию и администрирование институций школы праксиса – журнала «Праксис» и Корчуланской летней школы. Он был самым старшим членом школы праксиса. Окончил философский факультет Загребского университета в 1937 г., в 1940 г. окончил Парижский университет по направлению «Психология» (специализация «Педагогика»), в 1941 г. защитил диплом по психопатологии. С началом Второй мировой войны присоединился к Движению Сопротивления, арестован в апреле 1942 г., в январе следующего года помещен в концентрационный лагерь Бухенвальд, где был до 1945 г. С 1950 г. начал работать на философском факультете Загребского университета (кафедра психологии). В 1952 г. защитил докторскую диссертацию «Феноменология патологических форм фантазий» (а в 1953 г. в Парижском университете также защитил докторскую

¹²⁶ Подробнее о дискуссиях представителей загребской и белградской групп о выпуске журнала «Praxis International» см.: Đidara R. *Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad*. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti. 2018. Str. 158–164.

¹²⁷ Помимо перечисленных мы анализируем труды следующих представителей школы праксиса: Загорка Голубович (1930–2019 гг.), Данко Грлич (1923–1984 гг.), Иван Кувачич (1923–2014 гг.), Ваня Сутлич (1925–1989 гг.), Любомир Тадич (1925–2013 гг.), Велько Цветичанин (1927–2001 гг.).

диссертацию на тему «Аффективность и воображение»). Короткий промежуток времени (1958–1960 гг.) работал в Институте общественных наук в Белграде, затем вернулся в Загребский университет, где проработал до выхода на пенсию в 1979 г.

Является основателем отделения социологии философского факультета Загребского университета, которое открылось в 1963 г.

Сферой его научных интересов были социология и психология (его книги посвящены эстетическому восприятию у детей, связи материального положения студентов и успехов в обучении, развитию самоуправления в культуре, изучению общественного мнения и пр.), однако занимался и философскими проблемами. Так, его статьи, опубликованные в журнале «Праксис»: «Этические антиномии революционной экзистенции»¹²⁸, «Еще раз об альтернативе: сталинский позитивизм или творческий марксизм»¹²⁹, «Утопия и реальность»¹³⁰ считаются программными (наравне с «Почему Праксис» Г. Петровича). Одним из первых начал заниматься и экологической проблематикой (книга «Единственная Земля: движемся к катастрофе или третьей революции?»¹³¹).

Гайо Петрович (12.03.1927, Карловац – 13.06.1993, Загреб)

В своей биографии указывал, что во время Второй мировой войны помогал партизанам, вел нелегальную работу в оккупированном Карловце, вступил в КПЮ. В 1945 г. поступил на философский факультет Загребского университета, года 1946/1947 гг. и 1947/1948 гг. провел на учебе в СССР¹³². Окончил философский факультет Загребского университета в 1950 г. и сразу был принят туда на работу. На философском факультете Загребского университета

¹²⁸ Supek R. Etičke antinomije revolucionarne egzistencije // Praxis. 1965. № 1. Str. 113–125.

¹²⁹ Supek R. Još jednom o alternativni: staljinistički pozitivizam ili stvaralački marksizam? // Praxis. 1965. № 6. Str. 891–915.

¹³⁰ Supek R. Utopia and Reality. URL: <https://www.marxists.org/archive/supek/1971/utopia-reality.htm> (дата обращения: 03.06.2023).

¹³¹ Supek R. Ova jedina zemlja: idemo li u katastrofu ili u Treću revoluciju? Zagreb: Naprijed, 1973. 269 str.

¹³² Об этом периоде написал две статьи: Petrović G. Neka sjećanja na boravak u SSSR-u // Republika. 1951. Br. 1. Str. 64–78, Petrović G. Povratak iz SSSR-a u Jugoslaviju. Od Moskve do Beograda krajem lipnja i početkom srpnja 1948 // Republika. 1951. Br. 7–9. Str. 603–608.

проработал до конца жизни (на должностях от ассистента до ординарного профессора, был заведующим кафедрой философии).

В 1957 г. защитил докторскую диссертацию «Философские взгляды Г.В. Плеханова», которая была издана книгой. В этой работе он отмечал: «Понимание Плехановым, что в философии нужно отталкиваться от Маркса и Энгельса, и их философское учение не нужно пересматривать или “дополнять” Кантом и Махом, а нужно его далее самостоятельно развивать – не устарело и для нас»¹³³, а также обозначал: «Задача марксиста в философии пытаться как можно лучше решить те проблемы, которые Маркс и Энгельс только начали, а может вообще не касались, стремиться как можно более полно и систематически разработать основные идеи диалектико-материалистической философии, чтобы стало очевиднее ее превосходство перед различными вариантами вульгарно-материалистической и идеалистической философии»¹³⁴. Таким образом, мы видим, что уже в докторской диссертации декларировались основные принципы и направления работы Г. Петровича, которых он будет придерживаться на протяжении жизни.

Несмотря на то, что он идентифицировал себя как марксист, имел интерес и к аналитической философии; в 1956–1957 гг. стажировался в Англии, написал книгу «От Локка до Айера»¹³⁵. В течение академической карьеры был и на других стажировках в университетах Европы. Из основных трудов Петровича по теме марксизма стоит отметить: «Философия и марксизм»¹³⁶, «Философия и революция»¹³⁷, «Мышление революции»¹³⁸, «Практика-истина»¹³⁹.

Милан Кангрга (01.05.1923, Загреб – 24.04.2008, Загреб)

¹³³ Petrović G. Filozofski pogledi G.V. Plehanova. Zagreb: Kultura, 1957. Str. 295.

¹³⁴ Ibid. Str. 292.

¹³⁵ Petrović G. Od Locke do Ayera. Beograd: Kultura, 1964. 216 str.

¹³⁶ Petrović G. Filozofija i marksizam. Zagreb: Mladost, 1965. 342 str.

¹³⁷ Petrović G. Filozofija i revolucija. Zagreb: Naprijed, 1973. 226 str.

¹³⁸ Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. 282 str.

¹³⁹ Petrović G. Praksa – istina. Zagreb: Kulturno – prosvjetni sabor Hrvatske, 1986. 152 str.

М. Кангрга был однокурсником и другом Г. Петровича, он также окончил философский факультет Загребского университета в 1950 г., и был принят на работу на этот же факультет (проработал на нем до выхода на пенсию в 1993 г., при этом в учебном году 2006/2007 гг. прочитал курс лекций по классическому немецкому идеализму).

Его интересы в философии были связаны так или иначе с этикой: начиная с докторской диссертации («Проблема этики в творчестве Маркса»¹⁴⁰) и продолжая такими его работами, как «Этика и свобода»¹⁴¹, «Размышления об этике»¹⁴², «Этика или революция»¹⁴³, «Этика»¹⁴⁴. Согласно Кангрге единственный критерий, по которому можно судить о возможности/невозможности этики – это наука. Наука всегда связана с настоящим или прошлым, а этика пытается постулировать то, что должно быть: «...наука не может говорить о том, что должно быть, так как этого еще нет, а ее объект размещается, дается и движется только в горизонте данного, того что есть и того что было, и остается на “твердой земле” существующего, тогда в аспекте науки само по себе разумеется, что то “что нужно” не может научно обосновываться, и потому этика – невозможна»¹⁴⁵. Как и Г. Петрович, Кангрга остался на объявленных в докторской диссертации позициях до конца академической карьеры и жизни.

Стажировался в Гейдельбергском университете в 1962–1964 гг., в том числе у Х.-Г. Гадамера; в течение академической карьеры у него были и другие стажировки. Помимо названных работ стоит отметить: «Смысл исторического»¹⁴⁶, «Практика-время-мир»¹⁴⁷, «Контрабандисты собственной жизни»¹⁴⁸ (мемуары).

Предраг Вранички (21.01.1922, Бенковац – 31.01.2002, Загреб)

¹⁴⁰ Kangrga M. Etički problem u djelu Karla Marxa. Zagreb: Naprijed, 1963. 266 str.

¹⁴¹ Kangrga M. Etika i sloboda. Zagreb: Naprijed, 1966. 134 str.

¹⁴² Kangrga M. Razmišljanja o etici. Zagreb: Praxis, 1970. 182 str.

¹⁴³ Kangrga M. Etika ili revolucija. Zagreb: Naprijed, 1989. 459 str.

¹⁴⁴ Kangrga M. Etika: osnovni problem i pravci. Zagreb: Golden marketing, 2004. 516 str.

¹⁴⁵ Kangrga M. Kritika moralne svijesti // Kangrga M. Odabrana djela, sv. 1. Zagreb: Naprijed, 1989. Str. 269.

¹⁴⁶ Kangrga M. Smisao povijesnoga. Zagreb: Studentski centar Sveučilišta u Zagrebu, 1970. 167 str.

¹⁴⁷ Kangrga M. Praksa, vrijeme, svijet. Beograd: Nolit, 1984. 512 str.

¹⁴⁸ Kangrga M. Šverceri vlastitog života. Split: Kultura & Rasvjeta, 2002. 476 str.

Во время Второй мировой войны участвовал в партизанском движении. В 1947 г. завершил обучение (прерванное на время войны) на философском факультете Загребского университета и начал работать на этом факультете. Работал заведующим кафедрами теоретической философии и марксистской философии, в 1964-1966 гг. был деканом философского факультета Загребского университета. С 1972 г. под 1976 г. был ректором Загребского университета. С 1973 г. являлся членом Югославской академии наук и искусств. Докторскую диссертацию защитил в Белградском университете в 1951 г., по теме «К проблеме общего, особенного и индивидуального в классическом марксизме». В диссертации анализировал труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. В этой работе отмечал, что в советской философии практически упраздняется диалектика, поскольку диалектика отделяется от гносеологии, а гносеология от логики. В заключении диссертации отмечал: «..единство общего, особенного и индивидуального в нашем анализе всех уровней объективной реальности: природы, общества и мышления человека показано как закон, который действует на всех тех уровнях, поэтому единство общего, особенного и индивидуального мы определили как наиболее общий закон устройства и развития реальности»¹⁴⁹.

Основной научный интерес в философии – история марксизма. По этой теме П. Вранички написал более 20 книг. Основные работы: «История марксизма»¹⁵⁰, «Марксизм и социализм»¹⁵¹, «Философия истории»¹⁵².

Михайло Маркович (24.02.1923, Белград – 07.02.2010, Белград)

Во Вторую мировую войну был участником партизанского движения, дослужился до капитана Югославской народной армии. В 1950 г. окончил философский факультет Белградского университета, на котором начал работать с 1951 г. Докторскую диссертацию «Формализм в современной логике» защитил в 1955 г. в Белградском университете. Был на стажировке в Университетском

¹⁴⁹ Vranicki P. O problemu općeg, posebnog i pojedinačnog kod klasika marksizma. Zagreb: Kultura, 1952. Str. 208.

¹⁵⁰ Vranicki P. Historija marksizma: 3 knjige. Zagreb: Cekade, 1987.

¹⁵¹ Vranicki P. Marksizam i socijalizam. Zagreb: Liber, 1979. 342 str.

¹⁵² Vranicki P. Filozofija historije: 3 knjige. Zagreb: Golden marketing, 2001.

колледже Лондона у А. Айера и там же в 1956 г. защитил диссертацию («Концепт логики»). В Белградском университете читал лекции по логике, философии науки, методологии научного исследования.

В 1975 г. был отстранен от преподавания (один из «белградской восьмерки»), в 1981 г. уволен из университета решением Скупщины (парламента) Социалистической Республики Сербии, но под давлением общественности восстановлен в Белградском университете, хотя без права преподавания, с возможностью ведения научно-исследовательской работы. Вышел на пенсию в 1986 г. Был одним из основателей Института философии и социальной теории Белградского университета.

Помимо работы в Белградском университете много и плодотворно сотрудничал с университетами по всему миру (США, Канада, Европа, Мексика, Япония и др.), в основном читал курсы по социальной и политической философии. Был членом Сербской академии наук и искусств, секретарем отделения общественных наук с 1998 г. по 2001 г., членом президиума с 2002 г. до смерти в 2010 г.

Участвовал в политической деятельности: был среди организаторов протестов в Белградском университете в 1968 г., в начале 1990-х гг. стал одним из основателей Социалистической партии Сербии, автор программных принципов партии, в 1995 г. был исключен из партии по причине расхождения во взглядах с однопартийцами, написал программу партии «Движение социалистов» (основана в 2008 г.).

Основные работы: «Диалектическая теория значения»¹⁵³, «Гуманизм и диалектика»¹⁵⁴, «Философские основания науки»¹⁵⁵, «Свобода и праксис»¹⁵⁶.

Светозар Стоянович (18.10.1931, Крагуевац – 07.05.2010, Белград)

¹⁵³ Marković M. Dijalektička teorija značenja. Beograd: Nolit, 1971. 541 str.

¹⁵⁴ Marković M. Humanizam i dijalektika. Beograd: Prosveta, 1967. 450 str.

¹⁵⁵ Марковић М. Филозофски основи науке. Београд: Српска академија и уметности, 1981. 792 str.

¹⁵⁶ Марковић М. Слобода и пракса. Београд: Завод за удбенике и наставна средства, 1997. 350 str.

Окончил философский факультет Белградского университета в 1955 г., начал работать в 1958 г., в 1962 г. там же защитил докторскую диссертацию под названием «Мета-этика». Основной сферой научной и преподавательской деятельности была мета-этика, а также марксистская (позже социал-демократическая) критика современного общества.

Был, как и М. Маркович, одним из «белградской восьмерки», поэтому их биографии 1970–80-х гг. похожи: в 1975 г. прекратил преподавание в Белградском университете, как приглашенный профессор работал в университетах США, Великобритании, Германии, Австрии, Индии, также был одним из основателей Института философии и социальной теории Белградского университета (занимал пост директора института с 1994 г. по 2000 г.), был редактором журнала «Praxis International».

Был подписантом Второго гуманистического манифеста (1973 г.) и членом редакции Гуманистического манифеста 2000¹⁵⁷.

С начала 1990-х гг. принимал участие в политической жизни Сербии: в 1992–1993 гг. занимал пост специального советника при тогдашнем президенте СР Югославии Д. Чосиче, в 1997 г. участвовал в основании Совета по сотрудничеству с неправительственными организациями, был его председателем, в 1998 г. участвовал в основании Веча демократического преобразования Сербии, входил в комиссию справедливости и примирения при президенте В. Коштунице, был членом Совета по иностранным отношениям при Министерстве иностранных дел Сербии, являлся одним из основателей и президентом Сербско-американского центра в Белграде, основанного в 2002 г., деятельность которого была направлена на построение конструктивного диалога между США и Сербией.

¹⁵⁷ Документы, в которых были задекларированы основные принципы гуманистического видения мира. Второй гуманистический манифест составлен американским философом П. Курцем и священником Эвином Г. Уилсоном. Текст «Гуманистического манифеста 2000» был подготовлен комитетом Американской гуманистической ассоциации. См., например: <https://americanhumanist.org/what-is-humanism/manifesto2/> (дата обращения: 17.09.2024), Манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму (1999) // Здравый смысл. 2000. № 13. С. 2–36.

Основные работы: «Современная мета-этика»¹⁵⁸, «Между идеалом и реальностью»¹⁵⁹, «От марксизма до этатизма с человеческим лицом»¹⁶⁰, «Гибель коммунизма и распад Югославии»¹⁶¹.

Итак, мы рассмотрели исторические и социальные предпосылки возникновения школы праксиса, основные этапы развития, ряд основных представителей и проблематику философии школы праксиса. Далее проанализируем проблему определения и периодизации деятельности школы праксиса.

Одна из главных особенностей школы праксиса состоит в том, что она не является «школой» или направлением философии в классическом понимании. Все философы этой группы в своих рассуждениях отталкиваются от ранних работ Маркса («Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Тезисы о Фейербахе»), все отрицают механистический материализм, в котором человек понимается как природное существо, подчиняющееся диалектическим законам, все выступают противниками теории отражения и догматизма. И для одних исследователей, например, Г. Шера этого достаточно, чтобы выделить их в группу философов с общим видением недогматического марксизма¹⁶². Другие разбивают представителей школы праксиса на две подгруппы – загребскую (наиболее значимые представители – М. Кангрга, Г. Петрович) и белградскую (наиболее значимые представители – М. Маркович, С. Стоянович). Такое деление было характерно для анализа философии школы праксиса в советский период: загребскую группу представляли как тех, кто связывал субъективистскую антропологию с идеализмом, а белградскую группу –

¹⁵⁸ Стојановић С. Савремена метаэтика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1991. 302 str.

¹⁵⁹ Stojanović S. Između ideala i stvarnosti. Beograd: Prosveta, 1969. 221 str.

¹⁶⁰ Stojanović S. Od marksizma do etatizma sa ljudskim licem. Beograd: Filozofsko društvo Srbije, 1987. 200 str.

¹⁶¹ Stojanović S. Propast komunizma i razbijanje Jugoslaviji. Beograd: Filip Višnjić, 1995. 239 str.

¹⁶² Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. P. 35.

как тех, кто связывал субъективистскую антропологию с материализмом¹⁶³. Нередко такое разделение встречается и в современных Хорватии и Сербии; таким разделением обосновывается существование собственных национальных философских школ¹⁶⁴. Третьи доказывают, что различия в понимании содержания основных категорий марксизма, в первую очередь «практики», у разных представителей школы праксиса столь принципиальны, что не может быть и речи об объединении их в одно философское направление. Так, сравнивая различия между позициями М. Кангрги и М. Марковича относительно соотношения бытия и знания, польская исследовательница Катаржина Белиньска делает вывод о том, что их взгляды принадлежат двум совершенно несвязанным теоретическим полям, поскольку все свои выводы они строят из различных перспектив: Кангрга – из эпистемической (т.е. единства бытия и знания), а Маркович – из эпистемологической¹⁶⁵.

Помимо дискуссии о необходимости деления школы праксиса по географическому признаку (на белградскую и загребскую группы), возникает и вопрос о том, кого из философов и социологов правомерно считать представителем школы праксиса и можно ли говорить о нескольких поколениях представителей школы праксиса. На этот вопрос также нет однозначного ответа. Например, современный хорватский философ Р. Джидара в своей докторской диссертации, посвященной истории философии школы праксиса, анализирует многочисленные источники (посвященные школе праксиса статьи, представленные в различных философских словарях и энциклопедиях, архивные данные, мемуары, интервью лиц, аффилированных тем или иным образом со школой праксиса, а также труды по истории философии, написанные непосредственно философами – «кандидатами» на попадание в перечень

¹⁶³ Самарин А.Н. Понятие практики в философии абстрактного гуманизма: критический анализ материалов журнала «Праксис» и примыкающих к нему изданий: дис. ... канд. филос. н. М., 1972. С. 143.

¹⁶⁴ Žitko M. Praxis nakon '68. Marksistička filozofija i proturečja jugoslavenskog socijalizma // Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. Str. 336.

¹⁶⁵ Bielińska K. Ajde opet na Bled! Prilog razmatranjima o Praxisu // Filozofija i društvo. 2009. № 2. Str. 258–259.

представителей школы праксиса) и делает вывод о том, что наиболее верным будет говорить о трех поколениях представителей философии школы праксиса¹⁶⁶:

1) Первое поколение – организаторы Корчуланской летней школы основатели и руководители философского журнала «Праксис» от первого номера, вышедшего в 1964 г. и до последнего номера журнала, выпущенного в 1974 г. К данному поколению относятся только шесть человек: Б. Бошняк, Д. Грлич, М. Кангрга, Г. Петрович, Р. Супек, П. Вранички. Собственно только они и являются представителями школы праксиса;

2) Второе поколение – те, кто в процессе получения образования восприняли философские идеи школы праксиса от представителей школы праксиса (первого поколения) или их коллег. Некоторые из них затем отказались от этих идей, особенно в период, предшествующий началу распада Югославии (например, Ж. Пуховски¹⁶⁷), другие остались в академической и общественной жизни в качестве активных «адвокатов» марксизма школы праксиса первого поколения (Л. Веляк, А. Чович, В. Голубович);

3) Третье поколение – молодое современное поколение интеллектуалов, интересующихся традицией философии школы праксиса. Своим появлением обязано деятельности второго поколения по популяризации идей представителей первого поколения, особенно в последние 15–20 лет (2010-2020-е гг.).

На наш взгляд, более корректным будет считать представителем школы праксиса, во-первых, того, кто непосредственно связан с журналом «Праксис» (был основателем, состоял в редакции, в нем были опубликованы его статьи), а во-вторых, самоидентифицировался со школой праксиса. Поэтому однозначно и представители загребской группы (Р. Супек, М. Кангрга, Г. Петрович, П. Вранички и другие) и представители белградской группы (в том числе

¹⁶⁶ Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. Str. 26–65.

¹⁶⁷ Мы могли бы в качестве примера здесь привести Н. Сесардича, который в 1970-х гг. печатался в журнале «Праксис», был последним техническим редактором журнала, с середины 1980-х гг. критиковал философию школы праксиса как марксистскую утопию с точки зрения аналитической философии. См. сборник статей 1980-х – 2000-х гг.: Sesardić N. Iz desne perspektive. Zagreb: Večernji list d.o.o., 2012. 200 str.

М. Маркович, С. Стоянович, Л. Тадич, Д. Мичунович) рассматриваются нами как представители школы праксиса¹⁶⁸.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть и проанализировать, – периодизация деятельности школы праксиса. Единого подхода к решению данного вопроса в работах исследователей деятельности школы праксиса нет. Более того, вопрос о периодизации редко рассматривается в трудах, посвященных школе праксиса (чаще рассматриваются и приводятся различные периоды деятельности отдельного представителя направления).

Вышеупоминаемый Р. Джидара предлагает следующую периодизацию¹⁶⁹:

1) 1950–1960 гг. – завершение высшего образования и начало академической карьеры. В этот период большинство (а в основном представители школы праксиса – это поколение 1920-х) закончили учебу в университете и начали активное участие во внутриюгославских дискуссиях по актуальным в то время вопросам философии¹⁷⁰;

2) 1960–1966 гг. – «золотой век» деятельности философской группы праксиса. Организована Корчуланская летняя школа, начал выходить философский журнал «Праксис», школа праксиса получает известность и мировое признание. Окончание эпохи связано с началом конфликта школы праксиса и официальной власти и прекращением сотрудничества Д. Пейовича¹⁷¹ с журналом и школой;

¹⁶⁸ См.: Marković M. Neobjavljeni intervju: Praxis – kritičko mišljenje i delanje // Filozofija i društvo. 2010. № 1. Str. 3–16. Интервью М. Марковича, которое он дал Б. Якшичу в январе 2009 г. М. Маркович говорит, что ощущал себя частью сообщества праксиса до конца 1980-х гг., к этому сообществу он относит и других представителей белградской группы – Л. Тадича, Н. Попова, З. Голубович, С. Стояновича.

¹⁶⁹ Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. Str. 107.

¹⁷⁰ В том числе в данный период, в 1957 г., было основано Хорватское философское общество, которое создавалось при непосредственном участии представителей школы праксиса. См.: Veljak L. Utemeljitelji Hrvatskog filozofskog društva u borbi protiv dogmatizma // Filozofska istraživanja. 2008. № 3. Str. 547–553.

¹⁷¹ Д. Пейович (D. Pejović) – в 1966–1967 гг. был председателем Хорватского философского общества, обвинял коллег, что те превысили полномочия, открыв журнал для коллег из других республик СФРЮ и из других стран, что вышли из-под контроля Хорватского философского общества. Подробнее см.: Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // Filozofija i društvo. 2011. № 2. Str. 82–83.

3) 1967–1974 гг. – эпоха сохранения и продвижения философского кредо школы праксиса. Несмотря на возрастающий конфликт с официальными властями, Союзом коммунистов Югославии, финансовые проблемы, журнал и школа продолжают функционировать. Представители школы праксиса и их сторонники принимали активное участие в студенческих протестах 1968 г. в Югославии¹⁷². В 1974 г. состоялась последняя летняя школа на Корчуле, и в том же году вышел последний номер журнала «Праксис»;

4) 1975–1993 гг. – эпоха попыток ревитализации институций школы праксиса (журнала и летней школы), работа «в тени». Представители школы праксиса в этот период продолжали академическую деятельность в Югославии и за рубежом (в т.ч. в США, Великобритании, ФРГ), издавали свои труды, но не были представлены каким-либо образом институционально¹⁷³. При этом проходили встречи редакции «Праксис», делались неоднократные попытки продолжить выпуск журнала и вновь организовать Корчуланскую летнюю школу, но они не увенчались успехом. Окончание эпохи связано со смертями Г. Петровича и Р. Супека в 1993 г.;

5) 1993–2008 гг. – «эпоха последнего из могикан». «Последний из могикан» – М. Кангрга, который и в этот период был весьма активен в плане написания статей, мемуаров и по-прежнему придерживался идей философии школы праксиса. При этом были живы Б. Бошняк (умер в 1996 г.) и П. Вранички (умер в 2002 г.), но в последние годы сферой их научных интересов была история философии. Эпоха, соответственно, заканчивается смертью М. Кангрги в 2008 г.

¹⁷² О том, как именно критические взгляды философии школы праксиса были подхвачены спонтанным студенческим движением, см.: Koltan M. *Filozofija «Praxisa» i studentski prosvjedi 1968. godine* // *Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974)* / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog I. Meštrović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 148–172; Veljak L. '68. i kritika instrumentalne racionalnosti (praxis vs frankfurtovci) // *Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. Str. 54–69.*

¹⁷³ Здесь стоит упомянуть группу «Человек и система», проект Р. Супека и Е. Пусича (юрист и социолог) при Институте социальных исследований Университета в Загребе, объединявший единомышленников из разных научных и исследовательских центров в Югославии, в который входили и многие из представителей школы праксиса.

Мы можем, безусловно, согласиться с определением первых трех периодов, но четвертый и пятый, по нашему мнению, требуют корректировки, т.к. не учитывают деятельность представителей белградской части школы праксиса. Поэтому конец этапа, связанного с попытками в том или ином виде возродить журнал и школу, можно датировать 1994 г. – годом выхода последнего номера журнала «Praxis International». Последний этап не стоит связывать только с М. Кангргой, а обозначить его как этап, с одной стороны, постинституциональный, когда часть представителей школы праксиса индивидуально продолжают активную академическую и общественную деятельность, а с другой стороны, как этап изучения школы праксиса в качестве явления в философии и общественной жизни, возникновение молодого поколения ученых (в основном философов и историков), интересующихся школой праксиса.

О школе праксиса можно говорить как об отдельном философском направлении, потому что школе праксиса присущи следующие объединяющие черты¹⁷⁴:

- тематическое единство: в целом рассматриваемую проблематику можно описать как критический анализ социалистического общества;
- единство методологии: представители школы праксиса в своих философских и социологических рассуждениях опирались на марксизм;
- единство целей: глобальную цель можно обозначить как гуманизация общества, освобождение человека;
- институциональность: Корчуланская летняя школа и журнал «Праксис».

Причем консолидация изначально происходила именно на Корчуланской летней школе, служившей международной площадкой¹⁷⁵ для обсуждения

¹⁷⁴ Разумеется, каждый из представителей школы праксиса являлся уникальным мыслителем, для каждого из них одни темы были более близкими, другие – нет, и их взгляды по отдельным вопросам не всегда идентичны.

¹⁷⁵ Корчуланская летняя школа и журнал «Праксис» являлись международной площадкой, привлекавшей марксистов (и не только) как из западной, так и восточной Европы, поскольку, во-первых, обсуждались актуальные (и остающиеся актуальными) вопросы о возможностях развития современного демократического социализма, во-вторых, был огромный интерес к Югославии, выбравшей путь самоуправляющегося социализма (как альтернативу и капитализму, и советской модели социализма), к возможностям реализации рабочего и

актуальных вопросов философии и социологии, а журнал являлся печатным изданием, ориентированным на публикацию материалов по темам, рассматриваемым на Корчуланской летней школе (но также и по более широкому кругу вопросов философии и социологии);

общественного самоуправления. Подробнее о рецепциях философии школы праксиса в восточноевропейских (социалистических) странах и западноевропейских (капиталистических) странах, о личных связях философов европейских стран и отдельных представителей школы праксиса: Bielińska-Kowalewska K. *Kako je polski revizionizam «mimoišao» tzv. Praxis-filozofiju // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 269–292 (об особенностях развития гуманистического марксизма в Польше, взаимосвязях со школой праксиса); Köhler M.I. «Budimpeštanska škola» i Korčulanska ljetna škola // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Djerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 301–316 (о влиянии школы праксиса на становление Будапештской школы); Flierl T. «Praxis». «otuđenje» i «moderni socijalizam» u filozofskim raspravama u DR Njemačkoj // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Djerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 293–300 (о развитии гуманистического марксизма в ГДР); Fusi G. Talijanski intelektualci na Korčuli: između filozofije i politike // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Preveo sa talijanskog L. Bogdanić. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 317–328 (об участии итальянских философов и социологов в работе Корчуланской летней школы и журнале «Праксис» и сотрудничестве итальянских марксистов и школы праксиса); Marković D. «Praxis» i Francuska: veze, saradnja, odjeci // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 329–348 (об участии французских философов и социологов в работе Корчуланской летней школы и журнале «Праксис» и сотрудничестве французских марксистов и коммунистов и школы праксиса); Stefanov N. Filozofija «Praxisa» i nedogmatska ljevica u SR Njemačkoj. Percepcije, projekcije i (ne)sporazumi // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog I. Meštrović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 349–366 (об участии в работе Корчуланской летней школы и журнале «Праксис» ученых и студентов из ФРГ, сотрудничестве с представителями школы праксиса, о взаимоотношениях представителей школы праксиса с представителями Франкфуртской школы). Представители школы праксиса участвовали в международных конференциях, симпозиумах. См.: *Socialist Humanism: An International Symposium / Ed. by E. Fromm. New York: Doubleday & Company, Inc., 1965. 420 p.* Об интересе к самоуправлению в Югославии свидетельствует и то, что в США и Европе выходили книги и сборники, посвященные теме. Например, вышедший в 1975 г. в Нью-Йорке сборник «Самоуправляющийся социализм» под редакцией Б. Хорвата, М. Марковича, Р. Супека. См.: *Horvat B., Marković M., Supek R. Self-governing Socialism (Vol. 1): Historical Development, Social and Political Philosophy. New York: International Arts and Sciences Press, 1975. 490 p.; Horvat B., Marković M., Supek R. Self-governing Socialism (Vol. 2): Sociology and Politics, Economics. New York: International Arts and Sciences Press, 1975. 327 p.**

- самоидентификация и восприятие другими: с одной стороны, сами философы, которых мы относим к школе праксиса, идентифицировали себя как представители одного философского направления, а с другой стороны, оппоненты (к которым можно отнести и идейных противников – как сторонников догматического марксизма, так и националистически настроенных, и официальные власти СФРЮ) также рассматривали их как единое направление. Более того, в других странах в философских сообществах школа праксиса в большинстве случаев рассматривалась как единое направление¹⁷⁶.

Рассмотрев философские, политические, социальные, культурные предпосылки, а также историю развития школы праксиса, можно кратко обозначить следующие особенности философии школы праксиса:

- 1) философия школы праксиса представляет собой критический анализ различных источников, сочетание различных философских традиций и марксизма¹⁷⁷;
- 2) школа праксиса разрабатывала понятие «праксис» (преобразующая деятельность человека) как базовую категорию для философской системы;
- 3) философия школы праксиса имеет революционную направленность – философию понимает как революционное действие (подробнее этот момент будет рассмотрен в параграфе 2.1), критику условий жизни и

¹⁷⁶ Например, в работах советских/российских и американских исследователей: Брайович С.М. Проблема отчуждения и современная югославская философия (на материалах журнала *Праксис*): дис. ... канд. филос. наук. М., 1968. 193 с.; Брайович С.М. Современная философская мысль в Югославии: дис. ... докт. филос. наук. М., 1974. 332 с.; Исмаилов Д.З. О школе праксиса // *Вестник Башкирского университета*. 2013. Т. 18. № 3. С. 902–905; Одуев С.Ф., Келле В.Ж., Ковальчук А.С., Копнин П.В., Кузьмин В.П. Заметки о философской жизни в Югославии // *Вопросы философии*. 1966. №5. С. 157-161; Савцова Н.И. Свобода и практика: марксистско-ленинская теория познания и ее современные критики: дис. ... канд. филос. н. Свердловск, 1973. 167 с.; Самарин А.Н. Понятие практики в философии абстрактного гуманизма: критический анализ материалов журнала «Праксис» и примыкающих к нему изданий: дис. ... канд. филос. н. М., 1972. 185 с.; Sher G.S. *Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia*. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. (IX–XIX) 360 p.

¹⁷⁷ Одним из ярких примеров такого сочетания является работа Г. Петровича о параллелях во взглядах К. Маркса и М. Хайдеггера: Petrović G. *Izreka Heideggera* // *Praxis*. 1969. № 5-6. Str. 781-798.

самокритику теории воспринимает как процесс перманентной революции, представители школы праксиса приветствовали полемику в обсуждении философских вопросов¹⁷⁸;

- 4) философию школы праксиса отличает гуманистическая направленность, которая представлена в философии истории, органически связанной с учением о человеке. В философии школы праксиса раскрывается антропологический смысл содержания истории, демонстрируется возможность изменения общества и самого человека, причем эти процессы взаимосвязаны;
- 5) школа праксиса делала акцент на практическую направленность философии, на осмысление ею реальных и насущных проблем общественного развития и бытия человека.

Таким образом, школа праксиса стала уникальным явлением в истории мировой философии XX в. Позиционируя себя как гуманистический марксизм, школа сумела интегрировать идеи различных философских направлений, исследуя фундаментальные социальные и политические вопросы, формы отчуждения, сущность социально-исторической практики и преобразующей деятельности человека. Перечисленные вопросы сохраняют свою актуальность в философии. Значимость школы праксиса состоит в том, что она продемонстрировала возможности философского синтеза и раскрыла методологические возможности марксистской философии.

Итак, мы обозначили философские истоки, историко-социальные предпосылки становления школы праксиса, этапы развития школы и основные черты, присущие философии школы. В следующей главе рассмотрим содержание философии истории школы праксиса.

¹⁷⁸ Как писал М. Кангрра - «чем больше полемики, тем лучше»: Kangrga M. Šverceri vlastitog života. Split: Kultura & Rasvjeta, 2002. Str. 348.

Глава 2. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА

2.1. Теория исторического процесса

В настоящем параграфе мы рассмотрим содержание категории «праксис» в философии представителей школы праксиса. Слово «праксис» – греческого происхождения, в переводе на русский язык означает «действие», «поступок», «деятельность» («*deed*», «*act*» на английском). Понятие «праксис» активно использовалось в древнегреческой культуре в различных качествах: как божество, олицетворяющее обобщенный человеческий образ земной экзистенции, как любовь (например, жители Мегары называли Праксисом Афродиту), как ежедневная деятельность, как забота индивидуума и как забота всего народа, как целенаправленная деятельность¹⁷⁹. Неудивительно, что понятие «праксис» вошло в категориальный аппарат философии практически сразу с момента выделения философии в отдельную форму познания мира. Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет, – все эти философы Античности занимались разработкой понятия «праксис».

В Средние века философы рассматривали понятие «праксис» сквозь призму христианской религии как категорию нравственной философии, в том числе это были комментарии к произведениям античных авторов¹⁸⁰. В философии Нового времени явным образом «праксис» становится связанным с историей/историчностью. Так, Гегель в «Феноменологии духа» отмечал, что истинное бытие человека заключается именно в его действии, «действие есть нечто просто определённое, всеобщее, постигаемое в абстракции»¹⁸¹.

Понятие «праксис» («практика») – одно из основополагающих для философии Карла Маркса. У Маркса «праксис» является родовой сущностью человека и определяется как «диалектическое единство (тотальность) материальной и психической (целесолагающей, рассудочной, ментальной, когнитивной, эмоциональной) преобразующей социальной активности человека,

¹⁷⁹ Vošnjak V. Ime i pojam prakse // Praxis. 1964. № 1. Str. 8.

¹⁸⁰ См.: Плотка М. Роль praxis'a в философии и жизни человека: «Комментарий на “Никомахову этику”» Павла из Ворчина в польской средневековой мысли // Verbum. 2017. Вып. 19: «Никомахова этика» в истории европейской мысли. С. 189–200.

¹⁸¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 165–166.

единство теории и практики, субъектного и объектного»¹⁸². Многие философы XIX–XX вв. вводили понятие «праксис» в категориальный аппарат своих концепций (например, М. Хайдеггер, Х. Арендт). Более того, в начале XX в. появилось такое направление философии, как праксеология.

Большое значение категория «праксис»/«практика» имела и имеет для философских изысканий последователей марксизма. Ожидаемо термин был важен для неомарксистов (Д. Лукач, К. Корш, А. Лефевр, Э. Блох). Особенно среди марксистских направлений философии можно выделить представителей югославской школы праксиса.

Одну из наиболее радикальных теорий практики разработал Милан Кангрга. Он берет за основу своей теории практики первый тезис К. Маркса о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹⁸³. Из этого тезиса Кангрга делает вывод о несуществовании природы самой по себе, о том, что Маркс определяет природу как «опредмеченную человеческую деятельность», как «продукт и результат практической деятельности человека», как «собственное действие человека, которое происходит в среде историчности»¹⁸⁴. Кангрга отрицает саму возможность дискуссии о внешней природе как чуждой телу человека¹⁸⁵. Практика, а не материя, согласно Кангрге, – фундаментальное понятие марксизма: «Для марксистской мысли единство мира дано не в его материальности, а в практике, т.е. марксизм – монизм практики, а не монизм материи»¹⁸⁶. Практика делает возможным существование предмета. Через

¹⁸² Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 15.

¹⁸³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 1.

¹⁸⁴ Kangrga M. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavičević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 37.

¹⁸⁵ Čorbić D. O nekim shvatanjima pojma prakse kod nas // Zbornik pravnog fakulteta. Niš: Pravni fakultet u Nišu, 1980. Str. 416–417.

¹⁸⁶ Kangrga M. Neki osnovni problemi marksizma // Naše teme. 1962. № 7/8. Str. 1062.

практику определяется и сущность человека: «Бытие человека, то есть, что есть и человек и его природа – действие. Практика – это то, что есть человек (человеческое бытие), как то, что человек вообще существует (его экзистенция), так и его сущность (его эссенция)»¹⁸⁷. Кангрга выстраивает в синонимичный ряд практику, творчество, самосозидание, революцию¹⁸⁸.

Гайо Петрович указывает на то, что определение понятия «практика» как того, что делает человека человеком, недостаточно: «практика как форма бытия самого сложного бытийствующего – нечто очень сложное, вследствие чего и понятие практики – самое сложное, и его как таковое мы можем анализировать и описывать, но не можем разложить и определить до конца»¹⁸⁹. Определение практики он дает следующее: «Практика – универсальное, свободное, творческое и самосозидающее бытие. Можем также сказать, что практика – это историческое бытие или бытие через будущее»¹⁹⁰. Петрович рассматривает связь бытия и практики, анализируя понятие бытия в философии Канта, Гегеля, Маркса и Хайдеггера, и в итоге обозначает два вопроса, которые считает наиболее значимыми: во-первых, является ли практика одним из многих модусов бытия, а во-вторых, является ли практика самым аутентичным модусом бытия, единственным придающим смысл бытию¹⁹¹. По Петровичу, практика действительно является модусом бытия, который свойственен исключительно человеку, выходит за рамки всех других модусов бытия и отличается от них тем, что является историческим бытием.

Еще один представитель школы праксиса, Ваня Сутлич, рассматривает практику как способ бытия человека, но при этом не интерпретирует практику как первичный творческий принцип. Практика – первична логически (а не хронологически) относительно действительности. Разделение логического и хронологического первенствования позволяет различить практику как бытие

¹⁸⁷ Kangrga M. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 37.

¹⁸⁸ Kangrga M. Praksa, vrijeme, svijet. Beograd: Nolit, 1984. Str. 110.

¹⁸⁹ Petrović G. Praksa i bivstvovanje // Praxis. 1964. № 1. Str. 22.

¹⁹⁰ Ibid. Str. 27.

¹⁹¹ Ibid. Str. 21–23.

(производство в широком смысле), которая и является предметом философии, и специальную практику (практика в узком смысле), виды которой являются предметами отдельных наук: «...как бытие человека практика не предшествует во времени, например, практике как искусству, но всегда и везде бывает со своими спецификациями, в соответствии с тем, как они исторически возможны»¹⁹².

Сутлич развивает мысль Маркса из «Немецкой идеологии» о том, что «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение»¹⁹³. Человек от всего остального существующего отличается именно тем, что его сущность составляют и отношения ко всему другому существующему, главное в человеке то, что он – активное существо. А практика как бытие человека заключается в двойственном (но одновременном) отношении человека – относительно существующего (непосредственно бытие само по себе) и относительно бытия (того, по чему и определяется существующее как существующее). Таким образом, по Сутличу практика – определяющая черта человека, и заключается она в непрерывном одновременном процессе выделения бытия из существующего и производства существующего из бытия, т.е. практика – развитие бытия человеческого существа.

Бранко Бошняк также определяет категорию практики как основу и сущность человека. Он различает гуманистический праксис и негуманистический праксис, антипраксис. Черты гуманистического праксиса: революционность, критичность, диалектичность, антидогматизм. Будучи основой человека, его отличительной чертой, праксис не является в то же время и основой мира вообще. Бошняк пишет: «Практика – бытие истории, позитивное (гуманистическое) управление историей»¹⁹⁴. Для него не столько важно определить содержание категории «практика», сколько выявить, какой должна быть практика как

¹⁹² Sutlić V. Bit i suvremenost: s Marxom na putu k povijesnom misljenju. Sarajevo: Veselin Masleša, 1967. Str. 58.

¹⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 29.

¹⁹⁴ Bošnjak B. Ime i pojam prakse // Praxis. 1964. № 1. Str. 19.

деятельность, развивающая творческие, а не деструктивные потенции человека в истории.

Данко Грлич размышляет о вариантах употребления понятия «практика» в современной речи и делает вывод, что в философских рассуждениях «практика» обычно определяется как «...конкретные действия в сфере чувственно воспринимаемой материальной действительности, в противоположность действиям в сфере мысленной осознаваемости»¹⁹⁵. Отношение практика – теория является фундаментальным даже для марксистов, которые характеризуют практику человека как всеохватывающее понятие, т.е. включающее в себя и собственно теорию (например, такой подход мы видим у еще одного представителя школы праксиса – Предрага Враницкого). Грлич ставит вопрос о том, может ли быть практика определена только через свое отношение (имманентное или трансцендентальное) к теории. Правомерность такого вопроса объясняется тем, что не всегда некое понятие можно определить исключительно сопоставлением ему имманентного содержания, что не менее важно бывает для понимания смысла некой категории и определение того, что ему противопоставлено. Противоположное практике – нечто пассивное, созерцательное, нетворческое, что есть «...приспособление к миру, преклонение перед его природной и даже общественной данностью»¹⁹⁶. Наиболее важное отличие практики человека от практики животного не в том, что она теоретична, а в том, что она изменяет мир. Практика – это не состояние, а непрерывный процесс исторического изменения, не имеющий какого-либо завершения. Практика – это «отрицание эсхатологического представления, которое ведет к концу мира, концу истории и концу возможности вечного развития самой той природы человека, т.е. которое ведет к его и общественной “стабилизации”»¹⁹⁷. Как противоположное практике Грлич называет догму.

Одну из наиболее проработанных концепций практики в рамках школы создал Михайло Маркович. Он опирается на то, что практика является основной

¹⁹⁵ Grlić D. Praksa i dogma // Praxis. 1964. № 1. Str. 43.

¹⁹⁶ Ibid. Str. 45.

¹⁹⁷ Ibid.

категорией марксистской теории познания, а затем делает заключение о том, что все основные категории онтологии, гносеологии и аксиологии выводятся именно из характеристик понятия практики. Например, в гносеологии: понятие «объекта» подразумевается из практики, так как деятельность всегда совершается над чем-то, приводит к модификации чего-то; понятие «субъекта» также подразумевается из практики, поскольку сознательная целенаправленная деятельность предполагает существо, способное осознавать себя, предмет, средства и цели своей деятельности¹⁹⁸. Не менее важны его рассуждения о связи ценности и практики: «...практика – целенаправленная деятельность, следовательно, создание чего-то еще несуществующего, но нужного, чтобы было, это и есть ценность для субъекта, который действует»¹⁹⁹.

Человек может в принципе что-то сказать только о той части мира, тех объектах, которые «мы изменили практикой, очеловечили, которые мы из вещей “в себе” превратили в вещи “для нас”»²⁰⁰. При этом он не отрицал постулата об объективном существовании мира, но просто указывал, что для человека объективно существующие свойства важны настолько, насколько человек практикой включил их в свой мир.

В теории познания первичность практики объясняется тем, что практика во всех своих формах – непосредственная данность, которая доступна прямым методам познания; только практикой объясняется возможность непосредственных знаний о существовании объективной реальности; практика служит критерием истины, т.е. практика дает возможность существованию теории истины²⁰¹.

Маркович выделяет два подхода к возможному анализу категории «практики»: первый основывается на возможности интерсубъективного опыта о различных формах практики, второй – на предмете практической деятельности. Применяя первый вариант анализа, Маркович делит формы практики на две

¹⁹⁸ Marković M. Praksa kao osnovna kategorija teorije saznanja // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 11–25.

¹⁹⁹ Marković M. Humanizam i dijalektika. Beograd: Prosveta, 1967. Str. 21.

²⁰⁰ Marković M. Praksa kao osnovna kategorija teorije saznanja // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 21.

²⁰¹ Ibid. Str. 19–20.

группы: практика, в которой присутствует непосредственный интерсубъективный опыт (физический труд, производство, участие в общественной жизни, речь), и практика, в которой присутствует опосредованный интерсубъективный опыт (восприятие, эмоции, ценностная оценка, операции мышления). При втором варианте анализа Марковичем выделяются три вида практики: преобразование природной среды, в которой человек живет; общественная коммуникация (создание различных форм и учреждений общественной жизни); самосозидание человека, процесс формирования себя как личности путем упразднения различных форм своей отчужденности и развитием в себе всех потенций человеческого существа. В итоге Михайло Маркович дает следующее многосоставное определение практики: «а) трансформация объективной ситуации, в которой находится человек; б) общественная кооперация; с) коммуникация; d) эмпирическое творчество; е) целенаправленная ценностная деятельность; f) мыслительный процесс»²⁰².

Стоит отметить, что не все представители школы праксиса отрицают первичность материи, например, в отличие от многих соратников упоминавшийся нами ранее в данном параграфе Предраг Враницки считает основной категорией марксизма материю, признает примат тезиса Фридриха Энгельса о единстве мира, данного в его материальности. При этом Враницки указывает и на значимость категории практики. Практику он понимает как фундаментальное философское определение человека, как то, что определяет характер экзистенции человека²⁰³. Практика проявляется во всех сферах человеческой жизни (Враницки приводит в пример детскую игру, работу, семейные отношения, научный эксперимент, занятие искусством, исторический акт), охватывает человека в совокупности, поэтому человек и является практическим существом. Враницки также указывает на связь практики и теории: в каждом практическом отношении человека к миру

²⁰² Marković M. *Dijalektička teorija značenja*. Beograd: Nolit, 1971. Str. 175.

²⁰³ Čorbić D. O nekim shvatanjima pojma prakse kod nas // *Zbornik pravnog fakulteta*. Niš: Pravni fakultet u Nišu, 1980. Str. 420.

есть и теоретическое отношение, «...любая человеческая жизнь в сущности практична, как таковая нам представляется в тот же момент и теоретичной»²⁰⁴.

Поэтому категория практики состоит из трех частей: чувственно-конкретной, теоретически-абстрактной и эмоционально-эмпирической. Практика есть преобразование предмета, придание необходимой для человека формы. Преобразование предмета невозможно, если оно не является сознательно запланированным, теоретическим и свободным. Практика подразумевает и удовлетворение какой-либо потребности, т.е. эмоциональное отношение. Практика и теория тесно взаимосвязаны и невозможны друг без друга: практики нет без теории, идеи, а теория всегда есть следствие практики, и теория всегда направлена к практике. Таким образом, Вранички определяет практику следующим образом: это «сознательное, запланированное и свободное творчество, трансформация реальности, которая не только реальность мышления, но прежде всего природно-историческая реальность»²⁰⁵. Сущность практики в том, что она обеспечивает целостность исторического существования человека.

Как видим, для философов, которых принято относить к школе праксиса, категория «практики» ожидаемо базовая в их философских системах. Для этих философов понятие «практики» – основная категория и в онтологии, и в гносеологии, и в этике, и в социальной и политической философии. Из категории «практики» представители школы праксиса выводили понятия субъекта, объекта, предмета, ценности, утопии, революции. Представители школы праксиса предлагают онтолого-антропологическую интерпретацию практики. Такая интерпретация позволяет решить вопрос о соотношении материи и сознания, материального и идеального: теория и практика едины, так как практическому отношению к миру присущ и момент осмысления, знания, наличие образа, цели, плана; а бытие человека становится бытием его практики в истории.

Далее рассмотрим, каким образом представители школы праксиса на фундаменте – категории «практики» – развивают теорию исторического

²⁰⁴ Vranicki P. Uz problem prakse // Praxis. 1964. № 1. Str. 37.

²⁰⁵ Ibid.

процесса.

В философии истории, органически связанной с учением о человеке, отражается гуманистическое видение марксистского учения. Философы школы праксиса раскрывают антропологический смысл содержания истории, демонстрируют возможности изменения общества и изменения самого человека, взаимосвязь этих процессов: «...не только история всегда история человека (а не, например, природы), но и человек в полном смысле человек только когда историчен»²⁰⁶.

Что же представляет из себя история – постоянный прогресс или вечное циклическое движение, возвращение к началу или, возможно, постоянный регресс? Есть ли у истории смысл? В ответах на эти вопросы есть два подхода (если рассматривать обобщенно) – первый, по сути эсхатологический, подразумевающий, что история имеет определенную цель, смысл, что история должна прийти к некой своей завершающей точке, и второй, релятивистский, отрицающий понятие цели в истории, рассматривающий историю как некий иррациональный процесс. Данко Грлич²⁰⁷ замечает, что на самом деле эти две тенденции парадоксальным образом переходят одна в другую: если есть определенная цель истории, то ничего из современности не может быть поставлено под вопрос, так как какое бы ни было настоящее, оно неизбежно ведет к определенному будущему, соответственно, что в случае эсхатологии, что в случае релятивизма получается, что история не имеет смысла.

Ошибка в таком представлении об истории заключается в том, что ищется смысл истории вне человека, «а тем самым в действительности и вне истории»²⁰⁸. Именно человек своей критической практической деятельностью доказывает возможность преобразования старого, бесполезность стагнации, возможность осуществления новых, до сих пор нереализованных проекций, переход к новым ценностям, то есть возможность превзойти иррациональность и бессмысленность. Таким образом, история не является осуществлением некоего

²⁰⁶ Grlić D. Smisao ili besmisao povijesti // Praxis. 1965. № 6. Str. 836.

²⁰⁷ Ibid. Str. 838.

²⁰⁸ Ibid.

трансцендентального закона, история – процесс, ведущий к чему-то, до сих пор неизвестному, даже непредсказуемому, «...ее смысл всегда в новом смысле, ее цель – в постоянной постановке новых целей»²⁰⁹. Какие именно это будут цели, к чему конкретно приведет история, зависит от человека: с одной стороны, человек в определенной эпохе стремится достичь максимального уровня гуманности, свободы, а с другой стороны, человек является человеком настолько, насколько в определенной эпохе историчен, то есть является носителем революционных изменений²¹⁰. Представители школы праксиса считали, что такой подход отражает восприятие истории в учении К. Маркса.

Выше описанное онтологическое представление об историческом процессе в философии истории школы праксиса неразрывно связано и с теорией познания исторического процесса, представленной в философии истории школы праксиса. Основная проблема познания истории – выявление причинно-следственных связей между событиями, и шире – определение возможности причинности в целом в гуманитарных и общественных науках, а, следовательно, возможно ли определение законов исторического развития.

Наиболее простой и показательный способ найти ответ на основную проблему теории познания исторического процесса – провести сравнительный анализ между техническими/естественными науками и исторической наукой, установить отличия исторической (шире – гуманитарных и общественных наук) от технических/естественных. Например, такой анализ провел М. Маркович²¹¹.

Основное различие – в предмете исследования. В технических/естественных науках предмет исследования по возможности сводят к относительно простой и закрытой системе, общество, напротив, – сложная и открытая система, с большим числом действующих акторов, на которую влияет множество обстоятельств. В такой системе, рассматриваемой исторической наукой, неизвестны начальные и граничные условия, знание о которых, по сути, является предусловием детерминизма. Затруднение в описании рассматриваемой системы в

²⁰⁹ Ibid. Str. 839.

²¹⁰ Ibid. Str. 836.

²¹¹ Marković M. Urok i cilj u istoriji // Praxis. 1965. № 6. Str. 787–797.

гуманитарных и общественных науках вызывает и то, что на исследование всегда оказывает влияние теоретическо-познавательная и ценностная ориентация самого исследователя, что в свою очередь делает невозможным построение четких критериев релевантности и значимости, от которых зависит построение причинно-следственной связи (будем ли считать одно явление причиной другого и в какой степени). Это говорит не о невозможности установления причинности в истории вообще, а о том, что к построению причинно-следственных связей в гуманитарных и общественных науках нужно относиться с большей критичностью²¹².

Далее, в исторической науке законы не могут быть такими же строгими, как в технических/естественных науках, поскольку практически никогда они не могут быть выражены математически, содержать четкие, однозначные формулировки, количественно оценены, не для всех абстракций, в них используемых, возможно операциональное определение, не обладают высокой степенью верификации. Поэтому и трактовать законы гуманитарных и общественных наук нужно как «...объективные центральные тенденции массы отдельных случайных событий»²¹³.

Случайность в истории обусловлена наличием актора, сознательного существа, который в состоянии выбирать между различными возможностями своих действий, и более того своим выбором способный «...превзойти границы своего характера, привычек, традиции, внешнего принуждения, общественного конформизма»²¹⁴. Вследствие этого исторический процесс может пойти не по наиболее вероятному пути согласно существующим законам, а по практически, на первый взгляд, невероятному пути, находящемуся на границах реальной возможности.

Здесь возникает вопрос о различии между априорным и апостериорным знанием о возможности: оценить возможность того или иного события можно только апостериорно, то есть, только когда событие произошло, можем сказать,

²¹² Ibid. Str. 788.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid. Str. 789.

что оно было возможно? М. Маркович говорит о том, что бытие возможности возникает уже перед тем, как началось действие, то есть когда только задумана реализация некоего события, длится, пока действие осуществляется, процесс открыт, а когда процесс закрыт и завершен, становится очевидным, было событие возможным или нет в данных конкретных условиях²¹⁵.

Следующий вопрос – о независимости исторических законов и воли человека. Классическая интерпретация К. Маркса говорит о полной независимости объективных законов общественного развития от воли людей. Представители школы праксиса не отвергают этот тезис, но уточняют его следующим образом: законы остаются объективными и независимыми от воли людей, пока люди остаются в рамках одной системы, но люди способны упразднить всю систему условий и устанавливать новую систему, в которой будут объективными уже другие законы: «К счастью, люди иногда делают то, что ненормально – в революции это происходит массово. Только благодаря этому происходит изменение условий, в которых действовали законы, и преодоление целой системы»²¹⁶. В действии экономических законов капиталистического общества нет неизбежности: под воздействием революционного энтузиазма социалистическое сознание заменяет буржуазное, в результате чего люди корректируют торгово-денежные отношения, постепенно создавая новые межчеловеческие отношения, в которых действуют новые законы, устанавливающие более гуманную деятельность, чем в прежней, капиталистической, системе.

В технических/естественных и гуманитарных/общественных науках понятия необходимости и достаточности также будут различаться по смыслу. Если можно говорить об априорном существовании возможности, то оценить необходимость и достаточность условий для общественного события можно только апостериорно, то есть только завершенный процесс можно проанализировать и оценить, наличие/отсутствие каких причин определило исход

²¹⁵ Ibid. Str. 789–790.

²¹⁶ Ibid. Str. 790.

события. В природе одни и те же условия приводят к одним и тем же результатам, в обществе в одних и тех же условия люди могут вести себя по-разному, с учетом прошлого опыта, с учетом изменения своих целей. В природе причинами будут некие материальные явления, в обществе причиной может быть и сознание, мысль об определенной цели.

Цель в общественной жизни сложносоставная: это и объективные условия бытия общества (экономические, географические и прочие), и субъективная мотивация отдельного индивида, а также и цели больших общественных групп, классов и наций. Такие цели больших общественных групп одновременно и объективны и субъективны: объективны – так как выражают интересы и потребности определенной общественной группы, субъективны – поскольку конституируются как цель только тогда, когда ощущаются, или помыслены, или сформулированы как что-то, чем стоит заниматься, когда становятся мотивом деятельности всех или хотя бы многих людей из данной общественной группы, то есть это то будущее состояние общества, которое в данных условиях выглядит наиболее отвечающим ценностной ориентации данной общественной группы²¹⁷.

М. Маркович делает следующие обобщения и выводы относительно того, какой вид целей и при каких условиях может привести к историческим событиям²¹⁸:

- личные цели индивида принимаются во внимание только тогда, когда речь идет о крупных исторических личностях;
- в истории постоянно НЕ реализуются исторические возможности улучшения общественного положения отдельных общественных групп. Чаще всего это происходит из-за несоответствия целей и условий, в которых в настоящий момент находится общественная группа: при формулировке целей берутся цели схожих классов, но находящихся в других условиях (рабочий класс в США), или формулируются прогрессивные цели, но которые не могут быть первостепенными в

²¹⁷ Ibid. Str. 791–792.

²¹⁸ Ibid. Str. 792–794.

настоящих условиях (революции 1848 г., Парижская коммуна, в Англии после Первой мировой войны движение рабочих за введение самоуправления);

- сознательная, целенаправленная деятельность (практика) заменена принуждением и грубыми формами детерминации. Обычно в группах, где авангард изолирован от всего класса. Тогда в реализации целей группы занята малая ее часть, а остальные члены группы в силу тех или иных причин остаются не осознающими свои классовые потребности и интересы и не вовлеченными в общие цели. Такое может быть, например, в случае если режим был поменян силами извне, а не в результате диалектического внутреннего развития общества;
- часто цели не реализуются в силу того, что не было найдено адекватных средств для их достижения. В качестве примера такого случая можно привести создание крупных кооперативных хозяйств: цель прогрессивная, отвечающая потребностям и интересам общества, но в ряде социалистических стран была реализована таким образом, что привело к грубым формам принуждения, пассивности общества и отпору. Выбор и применение средств должны соответствовать критериям истинной революционной практики и тем же моральным критериям, что и выбор целей;
- цели не отвечают реальным потребностям и интересам общественных групп, при этом могут быть массово и добровольно приняты обществом. Так происходит, когда силы власти в обществе смогли сформировать искусственные потребности масс или все внимание сфокусировать на некой второстепенной потребности. В современном обществе такое случается очень часто, здесь в пример приводятся: дело Дрейфуса; добровольное участие рабочего класса в империалистических войнах, несмотря на то, что рабочий класс никогда не заинтересован в освоении чужих земель; в развитых индустриальных обществах рабочий класс по целям идентифицирует себя с буржуазией, ориентируется на владение предметами

и материальное благосостояние, хотя первостепенным интересом работников является отмена отношений эксплуатации и классового разделения. В реальности мы имеем манипуляцию со стороны внешних сил (власти), а не действительно свободную практическую деятельность.

Таким образом, условиями для формирования истинной цели являются: знание о реальных исторических возможностях и критическое самосознание, делающее возможным выбор и осознанное включение в реализацию действительно оптимальной, ведущей наилучшим способом к удовлетворению реальных потребностей общественной группы, исторической возможности. Также важно при постановке целей и выборе средств ее достижения учитывать специфику отдельных групп общества, регионов, стран (могут различаться по экономическим, географическим условиям, революционному опыту, национальному менталитету, качеству общественного авангарда и т.д.), и текущие конкретные условия, в которых находится рассматриваемая общественная группа.

Соответственно, при изучении бытия той или иной общественной группы, необходимо помимо анализа общественного положения этой общественной группы в конкретной исторической ситуации, проводить и анализ фактических решений, целей, которые сама перед собой ставит эта общественная группа. Только таким образом можно учесть субъективный момент.

В итоге, можно сделать вывод, что для философии истории школы праксиса характерно следующее представление об историческом процессе: история – открытый многомерный недетерминированный процесс, обуславливаемый как объективными факторами (закономерностями, внешними условиями), так и субъективными (потребностями и интересами как отдельного индивида, так и потребностями и интересами общественных групп). С расширением гуманизации общества и увеличением вовлеченности в революционную, подлинно творческую деятельность, растет роль субъективного сознательного фактора в истории (но этот фактор может быть и прогрессивным, и регрессивным), все больше открывается возможностей для реализации целей человека, общественных групп,

удовлетворения их потребностей и интересов, а вместе с тем и для неожиданных путей развития общества²¹⁹.

Теория исторического процесса в философии школы праксиса предполагает, что истории присущи революционность и утопичность.

Ранее в настоящем параграфе было раскрыто содержание категории «праксис», и указано, что эта категория была базисной для всех прочих категорий, в том числе и категории «революция». Сейчас мы рассмотрим, как именно представители школы праксиса строили рассуждения по выводу содержания понятия «революция» из «праксиса».

Наибольший вклад в разработку понятия «революция» внесли Милан Кангрга и Гайо Петрович, поэтому в рамках настоящего параграфа мы ограничимся рассмотрением их теорий революции.

Начнем рассмотрение с теории революции М. Кангрги, которая, как и в случае с категорией «практики» (что мы указывали выше), наиболее радикальна.

Так, Кангрга противопоставляет бытие статичное, заданное, определенное, ограниченное, и революцию – творческий принцип, означающий прерывание старого и открытие измерения нового (идеи, парадигмы, знания, события). Революция в таком понимании возможна благодаря тому, что человек, по сути,

²¹⁹ М. Маркович указывал уже реализовавшиеся исторические события, которые, казалось бы, невозможно было прогнозировать:

- прогрессивные формы общественного устройства создаются в экономически менее развитых странах;
- революции в России, Югославии, Китае, Кубе («неразвитых» странах);
- Россия за три десятилетия смогла в техническом плане достигнуть уровня наиболее развитых капиталистических стран;
- пролетариат-победитель из своих собственных рядов создал бюрократические группы, которые в конфликте готовы уничтожить физически друг друга;
- социалистические страны конфликтуют между собой, в то время как ведущие капиталистические страны проводят экономическую интеграцию;
- в социалистических странах критикуют централизованное планирование, в то время как элементы централизованного планирования вводятся в капиталистических странах;
- в социалистических странах к культурным ценностям стали относиться как к товару, в то время как в капиталистических странах создаются фонды, направленные на преодоление товарно-денежных отношений в сфере культуры;
- африканские племена принимают некоторые социалистические формы устройства общества, преодолев целые эпохи общественного развития;
- именно в Югославии появилась система, в которой сосуществуют государство и самоуправление, план и рынок.

представляет собой «существо недостаточности», и именно это дает человеку абсолютную открытость для собственного развития – от экономического животного к существу практики, предлагает ему возможность для перехода из природы в историю: человек «...есть та историческая событийность как процесс выхода из недостаточности и её преодоление... это существование есть существование его и его мира в одном единственном, едином и неповторяемом действии»²²⁰. Кангрга противопоставляет понятие «эволюции» («evolucija») как то, что свойственно природе, и понятие «ре-эволюция» («re-evolucija») как то, что свойственно человеку «Если природа как спонтанность эволюционирует, тогда это (гегелевское) преодоление природы как собственной (первой) границы – ... “ре-эволюция”, причем “ре” означает здесь необходимость производства собственной (человеческой) эволюции, которая как таковая невозможна никаким способом как “простая эволюция природы”, а как эволюция именно того, что классические философы называли “второй природой”»²²¹.

Согласно Кангрге революция является основанием человеческого мира, условием историчности истории: «...если революция - движущая сила истории, тогда без революции и не было бы истории, что значит человеческого мира, а согласно этому и человека как человека. Выражаясь философски: революция – сущность и истории, и человеческого мира, и самого человека. Или наоборот: если что-то истинно исторически и для человека релевантно, задумано и возможно, тогда это революционное событие»²²². Резюмируя свою теорию революции, Кангрга сводит в синонимичный ряд понятия «практика», «творчество», «самосозидание», «революция».

Несколько другую теорию революции разработал Г. Петрович.

Петровичем человек определяется прескриптивно как «универсальное, творческое и самосозидающее существо, которое осуществляет свою сущность,

²²⁰ Kangrga M. *Etika ili revolucija*. Zagreb: Naprijed, 1989. Str. 24.

²²¹ Kangrga M. *Spekulacija i filozofija. Od Fichtea do Marxa*. Beograd: Službeni glasnik, 2010. Str. 27.

²²² Kangrga M. *Marxovo shvaćanje revolucije // Praxis*. 1969. № 1–2. Str. 25–34. URL: <https://www.marxists.org/srps/hrva/biblioteka/kangrga/misc/misc/marxovo-shvacanje-revolucije.htm> (дата обращения: 25.01.2023).

реализуя свои человеческие возможности, в то же время создавая новые и большие»²²³, т.е. Г. Петрович уходит от определения человека через отличие от животного и предлагает дефиницию через бытие в целом. В дальнейшем Петрович развил свою философскую теорию практики²²⁴ в направление, которое назвал «мышление революции»²²⁵ и которое задумывалось как надстройка философии через постановку и решение философских вопросов новым способом. Революция представляется как сущность практики, которая в свою очередь предстает как способ человеческого бытия²²⁶. Человек становится не только существом практики, но и существом революции. Такое определение не означает никакой содержательно ясной определенной деятельности, а предполагает акт реализации человеческих возможностей. Следовательно, и мышление революции становится революционным действием в сфере мысли, то есть самоосознания человека, так как революция не определяется только как изменение общественно-политических отношений, как изменение социального порядка, а гораздо более широко – как изменение во вселенной²²⁷.

Практика (а значит и революция), согласно Петровичу, непосредственно связана с историей и историчностью: «По Карлу Марксу история до сих пор была только предысторией, в которой человек был отчужден от своей сущности. Это не значит, что он имеет некую данную, утвержденную сущность. Человек отчужден от своей сущности – это значит, что он не реализует свои исторически созданные возможности»²²⁸. Таким образом, мы видим, что в философии истории школы праксиса понятие революции выступает как фундаментальная структура человеческого бытия. Особенно важно повторить, что в таком представлении революция есть изменение политической жизни общества и одновременно

²²³ Lunić A. Razlika Petrovićevog i Sutlićevog pojma prakse: završni rad. Split: Sveučilište u Splitu, Filozofski fakultet, 2009. Str. 20.

²²⁴ См.: Petrović G. Filozofija i marksizam. Zagreb: Mladost, 1965. 342 str., Petrović G. Filozofija i revolucija. Zagreb: Naprijed, 1973. 226 str.

²²⁵ См.: Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. 282 str.

²²⁶ Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. Str. 55.

²²⁷ Lunić A. Revolucija u horizontu filozofije prakse. Prilog razumijevanju revolucije u filozofiji Milana Kangrge i Gaje Petrovića // Filozofska istraživanja. 2018. № 4/152. Str. 830.

²²⁸ Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. Str. 87.

изменение человеческой природы: «...суть революции в меньшей степени гражданская война, уличные баррикады или насильственный захват политической власти. Её суть – человек как самоцель»²²⁹.

Революция непосредственно связана с историческим процессом, она является основанием человеческого мира, условием историчности истории: «...если революция – движущая сила истории, тогда без революции не было бы истории, что значит и человеческого мира, а потому и человека как человека»²³⁰. Происходит противопоставление собственно истории («*proviĵest*» на хорватском, «*Geschichte*» на немецком) и историографии («*historija*» на хорватском, «*Historie*» на немецком). Историография относится исключительно к горизонту прошлого, показывает завершенность определенного этапа исторического процесса как результата совершенной в прошлом революции. История же направлена в будущее, и именно революция является тем фундаментом, который позволяет выйти за пределы существующей реальности, осуществить изменение мира и человека в целом²³¹. Революция в таком понимании связывается с понятием утопии²³².

Более того, человек сам есть историческое событие, процесс выхода из недостаточности и ее преодоление. В такой парадигме человек предстает не как нечто завершенное, а как постоянное изменение. Революция же представляется «...как бесконечное стремление к достижению более высоких уровней свободы, но которое никогда до конца не сможет быть реализовано»²³³, так как окончание

²²⁹ Blagus S., Kangrga M. Komunizam će tek doći // *Novi list*. 18.02.2006. Str. 13.

²³⁰ Kangrga M. Marxovo shvaćanje revolucije // *Praxis*. 1969. № 1–2. Str. 25–34. URL: <https://www.marxists.org/srpshrva/biblioteka/kangrga/misc/misc/marxovo-shvacanje-revolucije.htm> (дата обращения: 25.01.2023).

²³¹ Здесь можно провести аналогию с определением современности как темпоральной характеристики, которое дает современный социолог Й. Терборн: «Современность – это культура, объявляющая себя современной, в смысле поворота спиной к прошлому – старому, традиционному, *passé* – и направленности в будущее, как к достижимому новому горизонту». См.: Терборн Й. От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 172.

²³² Kangrga M. Hegel-Marx: neki osnovni problem marksizma. Zagreb: Naprijed, 1988. Str. 138.

²³³ Lunić A. Revolucija u horizontu filozofije prakse. Prilog razumijevanju revolucije u filozofiji Milana Kangrga i Gaje Petrovića // *Filozofska istraživanja*. 2018. № 4/152. Str. 834.

революции означало бы и окончание творчества, а соответственно, и практики, что, по сути, означало бы и конец человека как человека, ведь только через революционную практику человек может реализовать свою сущность²³⁴.

Исходя из анализа содержания понятия «практика» и понятия «революция», можно сделать вывод о гуманистической, критической и революционной направленности философии школы праксиса. Критика условий жизни и самокритика теории воспринимается представителями данного направления как процесс перманентной революции.

История в философии школы праксиса имеет не только революционный, но и утопический характер. Далее рассмотрим, как раскрывается связь утопии с историческим процессом в философии школы праксиса. Для школы праксиса понимание исторического процесса неразрывно связано с вопросами соотношения реальности и утопии²³⁵. Представители школы праксиса начали детально разрабатывать понятие утопии в результате философского осмысления Майских событий 1968 г. Так, Кангрэ исследует феномен утопии, анализируя один из девизов парижских студентов в мае 1968 г. «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», в котором реализм невозможного противопоставлен реализму существующего: «невозможное» «...возьмёт нас из существующего как такового и приведёт в измерение, которое открывает нам новое и непознанное, но прежде всего противоположное тому, что есть»²³⁶. Согласно Кангрэ, единственный, наиболее важный, «эпохальный исторический вопрос» – это «стоять на позиции возможности нового, больше-не-буржуазного мира»²³⁷. Возможность такого мира должна проистекать из существующего положения вещей, а точнее из его отрицания. Тогда во фразе «требуйте невозможного!» заключено внутреннее противоречие, так как: «Хотеть невозможного в отношении, против, через или вне существующего мира означает воспринять и оценить существующий мир в его

²³⁴ Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. Str. 86.

²³⁵ Об утопии как категории социальной теории в современном марксизме см.: Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.

²³⁶ Kangrga M. O utopijskom karakteru povijesnoga // Praxis. 1969. № 5–6. Str. 801.

²³⁷ Ibid.

бытию как нечто – возможное! Поэтому все другое и значительно отличающееся определяется в измерении невозможного»²³⁸. В таком случае, если воспринимать существующий мир как являющийся до сих пор чем-то возможным или содержащим в себе любые возможности, тогда требование «невозможного» становится бессмысленным; однако «невозможное» мыслится не как нечто, что не является возможным в рамках и условиях существующего мира, а как то, что было бы возможным в предпосылках нового мира, который возникает из отрицания существующего мира, то есть нужно требовать «возможности (нового), а не невозможности (старого)»²³⁹. Получается, что в условиях буржуазного мира никакая иная (не буржуазная) возможность не является реально возможной²⁴⁰.

Подводя итог анализа лозунга студентов, Кангрэа вводит в дискурс два новых понятия – «что фактически есть» и «что должно быть», которые свойственны любому историческому событию, являются двумя измерениями исторического события: «Это “что должно быть” как носитель и инициатор возможного сохраняет открытым историчность процесса, в котором то “что фактически есть” появляется как историческая данность»²⁴¹. «Что должно быть» указывает на то, чего нет или еще нет в «что фактически есть», и тем самым вовлекает «что фактически есть» в исторический процесс, вместе с тем открывая и измерение собственной возможности. Мыслить то, «что фактически есть», означает абстрагироваться от его непосредственной данности, быть на позиции того, чего еще нет, но «что должно быть», быть в критическом отношении к тому «что фактически есть», в конечном счете это означает быть на утопической позиции²⁴². Исторически-утопический вопрос о возможности чего-либо (может ли что-то, «что фактически есть», быть другим) превосходит метафизический вопрос, почему что-то есть, вопрос о бытии, смысле бытия, то есть превосходит горизонт онтологии как онтологии, «для которой и сама возможность уже сведена

²³⁸ Ibid. Str. 802.

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Ibid.

²⁴¹ Ibid. Str. 803.

²⁴² Ibid. Str. 804.

в мир существующего реалитета как одна из (модальных) категорий бытия как бытия»²⁴³.

Онтологизация истории предполагает концепт истории как событийности прошлого (и настоящего как увековечивания прошлого). В истории, понятой в таком ключе, «никогда и никаким образом не может быть достигнуто измерение будущего, которое здесь заранее удалено из горизонта возможного»²⁴⁴. Но как тогда история как процесс реальной событийности вообще возможна, если в ней не фундирована возможность быть тем «что должно быть»? Получается, что уже изначально идеальное («что должно быть») противопоставляется реальному: «История как будущее, как возможность иного, чем то, что есть... как преодоление границ существующего постоянно в действии с самого её начала»²⁴⁵. «То, что есть» начинается с возможности, которая предшествует фактическому событию, более того, предшествует и предметному отношению, в котором всё в сознании обретает определенный, исторически специфический смысл. Здесь мы видим историческое значение революции, которая своей утопичностью, притяжением движущих сил, открывает пространство для того, «что должно быть», для возможности критического мышления (по сути, истинное мышление человека всегда критическое, так как в противном случае это не мышление, а всего лишь инструменталистская операция, направленная на существующее как таковое)²⁴⁶. М. Кангрва приводит в пример К. Маркса, который перейдя на сторону того, чего еще нет, на точку зрения того, «что должно быть» (социализма, коммунизма, нового мира и т.п.), т.е. в измерение утопического, преодолел тем самым границу буржуазного мира, и это позволило ему критически проанализировать существующий буржуазный мир. В каждом рассматриваемом К. Марксом критерии буржуазного общества (например, отчуждение, овеществление) содержится требование иного, чем то, «что фактически есть»²⁴⁷.

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Ibid. Str. 805.

²⁴⁶ Ibid. Str. 805–806.

²⁴⁷ Ibid. Str. 806–807.

Безусловно, не существует некоего готового категориального аппарата, а тем более готовой программы действий, позволяющей выйти за пределы четкого капиталистического политического механизма и приближающей человечество к прорыву в пространство того, «что должно быть». Такой прорыв (как минимум попытки прорыва) возможен при подключении творческого акта (который связан с революционным действием): «Как только включается творческий акт, возникает человеческая тенденция к изменению и преобразованию... В этот момент мы начинаем измерять реальность [идеями] утопии, а утопия начинает сливаться с реальностью: то, что казалось нам непостижимым, достигает высшего смысла существования»²⁴⁸. На пике революционного действия утопия становится приближена к реальности, достигается максимум спонтанности, и в этот момент человек становится ближе всего к другому человеку, когда «“я” начинает сливаться с “мы”, и личные желания с коллективными стремлениями»²⁴⁹.

Такое описание утопического в историческом процессе, данное М. Кангргой, подразумевает наличие определенного механизма, который бы позволял удерживаться творческой, революционной спонтанности на максимуме перманентно. Далее рассмотрим рассуждения Руди Супека, посвященные этой проблеме.

Супек задается вопросом, как возможно сохранить эту спонтанность, стихийность, ведь как только революционный творческий акт проходит свой пик, статичность социальных структур вновь начинает преобладать: возобладают групповые интересы, отношения между людьми переходят в плоскость властных отношений, авангард революционного движения превращается в правящий класс. Возникает противоречие между политическим прагматизмом, характеризующимся чувством «реальности», учетом «исторических условий», приспособлением политического действия к конкретным и «объективным» ситуациям, и революционным гуманизмом, который непосредственно связан с

²⁴⁸ Supek R. Utopia and Reality. URL: <https://www.marxists.org/archive/supek/1971/utopia-reality.htm> (дата обращения: 03.06.2023). Вступительная речь Р. Супека на открытии Корчуланской летней школы 1971 г. Также была опубликована в журнале «Praxis», 1972, № 1–2.

²⁴⁹ Ibid.

утопическим, который ставит построение общественного сознания приоритетными по отношению к построению социального базиса, для которого человеческие взаимоотношения первичны относительно функционирования институций²⁵⁰.

Кажется, что данное противоречие может служить основой для плодотворного диалога между реальным и утопическим, однако, политический прагматизм оказывается не готов к такому диалогу. Политический прагматизм стремится интегрировать утопию в текущую политическую действительность, монополизируя тем самым и политические действия, и революционное движение, и в итоге монополизируя вещи, принадлежащие всем людям – свободное участие и объединение. Это приводит к тому, что политический прагматизм определяет смысл, «верную» интерпретацию реализации социалистических преобразований, которые теперь осуществляются не путем свободного волеизъявления сознательных людей, а посредством принуждения. В конечном счете происходит доминирование политического над социальным, утопия бюрократизируется, что приводит к отождествлению социализма с пределами власти господствующего политического класса. С процессом бюрократизации утопии связан и вопрос об особом виде «харизматической власти» в социализме, является ли возникновение такой власти неизбежным следствием революционного движения, и может ли появление такой власти частично или полностью быть предотвращено, например, только лишь осуждением «культы личности»²⁵¹.

Р. Супек обозначает следующие моменты, которые также должны способствовать, с одной стороны, противодействию бюрократизации утопии, свойственным социалистической действительности инерции, псевдознанию, квазиреальности, а с другой стороны, утверждению того «критического и рационального духа... который один способен связать возможное с необходимым, а утопию с действительностью», «внести в марксистский образ мышления ту остроту и пронизательность, которые в условиях все более усложняющегося

²⁵⁰ Ibid.

²⁵¹ Ibid.

общественного развития могли бы превратить определенное видение будущего в сильнейшее оружие революционного действия»²⁵²:

- элементы утопии в революционном движении должны оставаться глубоко связанными со стихийностью и демократизмом, должны сопротивляться попыткам подчинить их политической власти отдельной группы людей;
- необходимость выработки объективного критерия сравнения (из которого был бы исключен политический волюнтаризм и субъективизм) для адекватного сравнения развития социалистических стран (стран, в которых была осуществлена социалистическая революция);
- признание множественности путей, ведущих к социализму;
- необходимость сделать утопию общедоступной, так как свободная связь реальности с утопией - необходимое условие для социалистической революции и подлинного преобразования общества, утопия должна обрести форму массового движения, стать коллективным волеизъявлением стихийного преобразования общества и человека²⁵³;
- необходимость учёта исторической действительности, капиталистического и социалистического опыта, то есть критическое, аналитическое и научное исследование социалистической действительности.

Итак, в настоящем параграфе мы рассмотрели революционность и утопичность – характеристики, имманентно присущие историческому процессу в концепции, предлагаемой школой праксиса.

В заключении параграфа считаем необходимым сказать несколько слов о значении философии в понимании представителей школы праксиса. Значение философии связывается с понятиями революции и утопии.

Квинтэссенция понимания глобальной цели философии школой праксиса отражена в работах Г. Петровича. Уже в заглавной статье «Почему праксис?» в

²⁵² Ibid.

²⁵³ Ibid.

первом номере журнала «Праксис» в 1964 г. Петрович отмечал, что философия должна заниматься актуальными проблемами современного мира и человека и должна стать «мыслью революции», под которой подразумевалась «...беспощадная критика всего существующего, гуманистическое видение действительно человеческого света и вдохновляющая сила революционной деятельности»²⁵⁴. Развивая тезис о невозможности конечности революционной деятельности, Петрович делал вывод о цели философского мышления не как открытии конечной, глубоко скрытой сущности человека, а как непосредственном увековечивании постоянной открытости для (само)созидания. Мысль о революции уже становится начатым революционным действием, открывающим «...простор для реконструирования и переопределения человека, мышления, политического, социального, культурного – то есть мира в целом»²⁵⁵.

Таким образом, мысль о революции – мысль о том, «что должно быть» (понятие, предлагаемое М. Кангргой, о чем мы писали выше), начало конструирования «ещё-не-существующего», начало трансформации общества. Здесь видим связь философии с утопией и уникальное свойство философии, дающее ей приоритет относительно науки в возможностях преобразования общества и человека. Если отталкиваться от научного знания, то прорыв в пространство «что должно быть» никогда не может быть осуществлен, поскольку для науки «утопическое не является ни существующим, ни данным, ни фактическим, и как таковое не может быть научно ни операционализировано, ни инструментализировано, ни верифицировано, так как в любом научном методе (или “модели”) просто неуловимо и недостижимо»²⁵⁶. Наука не может перейти границу того, «что фактически есть», в отличие от философии (и искусства, как отмечает М. Кангрга²⁵⁷), которая способна, используя весь потенциал критического мышления, создавать утопическо-творческие элементы: «Философ,

²⁵⁴ Petrović G. Čemu praxis // Praxis. 1964. № 1. Str. 4.

²⁵⁵ Lunić A. Revolucija u horizontu filozofije prakse. Prilog razumijevanju revolucije u filozofiji Milana Kangrge i Gaje Petrovića // Filozofska istraživanja. 2018. № 4/152. Str. 835.

²⁵⁶ Kangrga M. Zbilja i utopija // Praxis. 1972. № 1–2. URL: <https://www.marxists.org/srps/hrva/subject/praxis/1972/01.htm> (дата обращения: 03.06.2023).

²⁵⁷ Ibid.

как и деятель искусств, есть потенция или избыток человеческого, а не его деградация или дефицит, не недостаточность»²⁵⁸.

Мы рассмотрели основные теоретические понятия – прaxis, революция, утопия, определили понятие исторического процесса и взаимосвязь исторической онтологии и исторической гносеологии в философии истории школы прaxisа. В следующем параграфе покажем прикладное применение философии школы прaxisа – критику современной представителям школы прaxisа социалистической реальности.

2.2. Критика социализма школой прaxisа

Прежде всего, критика социализма и марксизма со стороны представителей школы прaxisа предполагала критику догматизма²⁵⁹. В связи с критикой догматизма (прежде всего под догматизмом школа прaxisа подразумевала сталинизм) в первую очередь стоит рассмотреть уже упоминавшуюся в параграфе 1.2 статью Руди Супека «Еще раз об альтернативе: сталинистский позитивизм или творческий марксизм»²⁶⁰. Супек отмечает, что современная общественная и историческая ситуация (для автора это ситуация середины 1960-х гг.) порождает проблемы и вопросы, которые еще не рассматривались марксистской теоретической мыслью, поэтому основным вопросом является: «Важно ли для современного развития марксистской теории поощрение и широкое развитие дискуссии и свободного обмена мнениями обо всех актуальных проблемах, которыми марксизм занимается?»²⁶¹. Безусловно, по мнению Р. Супека, ответ должен быть «да», и именно школа прaxisа представляла такой вариант марксизма, готовый к дискуссиям и открытому обмену мнениями. При этом Р. Супек отмечает, что многие марксистские философы (не только в Югославии,

²⁵⁸ Kangrga M. O utopijskom karakteru povijesnoga // Praxis. 1969. № 5–6. Str. 810.

²⁵⁹ Г. Маркузе также отмечал основной негативной чертой советского социализма именно догматизм. См.: Marcuse H. Soviet Marxism: A critical analysis. 4. print. New York: Columbia University Press. 1969. 271 p.

²⁶⁰ Supek R. Još jednom o alternativni: staljinistički pozitivizam ili stvaralački marksizam // Praxis. 1965. № 6. Str. 891–915.

²⁶¹ Ibid. Str. 893.

СССР, странах Восточной Европы, но и в странах Западной Европы, в частности во Франции) продолжают строить свои рассуждения в рамках сталинской версии марксизма, т.е. была осуждена практика сталинизма (квинтэссенцией которого стал «культ личности»), но не подвергнута критике в должной мере теория сталинизма.

Р. Супек считает, что сталинский марксизм является позитивизмом, т.к. философские идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина упрощены и вульгаризированы в духе позитивизма, и сталинский диалектический материализм получился односторонним и слишком последовательным (обозначаются следующие характерные черты: отделение диалектики от материализма, т.е. методологии от теории, сведение диалектики к «диалектике природы», отказ от принципа отрицания отрицания, склонность к натурализму и сциентизму, нивелирование специфичности философии относительно научного знания, механистическая интерпретация базиса и надстройки, игнорирование теории отчуждения)²⁶². При этом Р. Супек отмечает соответствие между общественной практикой и сталинизмом: «Смысл сталинизма можно определить только тогда, когда его теоретические положения соединены с общественно-политической практикой, так как Сталин остался “философом” хотя бы в том, что для своей политики всегда находил философско-теоретические оправдания и принципы»²⁶³. Наиболее характерным недостатком сталинизма Р. Супек считает отсутствие теории отчуждения, вследствие чего становится невозможным объяснение многих явлений в буржуазном обществе, например, закона прогрессирующего обнищания рабочего класса. Р. Супек говорит о том, что нужно не просто указать на недостатки сталинистского позитивизма, но и объяснить его «...как первый исторический зафиксированный опыт в построении социализма с учетом его философско-теоретической и политическо-социальной стороны»²⁶⁴, это есть философская и историческая задача для марксистов. Эта

²⁶² Ibid. Str. 896–897.

²⁶³ Ibid.

²⁶⁴ Ibid. Str. 899.

задача подразумевает изучение влияния сталинизма на советское общество, какие изменения можно оценить как позитивные, а какие – как негативные.

Р. Супек схематично описывает диалектику развития общества, представленную К. Марксом как состоящую из трех частей: первая – постоянный общественный прогресс, связанный с развитием производительных сил (что, по сути, не отличается от позитивистских представлений); вторая – постоянный общественный регресс – декомпозиция человеческих сообществ и атомизация личности (от первобытно-общинного строя до капитализма), что соответствует теории отчуждения и является гуманистической линией философии К. Маркса; третья – развитие человеческой личности, которая становится все более разносторонней в своих способностях творческой деятельности, но которая вместе с тем все больше отчуждается от человеческого способа удовлетворения своих потребностей, несмотря на все большую изысканность и все большие способности, т.е. в самой личности содержится противоречие, – эта линия соответствует персонализму, основы которого обозначил К. Маркс. Сталинизм же не принимает во внимание вторую и третью части представленной диалектики развития общества, то есть отбрасывает гуманизм и персонализм в понимании истории²⁶⁵. Социализм предстает в такой интерпретации как рациональная, научная фаза развития общества, марксизм приобретает этатистский и вульгарно-экономический характер, а общественно-политическая практика становится «научной»²⁶⁶.

По мнению Р. Супека, исключение гуманизма из марксистской теории имело негативные последствия для социалистической практики, особенно для культуры. Прежде всего можно обозначить деградацию социальных наук, которые практически не развивались, в то время как в буржуазном обществе в этот же период наблюдалось развитие философии, психологии, социальной психологии, социологии, социальной антропологии, лингвистики, теории искусств, все больше анализировалось и критиковалось собственно буржуазное

²⁶⁵ Ibid. Str. 901.

²⁶⁶ Ibid. Str. 901–902.

общество, в то время как в СССР исследования по межличностным отношениям, проблемам личности практически не велись. Без учета гуманизма была затруднена критика буржуазного общества, а тем самым и непосредственно разработка и осуществление революционных действий в современных условиях. Но при этом в заслугу сталинизму можно поставить, что был сохранен высокий уровень естественных и технических наук, что было необходимо для проведения успешной индустриализации²⁶⁷.

По Р. Супеку сталинистский позитивизм является органицистским позитивизмом (присущим О. Конту, Г. Спенсеру, Э. Дюркгейму), а не сциентистским, поскольку имеет ярко-выраженные характеристики идеологии, а сциентизм подразумевает анти-идеологичность и признает только то, что научно, экспериментально верифицируемо. Сталинизм же отвергает любое мнение, не соответствующее его априорным представлениям. Такой подход стал основанием для развития этатизма и бюрократизма²⁶⁸. Этатизм и бюрократизм в свою очередь приводят к следующим особенностям общественного порядка:

- в советском обществе не развивалась (теоретически и практически) идея рабочего самоуправления;
- если применить классификацию типов политической власти М. Вебера, то сталинизм относится к харизматическому типу власти или даже «псевдо-харизматическому»²⁶⁹. Такой тип власти ведет ко все увеличивающейся дистанции между властью и «массами», что приводит к «культу личности»;
- в бюрократической системе критика и самокритика утрачивают смысл (все негативные последствия списываются на изменение внешних условий);
- иерархия знаний (предполагается, чем выше по иерархической лестнице власти человек, тем большим знанием он обладает), что в итоге свело

²⁶⁷ Ibid. Str. 903–905.

²⁶⁸ Ibid. Str. 905–907.

²⁶⁹ Ibid. Str. 909: «...так как больше основывалась на принуждении, нежели на аффективной идентификации, хотя последняя и была весьма сильна в революционном периоде».

борьбу мнений на нет (борьба мнений осталась только горизонтальная и не политическая).²⁷⁰

Таким образом, сталинизм, отказавшись от гуманизма, превратился в позитивизм (в философской теории), и этатизм и бюрократию (в социальной практике) и в результате себя «...сделал недостаточно привлекательным для каждого свободлюбивого человека»²⁷¹. С учетом выводов из анализа сталинизма, представители школы праксиса выявляли характеристики современных им буржуазных и социалистических обществ, выявляли проблемы, стоящие перед социализмом (как в отдельных странах, прежде всего в Югославии, так и в целом для движения), предлагали пути решения этих проблем и строили прогнозы возможного развития социалистического общества.

Так, М. Маркович²⁷² отмечал рост тенденций по возможностям управления в современном мире на всех уровнях общественной организации, а именно: преодоление атомизации за счет экономической интеграции (в том числе региональной, национальной, международной), увеличение роли государства (выросла степень интервенции как в экономической сфере, так и в целом в общественной жизни), стремительное развитие науки, позволившие значительно нарастить точность прогнозирования и сознательный контроль общественных процессов. Причем «капитализм на микроэкономическом уровне в некоторых случаях достиг даже и более высокой степени рациональности, чем социализм в своем текущем развитии»²⁷³, современный капитализм уже не является либеральным капитализмом XIX в. с его принципом невмешательства, современный капитализм характеризуется высоким уровнем планирования и прогнозирования, профессионализмом управленцев, применением достижений

²⁷⁰ Ibid. Str. 911: «Печать при сталинистском позитивизме – лишь посредник между иерархией... и “народными массами”; она “слово” между субъектом (иерархией) и объектом (публикой); она всегда чей-то орган, только не “орган общественного мнения”. Ее основная функция – вульгаризатор “канцелярских истин”, а не живое выражение общественного мнения».

²⁷¹ Ibid. Str. 900.

²⁷² Marković M. Uslovi i mogućnosti usmeravanja društvenog razvoja u socijalizmu // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 634–641.

²⁷³ Ibid. Str. 634.

науки и технологии²⁷⁴, занимающихся проблематикой методологии и техники управления и планирования. Отмечается рост тенденций планирования и на глобальном уровне, однако планирование на макроуровне не столь успешно, так как имеет ограничения вследствие наличия частной собственности на средства производства и действия законов рынка (предполагающих, что значительная доля событий случайна). Поэтому социализм на глобальном уровне имеет преимущество: отменив буржуазию как класс и обобществив средства производства, «социализм осуществил историческую возможность неограниченного постепенного овладения общественной стихией и неограниченной прогрессивной гуманизацией общественной жизни»²⁷⁵. Однако на текущем этапе развития социализма существует опасность превращения планирования в чисто внешнее, административное, с принудительной постановкой целей и задач, что сведет к минимуму всякую инициативу, свободу и достоинство отдельного производителя. Более того, для осуществления социалистических преобразований необходимо объективное, конкретное, беспристрастное знание о состоянии общества. На такое знание должны опираться при принятии политических решений, при постановке долгосрочных и краткосрочных целей, определении потребностей общественного развития, при выстраивании механизмов отбора на руководящие должности наиболее способных и компетентных.

²⁷⁴ К таким дисциплинам относятся:

- логика (булева алгебра, теория субъективной вероятности);
- математика (линейное, нелинейное, динамическое программирования, теория игр, теория информации, теория принятия решений);
- математическая статистика;
- техника (теория автоматов, искусственного интеллекта);
- психология (теория обучения);
- экономика (эконометрика, экономическая кибернетика);
- общая теория организации.

²⁷⁵ Marković M. Uslovi i mogućnosti usmeravanja društvenog razvoja u socijalizmu // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 634.

Далее М. Маркович называет конкретные особенности и проблемы социализма в СФРЮ²⁷⁶:

- самоуправление как практика: оценивается как положительное явление, как начало отмирания государства, при этом указывается, что большая экономическая и политическая сила все еще сконцентрирована в центральных органах государственной власти. Двойственность проявляется в следующем: с одной стороны, центральные органы государственной власти все больше становятся органами самоуправления, поскольку членами скупщины (союзной и региональных), законодательного органа власти, становится все больше работников, избранных демократическим путем, которые свои руководящие функции выполняют временно, получают оплату за выполнение этих функций как за всякий другой творческий, высококвалифицированный труд, но не имеют прав на получение некоего постоянного привилегированного статуса, а с другой стороны, скупщина все еще остается органом государства, так что исполнительное вече, исполнительный орган власти, административные государственные органы своим давлением и авторитетом способны повлиять на решения, принимаемые скупщиной. Таким образом, наличествует нарушение принципа открытости всех действий и демократизма всех выборов и процесса принятия решений, «принцип равноправности заменяется принципом иерархии, сила аргумента силой положения, а объяснение – принуждением»²⁷⁷;
- отмена частной собственности, шаги по превращению государственной собственности в истинно общественную: данный процес характеризуется положительно, но отмечается, что до сих пор значительная часть общественной собственности остается отчужденной, так как, во-первых, распоряжаются ей государственные органы (а на деле влиятельные представители государственной власти), а во-вторых, вследствие

²⁷⁶ Marković M. Uslovi i mogućnosti usmeravanja društvenog razvoja u socijalizmu // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 635–638.

²⁷⁷ Ibid. Str. 635.

партикуляризма, регионализма, национализма, часть людей, принимающих решения, ставят интересы своего сообщества на первый план в ущерб интересам общества в целом;

- гибридная экономическая система: с одной стороны, следование законам товарного производства и рынка, с другой стороны, постоянное административное вмешательство во внешнеполитических, гуманитарных и прочих целях, по сути выходящее за рамки действующей Конституции, решений партийных съездов, других юридических документов и в принципе господствующей политико-экономической теории. Здесь наблюдаются элементы этатизма, которые приводят к негативным последствиям: создание экономически и научно неоправданных отношений, диспропорции (региональной, отраслевой и т.п.), ограничение свободы и инициативы, наконец, создание противоречий между теорией и практикой;
- грамотность: степень развития культуры, политического и профессионального образования находится на уровне, не достаточном для эффективной работы системы самоуправления, так как самоуправление предполагает рационального производителя/работника;
- состояние науки: руководство общественным развитием должно быть основано на научном анализе и прогнозе, то есть социализм должен стать научным. Для этого должны развиваться как гуманитарные и общественные науки, так и естественные и технические. К сожалению, для большинства социалистических стран характерна неразвитость гуманитарных и общественных наук, им придается лишь идеологическая и пропагандистская функция, в то время как они должны формировать эмпирически обоснованные знания о реальном положении, состоянии общества, закономерностях, тенденциях, реальных возможностях и альтернативах дальнейшего общественного развития. Что касается естественных и технических наук, то в ряде социалистических стран (прежде всего в СССР) они развиваются довольно успешно (в том числе делаются попытки развития дисциплин, необходимых для эффективного

управления организациями, которые были перечислены выше). Однако в Югославии естественные и технические науки не развиваются должным образом, только отдельные исследователи по личной инициативе работают над некоторыми проблемами, а в целом наблюдается отсутствие учебных программ, исследовательских программ по актуальным для современности дисциплинам, что говорит о том, что нет политики создания компетентных кадров и применения на практике новейших научных разработок в области управления.

Марковичем были разработаны следующие предложения по совершенствованию социально-политического устройства Югославии:

- развитие системы самоуправления и внедрение управления на всех уровнях общественной структуры (организация, отрасль, регион, республика, федерация и т.п.). Участие в управлении заложено в сущности человека: «В той степени, в которой человек есть активное, творческое существо, он не удовлетворяется только созерцанием завтрашних возможностей, но и духом, и словом, и мышцами своих рук занимается тем, чтобы осуществилась та реальность, которую он задумал. Наконец, в той мере, в которой человек есть общественное существо, в которой коммуницирует, сотрудничает с другими, делит с ними определенные потребности и ценности, он готов действовать и для наиндивидуальных целей, и даже для таких, которые не удовлетворяют его личных потребностей, но являются косвенными ценностями для него, так как удовлетворяют потребности других людей, которые ему не безразличны»²⁷⁸. Такие наиндивидуальные цели важны для человека не только в семейной жизни, в круге близкого общения, но и в жизни более широких общественных объединений (по сути вплоть до уровня всечеловеческого), а тот же человек, который заинтересован в удовлетворении потребностей и реализации целей (значит, управления) только того немногочисленного общественного объединения, к которому непосредственно принадлежит «...показывает тем, что не в

²⁷⁸ Ibid. Str. 640.

полной мере является общественным существом или что не осознает взаимосвязь личного и общественного интереса»²⁷⁹. При развитии системы самоуправления возникает вопрос о соотношении целей разных уровней, поэтому указывается необходимость центральных органов самоуправления, которые бы были ответственны за постановку общих целей и определения средств и механизмов для их реализации;

- развитие наук (как гуманитарных и общественных, так и технических и естественных): применение научных подходов для детальной разработки краткосрочных планов, постоянный контроль реализации планов, постоянные опросы общественного мнения. Наука должна активно помогать в выборе решений между несколькими альтернативами, а также при оценке реального состояния общества;
- минимализация элементов этатизма, борьба с бюрократизмом и технократией: на текущем этапе общественного развития всякое управление содержит в себе элементы этатизма, и существует угроза перерождения даже социалистического общества с внедренной системой самоуправления в бюрократизм и технократию вследствие излишнего вмешательства государственных органов в процессы управления. Для того чтобы не допустить перехода в бюрократизм/технократию, должны быть сформулированы долговременные цели эпохи, включающие в себя следующие: отмена всех скрытых форм эксплуатации, преодоление социальных различий между общественными группами, преодоление региональных различий между развитыми и неразвитыми регионами, достижение материального благосостояния, общественной солидарности, скупщина должна эволюционировать, стать органом самоуправления в полном смысле, на ее решения не должны оказывать влияния государственные органы или партийные структуры, решения центральной скупщины должны быть обязательны к исполнению на уровнях ниже, практически быть некими рамками возможных решений для прочих

²⁷⁹ Ibid.

уровней самоуправления. Цели на уровнях ниже должны подчиняться вышперечисленным долговременным целям эпохи.

Представители школы праксиса также рассуждали о неравномерности развития социализма в мире, возможностях развития социализма не только в уже социалистических странах, но и в других странах мира, в том числе капиталистических странах Запада²⁸⁰ и развивающихся постколониальных странах.

В западноевропейских странах и США было распространено мнение о том, что капитализм после 1945 г. неким образом стабилизировался, научился успешно разрешать свои внутренние противоречия (в основном за счет развития колониализма в том или ином виде, что позволило улучшить положение пролетариата непосредственно в странах Запада), и, соответственно, в этих странах шансов на установление социализма нет, и даже, более того, «западноевропейский капитализм и восточноевропейский социализм движутся к одной и той же цели, индустриальному обществу с идентичными характеристиками: господством техники, изменением форм собственности, борьбой за массовое производство и потребление, введением планирования и профессионального руководства, смягчением классовой борьбы и т.д.»²⁸¹. Представители школы праксиса такую точку зрения не разделяли и считали, во-первых, возможным и необходимым построение социалистического общества в странах Запада, во-вторых, что для победы социализма недостаточно того, что современный уровень общественного, научно-технического прогресса «вынуждает» капиталистические страны принимать, по сути, социалистические решения, но что для построения социализма в этих странах необходима и осознанная акция общественных сил, направленная на установление социализма²⁸². Такой общественной силой, способной возглавить переход к социализму, должны стать обновленные социалистические и коммунистические

²⁸⁰ Западной Европы и США

²⁸¹ Cvjetičanin V. Neki problemi daljnjeg razvoja socijalizma kao svjetskog procesa // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 623.

²⁸² Ibid. Str. 624–625.

движения. Обновленные – потому что существующие социалистические и коммунистические движения должны оперативно пересматривать свои цели, задачи, методы деятельности в зависимости от социально-политической реальности. В частности, современные социалистические программы не должны основываться на тезисах о постоянном обнищании пролетариата и о борьбе против капиталистической эксплуатации; эти тезисы должны быть в программе, они актуальны, но не должны быть в настоящих условиях первоочередными. Представитель школы праксиса социолог Велько Цветичанин (Veljko Cvjetičanin, годы жизни 1927-2001 гг.) отмечает, что в то же время должны учитываться²⁸³:

- научно-техническая революция: рационализация производства, спецификация труда, автоматизация;
- этатистские и монополистические тенденции: явление концентрации капитала, рост монополий, которые становятся основателями региональных экономических организаций, отделение функции управления от права собственности, что приводит к уменьшению числа собственников средств производства, становится необходимым вмешательство государства для дальнейшего расширения воспроизводства;
- общественное положение человека: улучшение материальных условий жизни всех классов и слоев (при этом прибыль капиталистов растет быстрее зарплат работников), эксплуатация меняет формы (автоматизация, внедрение роботов), становится менее радикальной, но человек остается только средством экономического интереса, усложнение социальной структуры (зарождение профессионального слоя управленцев, усиление слоя технократов, уменьшение количества работников физического труда, в среднем классе снижается доля собственников средств производства, разнородность среднего класса – чиновники, армия, полиция, интеллигенция).

Социалистические движения должны выбирать мирный путь к социализму (хотя в отдельные моменты не исключается и вооруженная борьба), движение

²⁸³ Ibid. Str. 624–628.

должно стать массовым, но единым в своих целях, сотрудничать со всеми прогрессивными силами и течениями. Цели движения должны формулироваться исходя из постоянного анализа общественных потребностей, анализа технического прогресса с точки зрения гуманистического аспекта, в том числе революционные силы должны противодействовать появлению протестных явлений, направленных против развития науки, техники, автоматизации, выступать за радикальные изменения условий, которые могут вызвать войну, оказывать помощь развивающимся странам (как общественное гуманистическое задание), осуществлять усиление социалистических позиций во всех сферах общественной жизни (не только в политической).

В. Цветичанин, рассуждая о возможности социализма в развивающихся, постколониальных странах отмечал, что историческое развитие этих стран непохоже на развитие европейских стран (на основе изучения которых строится большинство социально-философских концепций), поэтому и оценивать возможность построения на данном этапе социализма невозможно с точки зрения классического марксизма: например, «требовать» обязательного периода либерального капитализма как условия «созревания» предпосылок к переходу к социализму. Представители школы праксиса имели скорее оптимистичную оценку перспектив построения социализма в таких обществах, поскольку для них (обществ) характерно, что эволюция сознания идет впереди изменений в экономике, а страны социализма оказывают на развивающиеся, постколониальные страны морально-политическое влияние, а также методологическую и экономическую помощь. Все это делает «...возможным превзойти этатистско-бюрократические тенденции единственно развитием самоинициативы широких народных масс, их вовлечением в управление общественными делами»²⁸⁴. В. Цветичанин отмечает три основные проблемы, с которыми будет сталкиваться социалистический путь развития в развивающихся, постколониальных странах²⁸⁵:

²⁸⁴ Ibid. Str. 630.

²⁸⁵ Ibid. Str. 631–632.

- во-первых, рост населения, превышающий экономический рост;
- во-вторых, борьба местной буржуазии, небольшого по численности слоя, но поддерживаемого мировыми монополистами, и сельских пролетариев, которые составляют основную массу пролетариев (так как промышленные пролетарии составляют в таких странах от 1% до 10% населения), и для которых затруднена организация общественных акций вследствие отсталости, безграмотности, отсутствии сети массовых коммуникаций;
- в-третьих, сложности адаптации марксизма к уже существующим общественным движениям (в основном тем, которые предводительствовали в национально-освободительной борьбе), в том числе местным религиозным, политическим идеологиям, национализмам.

Таким образом, критика современного социализма и поиски путей развития социалистического общества были основными темами практической стороны философии школы праксиса. Значимость именно этой темы обусловлена тем, что представители школы путь гуманистического развития человека видели в социализме, поэтому важно было выявить противоречия, проблемы социализма и разработать предложения по преодолению этих противоречий. От того, насколько успешно были бы преодолены противоречия и проблемы в странах уже ставших социалистическими, зависел успех социалистического развития общества в целом. Основные кризисные явления в странах социализма связывались с существующими элементами этатизма, что являлось наследием того, что в большинстве стран переход к социализму был осуществлен путем вооруженной борьбы, и на начальном этапе требовал наличия сильных структур для защиты от классового врага. Но в ситуации 1960-х гг. такие элементы этатизма и бюрократизма уже должны были быть устранены (мирным, реформаторским путем), тем самым будут преодолены противоречия между экономическими, общественными и политическими силами. В конце концов, в ходе все большего развития самоуправления произойдет отмирание государства как такового. Относительно капиталистических и прочих стран также подчеркивалась необходимость и возможность социалистических общественных преобразований.

Социалистические преобразования приведут к свободному, творческому развитию человека, причем развитие конкретного человека, существующего в тот момент времени, а не абстрактного человека будущих поколений.

Обобщенно можно сказать, что показатели успеха социалистических преобразований – это рост уровня свободы и снижение уровня неравенства. О понимании свободы и равенства в представлениях философов школы праксиса и пойдет речь далее.

Свобода и равенство – категории, которые являются одними из центральных в социально-политической мысли. Философы школы праксиса также интерпретировали указанные категории в рамках философии истории и анализировали содержание этих категорий, реализованное в капиталистическом и социалистическом обществах. Прежде всего, отмечается, что равенство следует понимать как общественное равенство, то есть «требование отмены классов, поэтому и отмены капитала и наёмного труда, рынка и товарного производства»²⁸⁶, что соответствует марксовой концепции равенства, «конкретной, исторической и критической»²⁸⁷, «неравенство личности не может быть... никаким оправданием для доказательства необходимости неравенства классов»²⁸⁸.

М. Маркович выделяет следующие проблемы, с которыми сталкиваются марксисты, пытающиеся создать или развить уже существующие формы социалистического общества:

- «1. Каков конкретный смысл принципа равенства и свободы на сегодняшнем уровне критической общественной теории и практики?
2. Какой вклад в реализацию равенства и свободы внесли случившиеся социалистические революции? Особенно, какой исторический опыт предложила югославская революция?

²⁸⁶ Marković M. Jednakost i sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 6.

²⁸⁷ Ibid.

²⁸⁸ Grlić D. Jednakost i nejednakost // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 48.

3. Как соотносятся равенство и свобода? Является ли равенство необходимым условием свободы? Какую форму равенства требует полная эмансипация человека в марксовом смысле?»²⁸⁹.

Затем М. Маркович определяет четыре типа неравенства²⁹⁰:

- различие по природным способностям: подобного рода различия всегда будут присутствовать. Но эгалитаристские тенденции, основанные на различии по природным способностям, не имеют гуманистического характера, так как вводят униформность и тем самым затрудняют или делают невозможным самореализацию человека. При этом многие характеристики, которые относятся к природным (ум, талант, склонность к занятиям определенной деятельностью), – не являются просто наследуемыми, но представляют собой результат взаимодействия генетики и общественных отношений. Например: «Принадлежность к различным классам приводит к тому, что у одних стимулируется позитивный потенциал, в то время как потенции других постоянно фрустрируются, что дает результат в исторической перспективе: аккумуляция большего числа способностей в рядах привилегированных слоев, и наоборот, аккумуляцию ограниченных способностей у непривилегированных»²⁹¹. Следовательно, созданием благоприятных условий для развития каждого ребенка можно преодолеть такие природные различия, развивая потенциальные способности и таланты, которые при стихийном развитии остались бы на недостаточном уровне. Тогда «природное неравенство» превратится в природные различия в особенностях характера, склонностях, обладании различными способностями, которые не будут априорным основанием для определения того или иного индивида в низшую общественную группу²⁹²;
- расслоение по природным способностям: некоторые формы такого неравенства, возможно, никогда не смогут быть преодолены, так как всегда

²⁸⁹ Marković M. Jednakost i sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 7.

²⁹⁰ Ibid. Str. 7–9.

²⁹¹ Golubović Z. Samorealizacija, jednakost, sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 21–22.

²⁹² Ibid. Str. 22.

некоторые качества будут определяющими для занятия той или иной деятельностью (одни характеристики, чтобы быть актером, другие, чтобы быть врачом, третьи, чтобы быть учителем и т.п.). Наоборот, скорее всего этот вид общественного неравенства станет доминирующим, когда исчезнут неравенства, основанные на экономической и политической власти. Более того, расслоение такого характера само по себе не имеет классовой основы, основывается на разнице в статусе, но не включает в себя экономическую эксплуатацию и/или политическое доминирование. Посредством построения соответствующей общественной организации, развития соответствующего общественного сознания будет возможно преодоление разницы в статусе и разницы в экономической и политической власти;

- различие по общественным ролям: такое неравенство также будет существовать в любом обществе, поскольку разделение труда не может исчезнуть, это необходимость для поддержания высокой производительности, хотя дальнейшее развитие науки, автоматизация позволит сфере труда все больше приближаться к сфере свободной креативной деятельности, практике;
- расслоение по общественным ролям: сущность принципа равенства в современных исторических условиях – устранение расслоения, основанного на различиях в зависимости от общественной роли человека. В ранее существовавших обществах работник физического труда, женщина, представитель религиозного или этнического меньшинства оказывались внизу общественной иерархии, тогда как роль вождя, управленца, владельца средств производства, функционера в государственном или партийном аппарате давала экономические привилегии, политическую власть, наивысший социальный статус. Однако, теоретически, современное производство возможно и без инвестиций частного капитала, очевидны возможности депрофессионализации военных и политических функций в социализме, оставшиеся необходимые управленческие функции могут рассматриваться, как и любые другие рабочие роли. Но на практике в

социалистических обществах происходит следующее: классические классовые различия действительно ликвидированы, но эти общества все еще остаются стратифицированными, иерархическими, с элитами, которые в своих руках концентрируют огромную общественную власть: военную, политическую, экономическую, полицейскую, культурную.

Для адекватного описания и анализа стратификации современного социалистического общества нужен соответствующий понятийный аппарат. М. Маркович отмечает вклад «постмарксистской» (термин, используемый М. Марковичем) социологии, в том числе М. Вебера, в создание такого понятийного аппарата: вклад заключается в том, что было указано различие между терминами «политическая элита» и «господствующий класс». Мощь политической элиты, бюрократии, основана не на том, что она имеет определенное место в процессе производства, а на том, что она имеет привилегированную роль в процессе принятия решений в общественной жизни²⁹³.

При таком подходе к анализу общества можно выделить два направления необходимых мер по устранению стратификации, иерархизации общества: первое – недопущение появления классового разделения через предотвращение присвоения прибавочной стоимости, отмену ренты с земли, прибыли, ликвидации и бюрократических привилегий, проведение принципа вознаграждения по труду как эффективного экономического инструмента против классовой дифференциации; второе – ликвидация иерархии власти, противодействие тенденции возникновения бюрократической и технологической элиты через полное освобождение общественного процесса принятия решений от капитала, от профессиональных менеджеров и верхов политических организаций, через последовательное проведение выборности, сменяемости и настоящей вертикальной ротации на всех должностях, в функции которых входит принятие решений, через развитие общественного сознания того, что общественное управление не может быть сферой профессионального разделения труда²⁹⁴. В

²⁹³ Marković M. Jednakost i sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 9.

²⁹⁴ Ibid. Str. 9–10.

любом случае те или иные группы будут иметь большой общественный престиж и давать большой статус в обществе (например, возможно, киноактеры, ученые и т.п.), а, следовательно, и значительное влияние, и со временем могут превратиться в политическую власть. Развитие критического сознания о вероятности такой опасности и о необходимости соблюдения демократических норм – единственный метод борьбы с возможными проявлениями иерархии власти, основанной на престиже и статусе, и условие, чтобы единственной элитой становилась элита духа, морального авторитета, вкуса и мудрости²⁹⁵.

Несвободу можно классифицировать как внешнюю, возникающую в результате ограничивающего действия внешних, общественных факторов, и внутреннюю, возникающую вследствие личных барьеров индивида и ограничений психологического характера. Также несвобода различается как детерминация, уменьшающая поле возможностей для выбора и действия, и как вакуум возможных целей выбора и действия²⁹⁶.

Первый вопрос – это вопрос свободы, которую имеет человек как общественное существо. А принцип освобождения как принцип конкретной исторической практики означает упразднение тех общественных институций и структур, которые мешают самореализации человека, и в тоже время создание благоприятных общественных условий, новых форм сообществ, которые мотивировали бы развитие человека²⁹⁷. Но так как несвобода может быть внутренней, соответственно и эмансипация каждого отдельного индивида зависит не только от эмансипации класса, нации, расы, с которой этот индивид идентифицируется, но и от самого индивида, который «должен превзойти страх от ответственности, должен критически исследовать и преодолеть шкалу ценностей, которую другие ему навязали, которая представляет критерий оценивания и выбора, который автоматически и отчужденно применяем, должен сделать усилие, чтобы узнать ситуацию, в которой находится, и узнать самого

²⁹⁵ Ibid. Str. 10.

²⁹⁶ Ibid. Str. 10.

²⁹⁷ Ibid. Str. 10–11.

себя – свои потенциальные способности, склонности, истинные потребности и интересы»²⁹⁸.

При ответе на второй вопрос о том, что принесли в развитие равенства и свободы уже случившиеся социалистические революции, М. Маркович отмечает, что ни одно революционное движение еще не смогло реализовать идеи равенства и свободы в полной мере²⁹⁹. Самым значительным историческим шагом социалистической революции пока что было упразднение капитала и класса, который им обладал³⁰⁰. Общий недостаток социалистических революций – то, что им не хватало осознания опасностей неравенства, что выражалось, во-первых, в неравенстве руководителей партии и обычных членов партии и поддерживающих партию; во-вторых, в том, что отсутствовало осознание существования проблемы неравенства и ее критичность, то есть проблема неравенства не осознавалась как проблема в-третьих, в том, что различие в статусе определялось не только по природной одаренности, храбрости, преданности делу революции, но и от способности максимального самозабвения и подчинения нормам и директивам (а такой характер во многом противоречит характеру нового человека социалистического общества); в-четвертых, в том, что революция произошла в тех странах, которые эволюционно не прошли эпоху Просвещения и классического либерализма и потому не освободились от типично феодальной привычки относиться к особам высокого статуса абсолютно некритически, по принципу подданнической лояльности³⁰¹. Социалистические системы возникли там, где еще не было буржуазных институтов и традиций буржуазной демократии, что привело к парадоксу – с одной стороны, еще не были реализованы гражданские права и свободы, а с другой стороны, уже выдвигались социалистические требования реализации прав и свобод человека, превосходящие реализованные в буржуазном обществе, что привело к тому, что фундаментальный принцип «свобода каждого есть условие свободы всех»

²⁹⁸ Ibid. Str. 10.

²⁹⁹ Ibid. Str. 11.

³⁰⁰ Ibid. Str. 12.

³⁰¹ Ibid. Str. 12–13.

превратился в «свободу безличного коллектива» и «жертвование личными интересами для пользы общественного»³⁰². Это в итоге привело к иерархизации и бюрократизации социалистического общества (что было рассмотрено в предыдущем параграфе). Поэтому уже в начальной фазе создания революционной организации необходимо на корню предотвращать эскалацию неравенства в статусе до неравенства распределения политической власти (чтобы затем эскалация неравенства не усилилась до реставрации экономического, классового неравенства), социалистическое движение изначально должно быть демократическим, а с первого дня победы революции нужно развивать самоуправление³⁰³.

При ответе на третий вопрос о взаимосвязи неравенства и свободы М. Маркович отмечает, что вид взаимосвязи между этими категориями определяется исходя из смысла, который в них вкладывается изначально (свобода для кого? как именно понимается равенство, как униформизация, то есть приведение всех к единой форме?): «Реализация сильно различающихся индивидуальных потенциальных способностей и склонностей несовместима с условиями жизни, одинаковыми для всех»³⁰⁴. Поэтому и принцип распределения в коммунистическом обществе виделся К. Марксу как распределение по потребностям, а не поровну или по труду, соответственно и основной принцип «ни униформность, ни многообразие, а индивидуальное и групповое разнообразие в универсально тождественном»³⁰⁵, этот принцип отражает «позитивную» свободу.

Для претворения вышеуказанного принципа в жизнь в системе воспитания и образования должен быть реализован индивидуальный подход к каждому, заключающийся в том, что индивиду предлагаются все возможности для исследования мира и самого себя, чтобы индивид мог экспериментировать, знакомился с богатством культуры, вместе с тем, чтобы попробовал различные

³⁰² Golubović Z. Samorealizacija, jednakost, sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 25.

³⁰³ Marković M. Jednakost i sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 14.

³⁰⁴ Ibid. Str. 14–15.

³⁰⁵ Ibid. Str. 15.

существующие типы деятельности, тем самым узнал свои потенциальные способности и склонности и мог сделать осознанный выбор между ними, руководствуясь критерием самореализации (а не, например, критерием потенциальной успешности карьеры, прибыльности, эффективности) и смог выбранные оптимальные склонности превратить в способности, умения, навыки. Далее должен быть реализован свободный выбор определенной общественной роли, профессии и возможности бесплатной переквалификации. Развитие науки, техники, позволяющее снизить долю нетворческого труда и повысить долю творческой практики, в том числе и в профессиях физического труда, и осознанный выбор профессии согласно способностям и склонностям индивида будут способствовать творческому развитию практики во всех сферах общественной жизни. Безусловно, такая система воспитания и образования требует значительных инвестиций, высокий уровень материального и общего развития общества, а также вовлеченности всего общества в процесс функционирования системы³⁰⁶.

Важным условием освобождения человека является устранение неравенства в сфере политики. В предельном случае это подразумевает ликвидацию профессионального разделения труда в политике. Но в современном обществе более реалистично выглядит следующий сценарий: разделение политических вопросов на существенные (касающиеся основных целей, долгосрочных программ, утверждения критериев оценивания и норм деятельности, оценка реализации утвержденной политики развития) и технические (связанные с выбором оптимальных средств для достижения целей, с разработкой решений, с ежедневным операционным управлением). Существенные вопросы и решения будут рассматриваться органами самоуправления, состоящими из выбранных и сменяемых членов коллектива/сообщества. В органах самоуправления применяется принцип вертикальной ротации. Участие в органах самоуправления не приносит материальных привилегий и не дает долгосрочной власти и по сути является практикой, свободной творческой деятельностью, позволяющей

³⁰⁶ Ibid. Str. 15–17.

индивиду самореализовываться и вместе с тем удовлетворять потребности других. Решения органы самоуправления должны принимать не с ограниченной прагматической точки зрения, а с точки зрения будущего. Технические же вопросы и решения остаются в руках профессионалов в своей области. Причем органы самоуправления не должны зависеть от структур, занимающихся техническими вопросами в плане получения информации, анализа ситуации. Для реализации такого сценария первостепенную важность имеет революция в сознании людей, которая сможет преодолеть феодальные и буржуазные структуры, все еще присутствующие в сознании человека, несмотря на свершившуюся социалистическую революцию. Человек социалистического общества инстинктивно сопротивляется любой форме овеществления, любой форме отчуждения власти³⁰⁷.

Если сравнивать отличия в понимании сущности свободы и равенства в капиталистическом и социалистическом обществе, то можно отметить следующее:

- в капиталистическом обществе свобода понимается как свобода гражданина, то есть в политическо-правовом смысле, «буржуазное общество не может идти дальше, чем гарантирование права индивидам, что их не будут преследовать за свое мнение, выраженное письменно или устно, и что их защитят от самоволия государства в тех границах, в которых они как граждане должны быть свободны, чтобы могли участвовать в гражданском обществе»³⁰⁸;
- буржуазная революция не ставит своей целью полное освобождение человека, в отличие от революции социалистической, поэтому и в капиталистическом обществе не создается оснований для эмансипации человека, это общество основано «на экономическом неравенстве индивидов и классов и эксплуатации и антагонизме классовых интересов. Поэтому буржуазное общество не может развить свободу в более глубоком

³⁰⁷ Ibid. Str. 17–18.

³⁰⁸ Golubović Z. Samorealizacija, jednakost, sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 25.

гуманистическом смысле – свободу людей создавать условия собственной жизни и самостоятельно о них принимать решения»³⁰⁹;

- в социалистическом обществе свобода и равенство должны идти вместе, качественный смысл свободы меняется, свобода превращается в возможность и требование самореализации человека³¹⁰. По сути «свобода от» капиталистического общества заменяется «свободой для» социалистического общества, выражаясь в терминах, предложенных Э. Фроммом³¹¹.

Итак, в философии школы праксиса свобода предстает как полная эмансипация человека, что предполагает и реализацию принципа общественного равенства, который включает и развитие системы самоуправления. В таком случае создаются возможности для самореализации каждого индивида. Это будет реализацией истинной справедливости, в то время как в капиталистическом обществе справедливость заменена законностью, «по критериям закона (забывая, что закон – существенная категория государства, а государство – неизбежная институция классового общества) оценивается, что общественно допустимо, а что нет, вместо того, чтобы закон был средством для более успешного приближения к обществу социальной справедливости»³¹².

В настоящей главе мы представили основные аспекты философии истории школы праксиса: категорию практики, являющуюся базовой для философии школы праксиса, определение исторического процесса, революционность и утопичность, присущие истории в представлении философии школы праксиса, категории свободы и равенства как критерии справедливости, а также прикладное применение взглядов представителей школы праксиса к оценке социальной реальности. В следующей главе рассмотрим осмысление философами школы праксиса социальных и политических событий конца XX – начала XXI веков, а

³⁰⁹ Ibid.

³¹⁰ Ibid. Str. 19.

³¹¹ Ibid. Str. 24.

³¹² Ibid. Str. 25–26.

также обозначим области современной философской науки, в которых, по нашему мнению, идеи и методология школы праксиса сохраняют свою актуальность.

Глава 3. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЫ ПРАКСИСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

3.1. Школа праксиса и анализ социально-политической реальности 2-ой половины XX в. – начала XXI в.

В предыдущей главе были рассмотрены основные положения философии истории школы праксиса. Данные положения разрабатывались и были сформулированы в основном в 1960–1970-х гг. XX в. Представители первого поколения школы праксиса жили и работали до начала XXI в., были свидетелями масштабных политических и социальных изменений (в том числе: крушение социалистической системы, распад СССР, распад СФРЮ, сопровождающийся многочисленными военными конфликтами, глобализация, влияние на общество развития информационных технологий, генной инженерии и т.д.). Философская мысль в этот период развивалась, особенно такие ее направления, как постструктурализм, постмодернизм и, наконец, сам марксизм, реагирующий на социальные и идейные кризисы. Все это не могло не отразиться на социально-философских рассуждениях, зафиксированных в работах представителей школы праксиса конца XX в. – начала XXI в. Ярким примером в данном случае является эволюция философских взглядов С. Стояновича, предложившего марксистскую методологию и философию заменить постмарксистской как наиболее применимой к оценке социальной действительности.

До сих пор в академической среде нет единого подхода к определению понятия «постмарксизм», хотя дискуссии о его концептуализации ведутся с конца 1970-х гг.³¹³. В современном философском дискурсе понятие «постмарксизм» может употребляться в разных контекстах. Так, белорусский философ П. Барковский³¹⁴ приводит следующие варианты: интеллектуальное движение,

³¹³ Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть I // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84; Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 129–138; Барбарук Ю.В. Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М.: Ленанд, 2022. 112 с.

³¹⁴ Барковский П. О становлении понятия «постмарксизм» и его локализации в постсоветской философской традиции // Топос. 2010. № 1. С. 64–72.

отрицающее доктринальную целостность марксизма, его теоретический детерминизм и применимость к актуальным политическим практикам (определение, предложенное С. Симом), отход от решения вопросов в русле диалектического метода и обращение к аппарату постструктуралистского дискурсивного анализа с его деконструктивистскими и психоаналитическими приемами истолкования (концепция С. Торми, Дж. Тауншенд), обозначение интеллектуальной позиции С. Жижека, самоназвание теоретической позиции Э. Лаклау и Ш. Муффа. Современный социолог Й. Терборн термин «постмарксизм» в широком смысле употребляет «в отношении писателей с эксплицитно марксистским бэкграундом, недавние работы которых вышли за пределы марксистской проблематики и которые публично не афишируют приверженность марксизму»³¹⁵. Так, Й. Терборн к постмарксизму относит помимо Э. Лаклау и Ш. Муффа представителей немецкой критической теории (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, К. Оффе, А. Хоннет)³¹⁶. В России (и на постсоветском пространстве) отправной точкой в рассуждениях о постмарксизме стала статья Светозара Стояновича «От марксизма к постмарксизму», опубликованная в 1990 г. в журнале «Вопросы философии»³¹⁷.

Что же конкретно подразумевал С. Стоянович под постмарксизмом? С. Стоянович определяет постмарксизм как «теоретическую и политическую ориентацию, черпающую идеи не исключительно из ревизионистского марксизма, но также из многих других традиций»³¹⁸. Автор, во-первых, проводит эволюционную цепочку от доктринального марксизма через аутентичный и ревизионистский марксизм к постмарксизму, во-вторых, делает попытку анализа и сравнения марксизма и постмарксизма (с точки зрения диалектики, этики, применимости к оценке социально-политических процессов). В такой конструкции от марксизма предлагается взять принципы радикального гуманизма

³¹⁵ Терборн Й. От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 224.

³¹⁶ Там же. С. 224–227.

³¹⁷ Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 145–154.

³¹⁸ Там же. С. 147.

– «праксис, преодоление отчуждения, овещнения, удовлетворение подлинных человеческих потребностей, свободное развитие любого и каждого индивида как условие свободы всех»³¹⁹, но отвергнуть идею коммунистической общественной организации.

С. Стоянович выдвигает гипотезу, что основанием всех противоречий марксизма является противоположность закрытой и открытой диалектики³²⁰. Марксистская диалектика является открытой только для прогресса, постмарксистская открыта также и для регресса. Он вводит понятие «анти-снятие» (на немецком «Anti-Aufhebung»), которое, в отличие от классической формулы «отрицание, сохранение, переход на более высокую ступень развития», означает «отрицание, сохранение, переход на более низкую ступень развития»³²¹. В качестве одного из примеров «анти-снятия» С. Стоянович приводит «отрицание разделения государства и “гражданского общества” посредством огосударствления всей общественной жизни (коммунистический этатизм)»³²². При этом основной характеристикой постмарксистской диалектики называется открытость «для не-синтезирующих форм деятельности и общественных процессов»³²³. Как на еще один недостаток марксистской диалектики С. Стоянович указывает на чересчур оптимистичное представление К. Маркса о человеческой сущности: неправильно приписывать человеческой сущности только потенциал добра, относя потенциал зла к человеческому существованию, когда «исторический опыт и науки, однако, показывают, что человек в своей сущности уже имеет противоположные потенции» и что «невозможна последовательная диалектика истории без внутренней диалектики человеческой сущности»³²⁴. Определенная таким образом диалектика является более

³¹⁹ Там же. С. 149.

³²⁰ Stojanović S. *Zatvorena ili otvorena dijalektika?* // *Filozofija i društvo: Zbornik radova* / Urednik Dragoljub Mićunović. Beograd: Centar za filozofiju i društvenu teoriju, 1987. Str. 161.

³²¹ Ibid. Str. 164.

³²² Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // *Вопросы философии*. 1990. № 1. С. 147–148.

³²³ Там же. С. 148.

³²⁴ Stojanović S. *Zatvorena ili otvorena dijalektika?* // *Filozofija i društvo: Zbornik radova* / Urednik Dragoljub Mićunović. Beograd: Centar za filozofiju i društvenu teoriju, 1987. Str. 162.

соответствующей общественной практике, так как во многих исторических ситуациях происходит вовсе не снятие противоположностей, а их сохранение в результате построения новой конфигурации, основанной на балансе и компромиссе.

В постмарксистскую парадигму исследования исторического процесса С. Стоянович предлагает ввести категорию общественно-политической формации, которая могла бы описать суть одной из доминирующих в мире (на момент написания статьи, в 1990 г.) формаций, коммунистического этатизма, т.к. здесь очевидно именно политическое доминирование, которое «...приобретает форму структурного контроля одного класса (этатистского) над государством и, при помощи этого, над средствами производства»³²⁵. Вторая доминирующая в мире формация, капитализм, действительно является марксистской общественно-экономической формацией, «...поскольку капитализм несомненно конституирует общественную целостность с экономической доминантой»³²⁶. Возможность дальнейшего существования этатизма С. Стоянович видит только при условии реформирования по пути либерализации, отказа от части тотального контроля. Наиболее удачной формой коммунистического этатизма «с буржуазным лицом» он называет интеграцию в глобальную рыночную экономику³²⁷.

Исходя из принципа постмарксистской диалектики о невозможности «...с помощью свободной деконструкции выделить из оппозиционных социальных сущностей позитивные аспекты и затем выстроить их в новую целостность»³²⁸, методом построения новых целостностей может быть только сочетание оппозиционных социальных сущностей с минимизацией негативных последствий, вызванных внутренней ограниченностью этих сущностей. Такой метод философ применяет при анализе возможности построения социализма. Единственно

³²⁵ Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 148.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Stojanović S. Marxism, Post-Marxism and the Imposition of Communism // Praxis International. 1990. Issue 3–4. P. 211.

³²⁸ Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 148.

возможный социализм по С. Стояновичу – «с гражданским и буржуазным лицом», который характеризуется, во-первых, смешанным типом собственности, экономики, гражданского общества, всей общественной организации, во-вторых, плюрализмом (политическим, плюрализмом демократий, форм собственности, форм общественной организации), в-третьих, экономикой, базирующейся на стремлении к прибыли, при социо-эко-государстве, базирующемся на принципе солидаризма³²⁹. Такой социализм не будет новой общественной организацией по отношению к капитализму и этатизму, по сути он – оппозиционная сила внутри самих систем капитализма и этатизма. Наиболее близкие к такому социализму западные капиталистические страны с социал-демократическим режимом.

В силу того, что нельзя не принимать во внимание присутствия в человеческой сущности потенции зла, в постмарксистской парадигме необходимо рассматривать нормативную этику, которая невозможна в марксизме (поскольку в конечном счете при коммунизме противоречие между сущим и должным исчезнет). Как в самой человеческой сущности присутствует потенциал зла, так и в практике человека присутствует противоречие между конструктивностью и деструктивностью. С. Стоянович отмечает, что помимо борьбы между демократией и тоталитаризмом, главным противоречием XX века, особенно его второй половины, стали творческие силы «...против способности человеческого рода к самоуничтожению в ядерной войне или экологической катастрофе»³³⁰. Именно это противоречие является, по С. Стояновичу, наиболее актуальной проблемой современности³³¹. Очень важно, что в этом противостоянии зло трансформировалось – из предумышленного стало случайным: «Обсуждать

³²⁹ Там же. С. 150.

³³⁰ Там же. С. 151.

³³¹ Важность экологической проблемы подчеркивали и другие представители праксиса уже в 1960–1970-х гг. Так, мы упоминали о книге Р. Супека «Эта единственная Земля: мы идем к катастрофе или к Третьей революции?» (Supek R. Ova jedina zemlja: idemo li u katastrofu ili u Treću revoluciju? Zagreb: Naprijed, 1973. 269 str.). Также можно привести в пример П. Враницкого, который рассматривал опасности применения ядерной энергии, говорил о том, что в гуманистической мысли об исторической практике нужно учитывать угрозы, которые несет научное и техническое развитие, что гуманистическая мысль должна быть направлена на то, чтобы человеческий разум возобладали над «атавизмом личного или национального эгоизма и самодостаточности». См.: Vranicki P. Nekoliko misli o humanitetu u teoriji i historijskoj praksi // Praxis. 1965. № 6. Str. 882–890.

теперь следует равнодушие, безразличие, беспечность, беззаботность человечества. Кто нынче страдает от кошмара апокалипсиса? Осознание того, что он возможен, совершенно подавлено... Наш противник – новая, самая опасная форма коллективного самообмана»³³², поэтому предлагается наряду с царством необходимости и царством свободы рассматривать ещё и царство «роковой, созданной руками человека случайности»³³³. Обсуждение большинства современных проблем (социально-политических, этических, религиозных, философских) должно включать в себя учет фактора случайного самоуничтожения человека.

В части религии С. Стоянович говорит о кризисе, с которым сталкивается христианство, и необходимости трансформации христианства в постхристианство (по аналогии с постмарксизмом определить «...основные расхождения, а также фундаментальную связь с их корнями и предшествующими (марксистскими или христианскими) стадиями»³³⁴). Такая трансформация практически нереализуема, так как совершенно нереально выглядит становление некой квазирелигии, в которой главной ценностью было бы выживание человечества как вида, а современное христианство не готово интегрировать данный тезис в существующую религиозную систему. Также и современное искусство, литература не могут доступными им средствами описать реальность возможности наступления случайного абсолютного отрицания человечества. Так, Стоянович указывает, что до сих пор в художественной литературе мы не сможем найти убедительного описания становления злодеев «всемирного масштаба» как А. Гитлер или А. Павелич, но, может быть, такое описание удастся в жанре научной фантастики, поскольку в этом жанре можно сделать предположение о свободной воле как предпосылке ответственности и наказания преступника³³⁵.

Для преодоления «автоапокалиптичности» (термин, используемый С. Стояновичем) две философские традиции, которые С. Стоянович называет

³³² Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 152.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же. С. 151.

³³⁵ Стојановић С. Хуманик? // Социолошки преглед. 2000. № 3–4. Str. 19–23.

«аналитически-языковой» и «феноменологически-экзистенциалистской»), должны рассматриваться вместе, должны объединить рассматриваемые ими проблемы и их решения: «...много от философской проблематики человека – философскую антропологию, социальную, политическую философию, философию морали, философию науки, техники, религии, искусства... следовало бы объединить около необходимого антиапокалиптического ремесла в нашей восприимчивости, мышлении, действиях, надеждах»³³⁶. С. Стоянович предлагает обновить знаменитые вопросы И. Канта: вместо «Что я могу знать» – «Может ли быть познание плохим само по себе?... существует ли что-то, что мы не должны даже пытаться познать?», вместо «Что я должен делать?» – «Что нужно делать, чтобы человеческий род выжил?», вместо «На что я могу надеяться?» – «Можем ли разумно надеяться на его (человечества) выживание?»³³⁷. Очевидно четвертый вопрос, «Что такое человек?», С. Стоянович считает нужным оставить в формулировке самого Канта.

В части этики предлагается добавить «...принцип деятельной надежды, воплощенной в сверхкатегорическом императиве новой планетарной этики, полагающей высшим долгом и высшей ценностью выживание человечества»³³⁸. Здесь отдельного рассмотрения требует ситуация, при которой для сохранения человечества как вида, необходимо будет пожертвовать некой частью человечества, а как предельный случай такой ситуации – выживание человечества как вида в виде небольшой группы людей за счет уничтожения практически всего человечества. В рамках деонтологической этики положительное решение этой задачи невозможно, поэтому моральная философия должна быть – консеквенциалистской, причем критерий ее должен быть радикально негативным – «предотвращение абсолютного зла (уничтожение всего человечества) ценой неизбежного колоссального зла (уничтожения части человечества)»³³⁹.

³³⁶ Ibid. Str. 21.

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 152.

³³⁹ Стојановић С. Хуманик? // Социолошки преглед. 2000. № 3–4. Str. 24–25.

Для уменьшения вероятности самоуничтожения человечества необходимо регулирование глобального капитализма, капитализм должен принять «социализированный, социал-демократизированный, социал-либерализованный» облик³⁴⁰. В политической сфере помимо сохранения человечества как вида есть и другая важнейшая задача – сохранение демократии, причем они тесно взаимосвязаны. Явления, угрожающие демократии и потенциально ведущие к реализации апокалиптического сценария, С. Стоянович называет следующие: «...все более глубокий разрыв между богатыми и бедными, между теми, кто живет в комфорте и в перенаселенных районах, между наслаждающимися супернаучным и супертехнологическим развитием и теми, кто далек от этого развития, между сильными и слабыми, при одновременной, становящейся все более страшной экологической деградации»³⁴¹. Глобальная солидарность должна быть организована в соответствии с принципами теории справедливости Джона Ролза, согласно которым «социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей»³⁴². Безусловно, при такой политической организации и политики, и чиновники должны обладать качествами, которые редко встречаются у современных государственных деятелей, а именно быть визионерами и носителями власти, быть способными руководить «демократическим, (кон)федеративным, солидарным и экологическим глобализмом (который не исключает, а уважает культурно-этнические различия)»³⁴³.

На первый взгляд, теория «апокалипсизма» (термин, предложенный С. Стояновичем³⁴⁴) выглядит излишне драматичной и метафоричной, но,

³⁴⁰ Ibid. Str. 15.

³⁴¹ Ibid.

³⁴² Ролз Дж. Теория справедливости / Перев. под ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 267.

³⁴³ Стоянович С. Хуманик? // Социолошки преглед. 2000. № 3–4. Str. 16.

³⁴⁴ Stojanović S. Od marksizma i postmarksizma do apokalipsizma // Stojanović S. Propast komunizma i razbijanje Jugoslavije. Beograd: Filip Višnjić, Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. Str. 217–239.

возможно, это был специальный «маркетинговый» прием со стороны автора для привлечения внимания к рассматриваемым им вопросам. Нельзя не отметить, что проблемы, обозначаемые С. Стояновичем в рамках разработки этой теории, весьма современны и с течением времени становятся все более острыми: так, «конца истории» не случилось, капитализм в настоящий момент испытывает системный кризис, есть запрос на альтернативную модель организации общества; на примере постсоветских стран можно видеть, что попытка построения новой целостности путем исключительно отрицания предыдущей общественно-политической организации не увенчалась успехом, разрыв между бедными и богатыми во всем мире только увеличивается, это отмечают многие экономисты, например, Т. Пикетти³⁴⁵, а статистика только подтверждает (так по данным Росстата³⁴⁶ в 2021 г. коэффициент Джини в целом по России составил 40,9%), это приводит и к так называемому цифровому разрыву (англ. «digital divide», «digital gap») – неравенству, «которое существует между людьми, имеющими эффективный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям и средствам для их использования (компьютерам, смартфонам, планшетами и электронным сетям), и теми, кто такой возможности лишен или для кого она очень ограничена»³⁴⁷, экологическая повестка все больше и больше выходит на первый план в международной повестке, на уровне правительств отдельных стран и даже в управлении компаниями (все больше и больше компаний внедряют принципы ESG, экологическое, социальное и корпоративное управление, например, соблюдение и развитие ESG-факторов было включено в Стратегию Сбера 2023, ESG-трансформация продолжает оставаться одним из приоритетных направлений развития экосистемы Сбера³⁴⁸).

³⁴⁵ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.

³⁴⁶ Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом в целом по России и по субъектам Российской Федерации (2023) // Федеральная служба государственной статистики / Статистика / Официальная статистика / Население / Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.06.2023).

³⁴⁷ Головенчик Г. Цифровой разрыв: причины возникновения, последствия и пути преодоления // Наука и инновации. 2021. № 6 (220). С. 32–37.

³⁴⁸ Устойчивое развитие (2021) // ПАО Сбербанк. URL: <https://www.sberbank.com/ru/sustainability> (дата обращения: 08.10.2021).

Насколько же сильно различаются философские взгляды С. Стояновича в начале 2000-х гг. относительно его воззрений 1960-1970-х гг.? В 2002 г. в автобиографическом эссе «О философской и политической идентичности (от диссидентствующего марксиста до революционного демократа)»³⁴⁹ С. Стоянович делит эволюцию своих философско-политических взглядов на три этапа: первый (1960 – начало 1980 гг.), – фаза школы праксиса, ревизионистский, диссидентский марксизм и реформистский коммунизм, второй (середина 1980-х г. – начало 1990-х г.), – постмарксистский и посткоммунистический, третий (начало 1990-х гг. и далее) – немарксистский³⁵⁰. Относительно третьего этапа он отмечает, что немарксистский не означает того, что им были отвергнуты все положения марксизма, но то, что его политические взгляды претерпели значительные изменения и стали близки западноевропейской социал-демократии. В нашем понимании, во-первых, сфера интересов философа на протяжении всей профессиональной жизни была неизменна – это этика и политическая философия. Во-вторых, основные принципы, на которых основывались рассуждения С. Стояновича, также оставались неизменными: гуманизм, критический анализ, необходимость нормативной этики, поиск баланса, вера в возможность позитивного развития человеческого общества (которая как раз и свойственна марксизму³⁵¹). Все эти принципы были отличительными чертами философии школы праксиса. Поэтому можно говорить о том, что методологические основания школы праксиса С. Стоянович использовал на протяжении всей своей профессиональной деятельности, различались только социально-политические ситуации, которые он оценивал и анализировал, и, соответственно, в зависимости от конкретной ситуации менялся горизонт описываемых им возможных

³⁴⁹ Stojanović S O filozofskom i političkom identitetu (od disidentskog marksiste do revolucionarnog demokrate) // Filozofija i društvo. XXI / Urednik Milet Savić. Beograd: Centar za filozofiju i društvenu teoriju, 2002. Str. 137–162.

³⁵⁰ Ibid. Str. 145–149.

³⁵¹ Багдасарян В.Э. Аксиология марксизма в контексте мировых исторических трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 15: «Марксизм... устанавливал ориентир духовности и солидаризации не как отрицание, а в качестве финалистской цели общественного развития. Оппонируя либеральной версии модерна, основанной на принципах конкуренции, марксистская версия утверждала возможность соединить высокий уровень развития и солидаризацию».

конкретных решений выявленных проблем, противоречий в конкретный период. Таким образом, анализ трансформации философских взглядов С. Стояновича подтверждает идею А.В. Павлова о том, что «в конце концов, постмарксизм остается марксизмом»³⁵². Это верно, даже если сам мыслитель идет дальше и отказывается от связи и с постмарксизмом, называя себя «немарксистом», но при этом оставаясь по факту в марксистской парадигме.

В отличие от С. Стояновича многие представители школы праксиса в конце 1980-х – 1990-х гг. остались на марксистских позициях, кардинально не пересматривая основные положения философии истории, разработанные в более ранний период, и применяя их к текущим событиям. Часть из участников школы занимались в основном академической работой (П. Враницкий, Б. Бошняк), другие в большей степени были вовлечены в социальную и политическую жизнь в странах бывшей Югославии, выступая против национализма, участвуя в антивоенных движениях, критически анализируя политические, экономические, социальные и культурные преобразования. Например, З. Голубович³⁵³ (1930–2019 гг.) выступала с критикой С. Милошевича, была активной участницей протестов против власти С. Милошевича в 1996–1997 гг.³⁵⁴, выступала с критикой

³⁵² Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 136.

³⁵³ Основные работы З. Голубович, в которых анализируется социально-политическая ситуация в Югославии/Сербии в 1980-х – 2000-х гг.: Golubović Z. Izazovi demokratije u savremenom svetu. Beograd: Centar za kulturu, Edicija Braničevo, 2003. 161 str. («Вызовы демократии в современном мире»); Golubović Z. Kriza identiteta savremenog jugoslovenskog društva: jugoslovenski put u socijalizam viđen iz različitih uglova. Beograd, Zagreb: Filip Višnjić, Naprijed, 1988. 415 str. («Кризис идентичности современного югославского общества: югославский путь к социализму, рассмотренный с разных точек зрения»); Golubović Z. Pouke i dileme minulog veka. Filozofsko-antropološka razmišljanja o glavnim idejama našeg vremena. Beograd: Filip Višnjić, 2006. 295 str. («Уроки и дилеммы прошлого века. Философско-антропологические размышления о главных идеях нашего времени»); Golubović Z. Stranputice demokratizacije u postsocijalizmu. Beograd: Beogradski krug, 1999. 171 str. («Ложные пути демократизации в постсоциализме»); Голубовић З. Куда иде постоктобарска Србија 2000–2005. Београд: Службени гласник, 2006. 210 стр. («Куда идет постоктябрьская Сербия 2000–2005»).

³⁵⁴ Гражданские и студенческие протесты против власти Слободана Милошевича, длились с середины ноября 1996 г. по конец февраля 1997 г. Поводом стали нарушения на местных выборах 1996 г. 11 февраля 1997 г. после вмешательства со стороны Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) результаты выборов были пересмотрены, признана победа оппозиции.

экономических реформ, проводимых в Сербии после 2000 г., входила в экспертный совет журнала левой ориентации «Новое пламя»³⁵⁵ («Novi plamen»).

В загребской части школы праксиса не прекращалась полемика с противниками школы праксиса, главным образом националистами³⁵⁶ (в том числе с Ф. Туджманом, первым президентом независимой Республики Хорватии), которые с конца 1980-х гг. в значительной степени определяли дискурс в средствах массовой информации Хорватии и неоднократно в статьях и интервью упоминали представителей школы праксиса как своих противников, противников нации и рынка, связанных с бюрократической системой однопартийного государства³⁵⁷.

Б. Якшич конфликт редакционного совета журнала «Praxis» с Д. Пейовичем в 1966 г. (упоминавшийся в параграфе 1.2), которому мешала открытость журнала, особенно сотрудничество с коллегами из Белграда и белградским журналом «Философия» («Filosofija» – серб.), относит к одним из первых открытых конфликтов с национализмом³⁵⁸. Далее Б. Якшич приводит воспоминания участников «Хорватской весны» (напечатанные в основном уже в 1990-е гг.), в том числе М. Веселицы (Marko Veseelica), Ш. Джодана (Š. Đodan), В. Павлетича (Vlatko Pavletić), С. Дапчевич-Кучар (Savka Dapčević Kučar), С. Ласича (Stanko Lasić), которые обвиняют представителей школы праксиса в антихорватской, антинациональной позиции, югоунитаристской, великосербской программе, в том, что не выступали против эксплуатации Хорватии, против централизации в Белграде, и даже в философском элитизме и негативном влиянии

³⁵⁵ Журнал левой ориентации; статьи на хорватском и сербском языках; распространялся в странах бывшей Югославии и диаспоре; в эспертный журнал входили, в том числе, Н. Хомски, С. Жижек, Д. Грэбер, М. Леви; начал издаваться с 2007 г., сейчас в online: <https://www.noviplamen.net/> (дата обращения: 20.04.2023).

³⁵⁶ Представители этнического националиста. В Югославии к. 80-х – нач. 90-х гг. XX в. нации стали определяться главным образом по религиозному признаку (сербы, хорваты, бошняки), по языку (македонцы, словенцы, албанцы), по территории (черногорцы).

³⁵⁷ Подробнее см.: Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // *Filozofija i društvo*. 2011. № 2. Str. 77–104.

³⁵⁸ Ibid. Str. 82–83.

на развитие хорватской демократии, а в конечном счете в том, что они не чувствовали «хорватского вопроса»³⁵⁹.

Представители школы праксиса всегда публично осуждали национализм: они писали критические работы³⁶⁰, многочисленные статьи о национализме, обозначали свою позицию в выступлениях и интервью. Например, Д. Грлич отмечал, что «категория национального – не предмет ума, а сердца, чувства», а потому «нация и может стать добычей манипулятивных действий, именно тех, которые рассчитывают на этот иррациональный энтузиазм»³⁶¹, а также указывал на верность мысли Г.В.Ф. Гегеля, высказанной в «Феноменологии духа», когда тот «утверждал, что чувство, если поставлено в ранг общего принципа, может уничтожить и сам корень гуманности, так как делает невозможной – как только субъекту принадлежащий момент – реальную коммуникацию между людьми»³⁶².

Несмотря на то, что Д. Грлич не стал свидетелем (умер в 1984 г.) множества межнациональных, этнотерриториальных конфликтов, произошедших на территории Югославии в конце 1980-х – 1990-х гг.³⁶³, его описание национализма и возможных последствий его распространения весьма точно описывает то, что происходило в то время на территории Югославии/стран бывшей Югославии.

³⁵⁹ Ibid. Str. 83–91.

³⁶⁰ Б. Якшич отмечает (Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // *Filozofija i društvo*. 2011. № 2. Str. 77) как наиболее значительные критические работы по теме национализма: Supek R. *Društvene predrasude. Socijalno-psihološka razmatranja*. Beograd: Radnička štampa, 1973. 267 str.; Tadić L. *Da li je nacionalizam naša sudbina?* Beograd: Izdanje autora, 1986. 213 str.; Kangrga M. *Nacionalizam ili demokracija*. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarica Zorana Stojanovića, 2002. 258 str.

³⁶¹ Grlić D. *Marginalije o problemu nacije* // *Praxis*. 1971. № 3–4. Str. 550.

³⁶² Ibid. Str. 551.

³⁶³ К таким конфликтам относятся в т.ч.: Война в Словении 1991 г. (другие названия этого конфликта «Десятидневная война», «Война за независимость Словении»), Война в Хорватии 1991-1995 г. (другие названия этого конфликта «Война за независимость Хорватии», в Хорватии называют «Отечественная война»), Война в Боснии и Герцеговине 1992-1995 г., Косовская война 1998-1999 г., Конфликт в Прешевской долине 1999-2001 г., Вооруженный конфликт в Македонии 2001 г., на территории Югославии проводились операции НАТО – «Обдуманная сила» в 1995 г., «Союзная сила» в 1999 г. Помимо непосредственно военных действий/столкновений было множество предшествовавших/сопровождавших эти столкновения фактов межличностных конфликтов на национальной основе, фактов принятия республиканскими властями нормативных правовых актов, дискриминирующих то или иное национальное меньшинство, превышение полномочий тех или иных республиканских государственных органов/служб по национальному признаку.

Д. Грлич еще в 1971 г. отмечал следующие моменты (безусловно, при анализе явления национализма он опирался на события времен Второй мировой войны и события «Хорватской весны» – общественно-политического движения конца 1960-х – начала 1970-х гг., требованиями которого была большая политическая, экономическая и культурная автономия Республики Хорватии, входящей в СФРЮ):

- единый язык и единая территория не могут быть критериями истинной солидарности людей;
- «националистическая мистификация», по сути, является средством для получения поддержки широких слоев населения;
- провозглашение верности собственной нации верховным принципом может стать роковым, поскольку способствует тому, что во власть и элиту будут попадать люди, не имеющие никаких других качеств, необходимых для этого, и добивающиеся только одного – власти и влияния, и на самом деле вовсе не заботящиеся о благе нации, а заботящиеся только о своем личном благе: «Поэтому нисколько не удивительно, это почти природно, что самые чувствительные, пламенные националисты так часто становятся слугами чужаков и оккупаторской военщины»³⁶⁴;
- «националистический тоталитаризм» – открытый террор посредственности, значимость люди приобретают через членство в организации (партии) или фактом принадлежности к национальному сообществу, тем самым образуется некая монолитность, которая ведет к уничтожению аутентичной личности³⁶⁵.

Критически анализируя современную им социально-политическую действительность (рассматривалось в параграфе 2.2), представители школы праксиса указывали, что существующие в югославском социализме противоречия, элементы этатизма, бюрократизма, технократизма, способствуют тому, что буржуазное сознание и идеология завоевывают все большее влияние в

³⁶⁴ Grlić D. Marginalije o problemu nacije // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 550.

³⁶⁵ Ibid. Str. 547–561.

югославском обществе. А буржуазное сознание и идеология, по их мнению, всегда национальны, и даже националистичны. Р. Супек отмечал недостаточную разработку и внедрение начал самоуправления, что в СФРЮ на самом деле превалирует демократически-либеральная концепция, которая ставит приоритет идеологии рынка и правовой сферы над трудом, способствует атомизации общества и созданию буржуазного менталитета, и даже идея отмирания государства превращается в идею сепаратизма, в идею некоего «республиканского гражданства», что на самом деле является выражением национализма и этноцентризма³⁶⁶. М. Кангрга³⁶⁷ выявляет парадокс югославского общества – возникновение в социалистическом обществе среднего класса, который является по сути буржуазным, следовательно, присущим капиталистическому обществу. Задачей среднего класса является захват власти, и югославское общество не стало исключением – средний класс присваивал социалистическую революцию, преобразуя ее в буржуазную. Среднему классу по определению присущ национализм, средний класс «при своем конструировании, представлении и развитии необходимо национален, он навязывается на всех уровнях и с лозунгами борьбы за национальные интересы (интересы национального, т.е. своего капитала)»³⁶⁸. Тем самым средний класс обращается к прошлому, «тем он ясно показывает свой исторический статус, роль, желания и перспективу (как ретроспективу)»³⁶⁹. Таким образом, исходя из идей М. Кангрги получается, что нация есть условие возможности выживания среднего класса, условие возможности его политическо-общественной и экономической доминации, через национальное средний класс показывает наличие якобы общих интересов рабочего и среднего класса, а находятся эти интересы в некотором так или иначе вымышленном прошлом (применительно к СФРЮ: когда средним классом

³⁶⁶ Supek R. Protivurječnosti i nedorečenosti jugoslavenskog samoupravnog socijalizma // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 347–371.

³⁶⁷ Анализ среднего класса в югославском обществе см.: Kangrga M. Fenomenologija ideološko-političkog nastupanja jugoslavenske srednje klase // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 425–446.

³⁶⁸ Kangrga M. Fenomenologija ideološko-političkog nastupanja jugoslavenske srednje klase // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 436.

³⁶⁹ Ibid. Str. 437.

провозглашалось, что в республиках могут быть разные территориальные интересы, по сути, утверждалось, что интересы рабочего класса во всех шести республиках могут быть противоположны, а такой тезис противоречит положению об интернациональном характере интересов рабочего класса)³⁷⁰.

В этом контексте взгляды представителей школы праксиса в целом можно охарактеризовать как «антифашизм, антисталинизм и антинационализм», они «...были против сталинистской бюрократической униформности, унисонности или, говоря переконструированным языком средневековья, который вошел в сегодняшнюю моду, – “соборности”»³⁷¹, поскольку во всех этих явлениях не было места для гуманизма, они не ведут к освобождению человека. «Национализм, как и бюрократизация общества, – ничто другое как разные способы фундирования и захвата власти, которые сохраняют отчуждение, то есть обеспечивают выживание его экономических оснований»³⁷². Резко отрицательное отношение к любому проявлению национализма и осознание того, что именно человек – индивид может бороться за свободу – и было тем, что объединяло школу праксиса³⁷³. Таким образом, школу праксиса критиковали как со стороны представителей догматического марксизма-ленинизма, так и со стороны представителей националистических движений, которые часто самопрезентовались как демократические и либеральные.

Представители школы праксиса в конце 1980-х-начале 1990-х продолжали обличать негативные проявления национализма, поэтому, несмотря на победу на политической сцене националистических сил, националисты много внимания

³⁷⁰ Bogdanić L. «Praxisova» kritika nacionalnog pitanja: godina 1971 // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 214–216.

³⁷¹ Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // Filozofija i društvo. 2011. № 2. Str. 78.

³⁷² Bogdanić L. «Praxisova» kritika nacionalnog pitanja: godina 1971 // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 214–218.

³⁷³ Kuvačić I. Što nas je držalo na okupu? // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 27–29.

уделяли критике школы праксиса, поскольку представители данной школы сохраняли значительный авторитет и влияние в интеллектуальных кругах Хорватии.

Так, Г. Петрович в 1990 г. отказался от участия в дискуссии хорватских и сербских интеллектуалов, так как «...не может указать себя ни как сербского, ни как хорватского интеллектуала»³⁷⁴. В январе 1991 г., в интервью газете «Новый форум» («Novi forum» – хорв.) под названием «Национализм довел нас до грани гражданской войны» Петрович отмечал, что корни нового, националистического, режима в Хорватии кроются в старом (титоизме), который ради сохранения своей бюрократической власти с середины 1960-х гг. начал «сверху», искусственно, «подогревать» национальную нетерпимость и конфликты, при этом новый режим привнес и нечто качественно новое – это реабилитация фашизма, движения усташей³⁷⁵, что проявляется помимо всего прочего в переименовании улиц по именам деятелей Независимого государства Хорватия³⁷⁶.

Р. Супек в многочисленных интервью методично выступал против набирающего силу национализма, появление националистического популизма оценивал как форму утверждения тоталитарной власти³⁷⁷.

В 1990-е гг. к вышеобозначенным обвинениям в адрес представителей школы праксиса добавились обвинения в антисемитизме (Ф. Туджман обвинял

³⁷⁴ Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // Filozofija i društvo. 2011. № 2. Str. 77–78.

³⁷⁵ Усташа (Усташа – Хорватское революционное движение, происхождение слова от «ustaše» - «повстанцы») – хорватская, ультраправая, этнонационалистическая, клерикальная организация, основанная в 1929 г. Анте Павеличем. До Втором мировой войны у движения было два направления деятельности: легальное (пропаганда) и нелегальное (терроризм, самый известный акт терроризма – участие в убийстве короля Югославии Александра). Стояли во главе Независимого государства Хорватия (1941-1945 гг.). Большинству руководителей движения удалось сбежать и обосноваться в Аргентине, США, Канаде, Испании, Австралии. Там создавали террористические ячейки, которые до середины 70-х годов совершали атаки на граждан Югославии (в т.ч. убийство посла Югославии в Стокгольме в 1971 г., взрыв на борту самолета югославской авиакомпании, следовавшего по маршруту Стокгольм-Копенгаген-Загреб-Белград в 1972 г.). В 1991 г. президент Хорватии Ф. Туджман разрешил вернуться в Хорватию находившимся в эмиграции предствителям движения. После прихода Ф. Туджмана к власти стали выплачиваться пенсии бывшим усташам и ветеранам вооруженных формирований НДХ, появилась риторика о значении Независимого государства Хорватия как хорватского национального государства.

³⁷⁶ Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // Filozofija i društvo. 2011. № 2. Str. 77–78.

³⁷⁷ Ibid. Str. 94.

Г. Петровича³⁷⁸), обвинения в том, что те не присоединились к новой странице хорватской истории³⁷⁹. Особенно интересны рассуждения профессора, первого президента Хорватской академии педагогических наук (Hrvatska akademija odgojnih znanosti) в 1991–1992 гг. Н. Куянджича (Nedeljko Kujundžić): «Основные идеи школы праксиса были: ликвидировать республики, создать единое сербское пространство, ввести диктатуру под названием “интегрального самоуправления”, а все под видом приближения к Западу, чтобы на эту удочку легче попались словенцы и хорваты. Чтобы эту модель приняли и на Западе, они открывают Корчуланскую школу и приглашают подходящих философов и социологов. Поскольку сам имел счастье присутствовать на всех тех сеансах обмана общественности, быстро заметил светосавскую³⁸⁰ суть той работы»³⁸¹.

После смерти Р. Супека и Г. Петровича в 1993 г., М. Кангрга продолжил обличать установившийся режим в Хорватии и отвечать на критику в адрес школы праксиса. М. Кангрга вел активную деятельность, в основном публицистическую³⁸², вплоть до своей смерти в 2008 г. Такую оценку он давал пришедшим к власти: «Перверсия у нас в том, что бывшие ортодоксальные сталинисты и партийцы, которые немилосердно уничтожали все около себя, сегодня в течение ночи стали “великими хорватами”. Сегодняшние члены новой-старой партии под названием ХДС³⁸³, снова пытаются, и им удастся, уничтожить все около себя для своих самых банальных материальных интересов»³⁸⁴, т.е., по

³⁷⁸ Ibid. Str. 91–93.

³⁷⁹ Ibid. Str. 93. Обвинения со стороны журналиста Ж. Крушеля (Željko Krušelj).

³⁸⁰ Отсылка к Сербии, так как Святой Савва - один из наиболее почитаемых святых Сербской православной церкви.

³⁸¹ Kujundžić N. Kangrgizam je antihrvatska ideologija // Vjesnik. 18.03.1995. Str. 12–13. Также Куянджич ставил в вину сербское происхождение Г. Петровича.

³⁸² Большинство статей, опубликованных в этот период в различных газетах и журналах Хорватии, а также автобиографические мемуары представлены в своеобразной трилогии:

- Kangrga M. Izvan povijesnog događanja. Split: Feral tribune, 1997. 294 str.
- Kangrga M. Šverceri vlastitog života. Split: Kultura & Rasvjeta, 2002. 476 str.
- Kangrga M. Nacionalizam ili demokracija. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarica Zorana Stojanovića, 2002. 258 str.

³⁸³ Хорватское демократическое содружество (HDZ, Hrvatska demokratska zajednica), одна из крупнейших партий Хорватии. Основана 17.06.1989 г. под руководством Ф. Туджмана, выступала за полную независимость Хорватии от СФРЮ.

³⁸⁴ Kangrga M. S HDZ-om na ispašu // Feral tribune. 21.10.1996. Str. 4–6.

сути, фиксирует те негативные явления, следствия национализма, которые еще отмечал Д. Грлич.

М. Канрга активно выступал против проявлений национализма в культурной жизни общества, например, против «книгоцида» (knjigocid – хорв.) – систематического изъятия и уничтожения книг из библиотек школ, гимназий, университетов, городов. Было уничтожено около 2,8 млн. экземпляров книг, что составляло 14% всего книжного фонда Хорватии. Изымались книги сербских авторов (даже если они жили и работали в Хорватии), авторов из Сербии/Боснии и Герцеговины, книги, изданные на кириллице и все идеологически неудобные³⁸⁵. М. Канрга называл это проявлением варварства и сравнивал со сжиганием книг в нацистской Германии³⁸⁶. После опубликования в 1998 г. его статьи на эту тему под названием «Хорватский книгоцид – Варварство и ренессанс»³⁸⁷ против М. Канрги было выдвинуто обвинение в клевете (со стороны одного из библиотекарей библиотеки на Корчуле³⁸⁸, о которой упоминалось в статье, что она по своей инициативе выбросила значительное количество книг), процесс длился 4 года и завершился снятием обвинения (по причине того, что были нарушения при подаче самого иска)³⁸⁹.

О национализме и нациях писал уже в начале XXI в. С. Стоянович. Он говорит о том, что единственный необходимый идентификатор нации – это самоидентификация, «...чувство принадлежности и приверженность той непрерывно-исторической группе с собственным именем и ощущением себя как особого сообщества»³⁹⁰, а не язык, религия, этническое происхождение, государство, территория, история, традиция, обычаи, ценности и символы. Он

³⁸⁵ Подробнее об этом явлении в истории современной Хорватии: Lešaja A. Knjigocid. Uništavanje knjiga u Hrvatskoj 1990-ih. Zagreb: Profil knjiga d.o.o., Srpsko narodno vijeće, 2012. 600 str.

³⁸⁶ Kangrga M. Hrvatski knjigocid – Barabrizam i renesansa // Feral Tribune. 30.03.1998. Str. 35.

³⁸⁷ Ibid.

³⁸⁸ Участники Корчуланской летней школы вносили вклад в наполнение фондов этой библиотеки.

³⁸⁹ Подробнее об этом процессе: Lešaja A. Kulturocid. Sudski process protiv Milana Kangrge // Republika. № 490–491. 1–31.12.2010. URL: <http://www.republika.co.rs/490-491/23.html> (дата обращения: 18.06.2023).

³⁹⁰ Stojanović S. Mala zemlja i globalna sila // Filozofija i društvo. 2002. № 19–20. Str. 43.

различает два «идеальных типа» нации: немецкий (культурно-этнический), важнейшим идентификатором которого служит язык, и американский (государственно-территориальный, или гражданский, так как охватывает граждан одной страны), для которого национально-интегративную функцию помимо языка выполняют социализация и воспитание, основанное на истории данного государства, его традициях, обычаях, символах, ценностях.

Национализм проявляется в конфликте национальных претензий и потому определяется как «...признание превосходства одной нации над другой в таком конфликте»³⁹¹. Как и в случае с нацией, существуют два вида национализма, первый – когда превосходство одной нации над другой дается в условиях, когда обе в равной степени имеют право на ту претензию, такой вид национализма представляет собой разумную и общую групповую предвзятость, которая должна учитываться в реалистичной конституционной концепции государства и практике; второй – когда превосходство дается той нации, которая имеет меньшее право или вообще не имеет никакого права на ту претензию, и только второй вид может расцениваться как негативное явление³⁹². При этом второй, негативный, вид национализма присущ не только культурно-этническим нациям, но также и государственно-территориальным, поскольку принцип «Один гражданин – один голос» хотя и представляет огромное достижение современной цивилизации, но не является сам по себе гарантией ни против доминирования нации большинства над национальными меньшинствами (когда вместо координированного влияния на организацию и легитимацию государства получается, что интересы, права, ценности, институции национальных меньшинств ограничиваются сферой гражданского общества), ни против пренебрежения и обесправливания большинства во имя прав меньшинств (что приводит к отрицанию права нации большинства на национальное государство, априорно определяя такое государство как «националистическое» в негативном смысле)³⁹³.

³⁹¹ Ibid.

³⁹² Ibid.

³⁹³ Ibid. Str. 44.

Далее С. Стоянович, ссылаясь на канадского политического философа У. Кимлику, отмечает опасность влияния американских либеральных интеллектуалов и американских дискуссий на подходы к решению национальных вопросов в других странах: в США возможен разговор только о мультикультурализме, но никак не о мультинационализме, культурно-этническое измерение никаким образом не участвует в национальной идентификации, решение этнического конфликта там видится только в установлении индивидуальных прав, но не групповых. Такой подход невозможно применить к большинству стран Европы, особенно к странам бывшей Югославии. В этих странах центр политического спектра занимают те партии и объединения, которые в представлениях об организации и легитимизации государства комбинируют гражданский и культурно-этнический подходы. В слабых государствах под влиянием и давлением со стороны сильных государств национальные меньшинства могут стать сильнее национального большинства (в качестве примера – албанцы в Косово и Метохии). Поэтому С. Стоянович предлагает помимо Всеобщей декларации прав человека разработать ООН «Всеобщую декларацию об обязательствах перед государствами», в которой был бы и раздел и о взаимных обязательствах национального большинства и национальных меньшинств³⁹⁴. Демократия «не просто власть большинства, демократия должна обеспечивать и права меньшинств, даже и посредством мер позитивной дискриминации», «Демократия – не тирания большинства, но и не тирания меньшинства»³⁹⁵.

Затем С. Стоянович указывает следующие моменты, касающиеся непосредственно Республики Сербии (в 2002 г.)³⁹⁶:

- предлагает закрепить в Конституции следующее определение «Республика Сербия – государство сербских и всех остальных граждан...», а не как предлагает Демократическая партия – «Республика Сербия – государство всех граждан, которые в нем живут, основанная на господстве закона и

³⁹⁴ Ibid. Str. 45–46.

³⁹⁵ Ibid. Str. 46–47.

³⁹⁶ Ibid. Str. 47–48.

социальной справедливости». Считает, что его вариант показывает приоритет категории гражданского, но при этом также выделяется нация, которая создала государство и составляет большинство в нем;

- если брать за пример американское гражданское устройство государства, то в Конституции не следует вообще упоминать про национальные меньшинства и гарантировать их особенные права. Но отмечает, что не верит в то, что представители народов, проживающих в Сербии (сербы, венгры, албанцы, словаки, русины и т.д.) в самоопределении коллективной идентификации будут отдавать предпочтение сербской гражданственности, а не своей национальной принадлежности;
- соответственно, государственный гимн, флаг, герб, праздники невозможно будет определить исходя из некоего абстрактного гражданства, они должны происходить из сербской (как большинства) государственной истории и традиции;
- видит противоречие между декларированием государства как гражданского, с одной стороны, и декларированием сербского языка как официального и кириллицы как официального письма, с другой стороны. Отказ от латиницы, на которой многие граждане Сербии по факту пишут, будет, по сути, отказом от части того, что на данный момент составляет «сербство»;
- отмечает, что уже произошло такое сужение «сербства» в религиозном измерении: сербское стало только православным, хотя еще не так давно признавалось существование сербов католического вероисповедия и сербов мусульманской веры;
- предупреждает о возможном росте националистического радикализма в случае, если со стороны власти (или извне) будет вводиться только «гражданское», и не оставаться ничего национального.

По отношению к кризисным явлениям в социальной и политической жизни Югославии в 1980-х гг., распаду Югославии и конфликтах 1990-х гг. представители школы праксиса выбрали следующие модели поведения: одни (Р. Супек, Г. Петрович, М. Кангрга, З. Голубович, Н. Попов, М. Животич)

продолжили работать на достижение стратегической цели (развитие общества к более гуманистическому, справедливому) посредством критического анализа действительности, другие (прежде всего С. Стоянович, М. Маркович, являющийся одним из основателей Социалистической партии Сербии, Л. Тадич и Д. Мичунович, стоявшие у истоков современной Демократической партии Сербии) активно включились в политическую жизнь, то есть сфокусировались на решении тактических задач в сложившихся исторических условиях периода построения национальных государств – республик бывшей СФРЮ. По какому принципу был сделан выбор каждым из представителей школы праксиса, зависит в каждом конкретном случае от нюансов их философских, политических взглядов и пережитого жизненного опыта.

В настоящем параграфе мы говорили об эволюции взглядов представителей школы праксиса в конце XX – начале XXI вв. и об анализе представителями школы праксиса социальных и политических событий указанного периода. В следующем параграфе сделаем обзор современных концепций социально-политической философии, в которых, на наш взгляд, применимы идеи философии истории школы праксиса.

3.2. Наследие школы праксиса: идейное и институциональное

Философская рефлексия современной социально-политической ситуации цивилизационного сдвига и глобального кризиса привела к антропологическому повороту, в результате которого проблема человека стала ключевой в современной философии. В рамках проблемы человека в том числе исследуется гуманизм и трансгуманизм, искусственный интеллект, новые формы социального бытия человека. В философском осмыслении данной проблемы вклад школы праксиса наиболее значителен. Предложенная школой праксиса концепция социально-философской футурологии как непрерывного изменения, само(преобразования) человека и тем самым преобразования мира актуальна и для анализа текущего этапа общественного развития. В некоторых современных философских концепциях можно найти пересечения с идеями представителей

школы праксиса. Интересна с этой точки зрения концепция постгуманизма, являющаяся одним из вариантов постпостмодернизма. В то же время постгуманизм – это и «...попытка отказаться от него (постмодернизма – прим. автора) как от исторической категории»³⁹⁷.

Так, современные философы постгуманизма Р. Брайдотти³⁹⁸ и Ф. Феррандо³⁹⁹ развивают концепцию постчеловека в качестве необходимой замены концепту человека как «антропологической машины», исторически конструируемой в качестве некоего противопоставления животному⁴⁰⁰. Неизбежность такого перехода от человека к постчеловеку обусловлена текущим состоянием социально-политических процессов, на которые значительное влияние оказывает современный уровень научно-технического прогресса, в том числе развитие искусственного интеллекта, цифровизация, биоинженерия, а также воздействие экологических проблем на человечество и весь мир в целом. Как наиболее адекватной современному этапу исторического процесса концепцией Ф. Феррандо называет философский постгуманизм, который подразумевает понимание множественности человеческого опыта, децентрацию человека по отношению к нечеловеческому, преодоление определения идентичности через замкнутое понятие самости и символические дихотомии⁴⁰¹. При этом автор отмечает: «Постгуманизм – это практика; его позиции должны быть встроены в саму его методологию»⁴⁰², «постгуманизм – это праксис, то есть действие – это интра-акция, а мышление – это “интрамышление”»⁴⁰³. Причем Ф. Феррандо здесь использует термин «интра-акция» из нового материализма – «этико-онто-

³⁹⁷ Павлов А.В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 33.

³⁹⁸ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.

³⁹⁹ Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.

⁴⁰⁰ Там же. С. 137–143.

⁴⁰¹ Там же. С. 109–110.

⁴⁰² Там же. С. 143.

⁴⁰³ Там же. С. 331.

эпистемологии» К. Барад, в котором через действия, агентные интра-акции, детерминируются свойства индивидов, происходит материализация индивидов⁴⁰⁴.

Как видим, во-первых, многие современные философы при конструировании философских систем отмечают основополагающую роль практики. Во-вторых, выход из современного кризиса человека и общества видится в необходимости некоего качественного изменения модуса бытия человека, подлинном раскрытии творческого потенциала человека⁴⁰⁵. Здесь, безусловно, можно найти параллели с философией школы праксиса. Однако нельзя не отметить, что современные философские концепции, посвященные проблеме человека, более направлены на интеграцию онтологии с современными естественнонаучными теориями, а также на выработку рекомендаций индивидуальных практик, что в итоге приводит к вопросу о конце истории человеческого общества.

Здесь, в контексте современных дискуссий о будущем человечества, философия истории представителей школы праксиса видится актуальной с точки зрения концептуализации социализма как альтернативного решения развития общества, основанного на свободном саморазвитии каждого индивидуума, что приводит и к гуманизации и развитию общества как целого⁴⁰⁶.

Однако необходимо понять, почему прошлые проекты социализма потерпели поражения. Так, М. Кангрва рефлексировал о причинах неудачи, которую потерпело развитие социализма в Югославии (и других странах), и причинах прихода к власти националистов. Основной причиной провала социалистического проекта он считает то, что исторические условия не давали

⁴⁰⁴ Barad K. Intra-actions (interview by Adam Kleinman) // Mousse. 2012. № 34. P. 77.

⁴⁰⁵ См., например: Веряскина В.П. Трансформация человека в обществе модерна. М.: ИФ РАН, 2015. 223 с.; Веряскина В.П. Трансформация человека: исторические истоки и этапы персональной модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 83–95.

⁴⁰⁶ Л. Веляк говорит о том, что школа праксиса предлагает методологию, позволяющую изменить мир (прежде всего это представление мира как самоуправляющегося сообщества, и понимание, что люди, а не структуры, могут изменять мир). См.: Veljak L. Smije li se govoriti o današnjoj aktualnosti «Praxisa»? // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 125–128.

возможности полноценно развить социализм, «в Югославии того времени хотели реализовать социализм в ситуации, историческо-социально-культурной ситуации полуфеодално-родо-племенного устройства всей страны (из-за чего потерпел неудачу и так называемый советский социализм в СССР)»⁴⁰⁷, что без «общих исторических допущений буржуазной демократии во всех формах жизни»⁴⁰⁸ невозможно успешное развитие социализма.

Развитие социализма М. Кангрга связывает с критическим мышлением⁴⁰⁹, которое является прогрессивным, направленным в будущее, а потому и утопическим, поскольку «сам человек по своей сущности утопическое существо, так как – чтобы и сам он выжил – нужно повернуться к будущему»⁴¹⁰. Кангрга отмечает, что, несмотря на объективно существовавшие отрицательные черты фактической реализации социализма в СФРЮ, тогда было возможно критическое мышление, в то время как в современной Хорватии главенствует «несвободное мышление» – националистическая идеология, которая обращается к прошлому, а не будущему⁴¹¹, что в результате приводит к потере собственно гуманистического, так как самой важной становится идентификация по

⁴⁰⁷ Kangrga M. Kritičko mišljenje – nekad i sad // Republika. 2004. (XVI). 1–30 novembar. Str. 344–345. URL: <http://www.republika.co.rs/344-345/20.html> (дата обращения: 03.06.2023).

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ З. Голубович также отмечает актуальность критической философии сегодня, существование потребности в критическом осмыслении инволютивных процессов в современной истории, что только на основе такого критического осмысления и возможно создание альтернативных путей развития человеческого общества. Методологию такого критического подхода мы и находим в философии школы праксиса: См.: Golubović Z. Kritička filozofija u period postsocijalističke tranzicije // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 110–124, это же отмечает и немецкий философ Т. Зайберт, говоря о том, что, несмотря на падение Берлинской стены и социализма как такового, политические и философские вопросы остались, и в осмыслении этих вопросов, актуальных для XXI в. может помочь философия школы праксиса: Seibert T. Ontologija revolucije. Jedanaest teza o grupi «Praxis» danas // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Djerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 223–238.

⁴¹⁰ Kangrga M. Kritičko mišljenje – nekad i sad // Republika. 2004. (XVI). 1–30 novembar. Str. 344–345. URL: <http://www.republika.co.rs/344-345/20.html> (дата обращения: 03.06.2023).

⁴¹¹ Ibid.

национальности (кто ты, хорват или серб), а не самоидентификация себя как человека⁴¹².

Ранее мы говорили о том, что представители школы праксиса отмечают важность проблемы неравенства и первостепенность задачи по устранению расслоения по общественным ролям. Подобную задачу рассматривает и современный французский экономист Т. Пикетти, который, с одной стороны, приводит свидетельства того, что на протяжении последних 200–250 лет в результате ожесточенной борьбы человечество добилось значительных успехов в движении к социальному, экономическому и политическому равноправию, а, с другой стороны, отмечает, что в последние сорок лет процесс уменьшения неравенства и в отдельных странах и в мире в целом стагнировал вследствие установления свободного движения капитала, что в свою очередь приводит, в сущности, к установлению системы неокOLONИализма, из которой пользу извлекают только наиболее богатые члены общества⁴¹³. Французский исследователь, как и представители школы праксиса, разрабатывает предложения, направленные на ликвидацию иерархии власти и устранение проявлений классового разделения, на построение модели демократического социализма, характеризующегося децентрализацией и самоуправлением и базирующегося на постоянном обращении собственности и власти. Конечно, его предложения менее категоричны, чем у представителей школы праксиса, потому что он не говорит об отмене частной собственности, но подчеркивает необходимость уменьшения ее значимости, поскольку «по своему характеру все богатства носят коллективный характер. Частная собственность (по крайней мере, в теории) вводилась лишь для того, чтобы использовать ее в интересах всех и каждого в рамках сбалансированной системы институтов и прав, ограничивающих индивидуальное

⁴¹² Kangrga M. Šverceri vlastitog života // Vrijeme. № 559. 20.09.2001. URL: <https://www.vreme.com/kultura/sverceri-vlastitog-zivota/> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴¹³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А.Л. Дунаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.; Пикетти Т. Краткая история неравенства / Пер. с фр. В.М. Липка. М.: АСТ, 2023. 384 с.; Piketty T. Capital and ideology / Trans. by A. Goldhammer. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard university press, 2020. 1093 p.; критический анализ работ Т. Пикетти с позиции социальной философии см.: Афанасов Н.Б. Прекрасная эпоха капитала // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 368–381.

накопление, способствующих отправлению власти и лучшему перераспределению общего наследия»⁴¹⁴.

Среди конкретных шагов, направленных на снижение неравенства, Т. Пикетти называет следующие: прогрессивная налоговая шкала (налог на доходы, налог на наследство); принцип минимального капитала; совместное управление предприятиями (включение наемных работников в руководящие органы предприятий); финансирование политических партий, избирательных компаний, средств массовой информации на строго эгалитарной основе; обеспечение равенства доступа к образованию и работе за счет позитивной дискриминации, основанной, прежде всего, на социальных критериях (доход, образование, имущественный статус, территория); международная взаимопомощь, включающая получение бедными странами части налога с транснациональных корпораций и пересмотр системы международных договоров – замена коммерческих и финансовых договоров соглашениями, в которых были бы четко прописаны цели, задачи, количественные контролируемые критерии оценки в сферах налогообложения, транснациональных корпораций, перераспределения богатств, экологии⁴¹⁵. Осуществление этих шагов, во-первых, скорее всего будет реализовано в ходе некоего революционного периода, во-вторых, невозможно без общественной мобилизации на борьбу, без осознания необходимости изменения существующих общественных отношений, то есть без развития критического сознания, мышления, что возвращает нас к идеям, рассматриваемым в философии истории школы праксиса.

Проблема неравенства в современных исследованиях может трактоваться и как проблема гендерного неравенства и является предметом философии феминизма. Но какая здесь может быть связь с философией школы праксиса? С одной стороны, практически никакой, поскольку значимые философские феминистские исследования в Югославии начали проводиться уже после того как

⁴¹⁴ Пикетти Т. Краткая история неравенства / Пер. с фр. В.М. Липка. М.: АСТ, 2023. С. 335.

⁴¹⁵ Подробнее об указанных и прочих предложениях по трансформации общественных отношений: см.: Пикетти Т. Краткая история неравенства / Пер. с фр. В.М. Липка. М.: АСТ, 2023. 384 с.

журнал «Праксис» был закрыт, но с другой стороны, тематика школы праксиса и современных им феминистских организаций Югославии была близка – этатизм, технократизм, самоуправление, вопрос национальной идентичности, соотношения федерализма и унитаризма, догматизма и демократии. Поэтому можно утверждать, как это делает хорватская исследовательница Анкица Чакардич⁴¹⁶, что косвенно школа праксиса внесла вклад в развитие хорватского феминизма, а конкретно оказала влияние на становление Блаженки Деспот (Blaženka Despot, 1930-2001 гг.) как философа феминизма. Б. Деспот сотрудничала с журналом «Праксис» в части перевода работ немецких авторов, неоднократно была участницей Корчуланской летней школы. Кроме общей тематики, взгляды Б. Деспот объединяет с философией школы праксиса и применение марксистской методологии для анализа социальных явлений, критический анализ, возвращение к оригинальной понятийной системе Гегеля, Маркса, Энгельса, переосмысление текстов классиков марксизма⁴¹⁷. Пример Б. Деспот показывает, что и в актуальных исследованиях по феминистской философии может быть использована философия школы праксиса.

Таким образом, наиболее значимый вклад философия истории школы праксиса может внести в такие актуальные проблемы современной социальной философии, как проблема человека и проблема преодоления кризиса современного капиталистического общества. Кроме того, в идейном наследии школы праксиса есть рассуждения и по другим, более частным проблемам, остающимся значимыми и в настоящий момент: проблематика глобализации, проблемы науки и образования; последствия применения новых, конвергентных технологий, влияние технологии на трансформацию общественной жизни; проблемы власти и властных отношений, государства, политики, демократии и политического участия; проблемы трансформации культуры и общественного сознания, его уровней и форм; проблемы и вопросы методологии социально-

⁴¹⁶ Čakardić A. Praxis škola i feminizam: marksistički humanizam i nevolje s rodom // Tragovi. 2023. God. 6, №2. Str. 102-136.

⁴¹⁷ Bosanac G. Pristup čitanju i interpretaciji djela Blaženke Despot // Izabrana djela Blaženke Despot / Uredila G. Bosanac. Zagreb: Institut za društvene istraživanja, 2004. Str. 9-14.

гуманитарного познания; проблема понимания общества, социальной реальности и ее пересборки; проблема трансформации социальной структуры общества, проблемы неравенства и социальной справедливости.

Итак, мы рассмотрели возможности применения методологии и положений философии истории школы праксиса к вопросам современной социальной и политической философии. Далее перейдем к описанию институционального наследия школы праксиса.

Для представителей школы праксиса важно было вовлечение широкого круга специалистов и заинтересованных лиц в дискуссии по актуальным проблемам и вопросам современной философии и социологии, поэтому они активно развивали различные площадки для сотрудничества (в том числе и после закрытия Корчуланской летней школы и журнала «Праксис»). Поэтому помимо философских идей как таковых, к наследию школы праксиса можно отнести и следующие институции, которые кратко опишем далее.

Журнал «Constellations»⁴¹⁸

В 1994 г. журнал «Praxis International» сменил название на «Constellations». Это международный рецензируемый академический журнал критической и демократической теории. Миссией «Constellations» обозначается содействие творческому мышлению в философии, политике, социальной теории и праве. Редакция журнала считает, что устоявшиеся предположения о критической теории — ее методах, концепциях и освободительных целях — должны быть переосмыслены. Цель издания журнала – расширение глобальных возможностей радикальной политики и социальной критики в настоящем и будущем. Выходит ежеквартально, издается в США (издательство Wiley).

В редакционный совет журнала входят в том числе Сейла Бенхабиб⁴¹⁹, Нэнси Фрейзер, Джоди Дин, Надя Урбинати. В консультативный совет входили в

⁴¹⁸ Сайт журнала «Constellations». URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14678675> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴¹⁹ См.: Benhabib S. Dubrovnik, Prague, Praxis International and Constellation: Interwined fates // Philosophy & Social Criticism. 2017. №3 (43). P. 249.

разное время К.-О. Апель, З. Бауман, Э. Лаклау, Н. Бирнбаум, А. Вельмер, сейчас в консультативном совете состоят М. Джей, Ю. Хабермас.

В «Constellation» печатаются оригинальные статьи по проблематике журнала и обзоры на книги. Если посмотреть четыре последних номера, то основные темы статей будут следующими:

- №4 за 2023 г. значительная часть номера посвящена столетию основания Института социальных исследований при Университете Франкфурта-на-Майне⁴²⁰;
- номера за 2024 г. (№1, №2, №3) за 2024 г. не имеют отдельных тем номера. Часть статей посвящена современному прочтению трудов Х. Арндт, Т. Адорно, Р. Жирара, Дж. Локка, К. Маркса, Д. Рикардо, А. Смита, Ч. Тейлора, У. Фейрбаха, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, другая часть статей – о философском осмыслении исторических и современных событий в мире (крах Веймарской республики, события в Бангладеш в 2024 г., анализ современной демократии, проблемы иммиграции, вопросы идеологии, технократии, неолиберализма)⁴²¹;
- особый интерес представляет статья профессора философии Сиднейского университета Джона Грамли «Современный Китай и Будапештская школа в Австралии: параллельная история», посвященная деятельности представителей Будапештской школы в Австралии⁴²². Публикация данной статьи означает, что некоторый интерес к истории и идеям философских школ бывших социалистических стран сохраняется.

⁴²⁰ Страница номера: URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14678675/2023/30/4> (дата обращения: 19.09.2024)

⁴²¹ Страницы номеров: URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14678675/2024/31/3> (дата обращения: 19.09.2024), URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14678675/2024/31/2> (дата обращения: 19.09.2024), URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14678675/2024/31/1> (дата обращения: 19.09.2024).

⁴²² В Австралию из Венгрии эмигрировали Дьердь и Мария Маркуш.

*Институт философии и социальной теории Белградского университета*⁴²³

В 1981 г. был создан (под давлением мировой и югославской общественности, в том числе Международной организации труда) Центр философии и социальной теории, где стали работать отстраненные в 1975 г. от работы в Белградском университете представители школы праксиса. В 1992 г. Центр был преобразован в Институт философии и социальной теории. Основателями Института считаются: М. Маркович, М. Животич, Л. Тадич, З. Голубович, С. Стоянович, Н. Попов, Д. Мичунович. Институт представляет собой сообщество философов, социологов, антропологов, политологов, занимающихся актуальными мировыми и региональными социальными проблемами и вызовами. Проводятся междисциплинарные теоретические и эмпирические исследования⁴²⁴ в области социологии и философии, имеющие своей целью предложить новые способы рефлексии о явлениях, касающихся всех членов общества, а также разработать эффективные предложения для политиков, которые могли бы привести к изменениям общественной жизни. Институт постоянно расширяет связи и сотрудничество с подобными институциями в Европе и мире, в том числе является партнером Сети университетов Открытого общества (OSUN), сотрудничает с Международным консорциумом программ критических теорий⁴²⁵ (International Consortium of Critical Theory Programs, ICCTP). Помимо исследовательской работы Институт занимается

⁴²³ Сайт Института философии и социальной теории Университета в Белграде. URL: <https://ifdt.bg.ac.rs/?lang=en> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴²⁴ См.: URL: <https://ifdt.bg.ac.rs/?lang=en> (дата обращения: 25.04.2023). Институт включает в себя следующие лаборатории:

- Лаборатория образовательных теорий;
- Лаборатория цифрового общества;
- Лаборатория гендерных исследований;
- Лаборатория изучения Холокоста;
- Лаборатория исследований благотворительности, солидарности и заботы;
- Лаборатория активного гражданства и демократических инноваций;
- Лаборатория социальной критики;
- Лаборатория теории, создания и политики пространства;
- Лаборатория социализма и постюгославских исследований.

⁴²⁵ Сайт Международного консорциума программ критических теорий. URL: <https://criticaltheoryconsortium.org/> (дата обращения: 24.04.2023).

преподавательской деятельностью (выступления для широкой публики) и издательской деятельностью. Институт подчеркивает свою преемственность от школы праксиса: так, на странице о вехах истории Института отмечен и IV Съезд Югославского философского общества в 1960 г. и организация Корчуланской летней школы и начало выпуска журнала «Праксис» в 1964 г.⁴²⁶. Центр философии и социальной теории (затем Институт) оказывал и оказывает влияние не только на интеллектуальную жизнь Сербии, но и на социально-политическую: в качестве примера можно привести В. Коштуницу, который работал в Центре с 1984 г., в том числе в 1990–1991 гг. был его директором, затем же, в 1992 г. стал создателем Демократической партии Сербии, ее лидером до 2014 г., в 2000–2003 гг. был последним президентом Союзной Республики Югославии, в 2004–2008 гг. был премьер-министром Сербии; с деятельностью Демократической партии Сербии были связаны и С. Стоянович, Л. Тадич, Д. Мичунович, в деятельности Социалистической партии Сербии активное участие принимал М. Маркович.

Журнал «Filozofija i društvo»⁴²⁷ («Философия и общество»)

Журнал «Философия и общество» - рецензируемый академический журнал Института философии и социальной теории Белградского университета. Издаётся с 1987 г., с 2011 г. – ежеквартально (до этого времени в разные периоды выходил с неодинаковой регулярностью: раз в два года, два раза в год, три раза в год). Является журналом с открытым доступом. Представляет, раскрывает ключевые темы современной социальной теории, стремится к поощрению исследовательской деятельности в области общественных наук, продвигает новаторское и критическое мышление, выступает за открытую и конструктивную

⁴²⁶ Сайт Института философии и социальной теории Университета в Белграде, раздел «Об институте/История» («About the Institute/History»). URL: <https://ifdt.bg.ac.rs/index.php/history/?lang=en> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴²⁷ Сайт журнала «Filozofija i društvo» («Философия и общество»). URL: <https://journal.instifdt.bg.ac.rs/index.php/fid/index> (дата обращения: 24.04.2023). Более подробно о развитии журнала см.: Bošković D. Filozofija i društvo: od zbornika do časopisa // Filozofija i društvo. 2013. № 2. Str. 44–60.

дискуссию, создает пространство для дискуссии по вопросам общественной и интеллектуальной жизни как в Сербии, так и в регионе и мире. Журнал индексируется во многих международных базах, в том числе Web of Science (ESCI list) и Scopus.

Представители школы праксиса внесли значительный вклад в развитие философии и социальной теории в странах бывшей Югославии академической и преподавательской деятельностью в университетах и других образовательных организациях, воспитав учеников и заложив философские традиции. Далее приведем биографические справки о некоторых из ныне здравствующих философов, которых можно отнести ко второму и третьему поколениям представителей школы праксиса⁴²⁸.

Исследователи второго поколения школы праксиса

Божидар Якшич (Božidar Jakšić)

Родился в 1937 г. в Сараеве, изучал философию, историю и социологию. Был в руководящем комитете Корчуланской летней школы. В 1971 г. в журнале «Праксис» была опубликована его статья «Югославское общество между революцией и стабилизацией»⁴²⁹. После этого был отстранен от работы на философском факультете Сараевского университета. Стал сотрудничать с Институтом международного рабочего движения в Белграде. В 1985 г. перешел на работу в Центр философии и социальной теории, затем в Институт философии и социальной теории Белградского университета. Был главным и ответственным редактором журналов «Социология» и «Философия и общество». В 1990-х годах участвовал в протестном и антивоенном движении, критиковал национализм и военную риторику действующей власти. При поддержке Совета Европы в 1994-1998 гг. организовал пять международных симпозиумов по межкультурной коммуникации, в которых участвовали специалисты из стран бывшей Югославии,

⁴²⁸ О поколениях представителей школы праксиса мы писали в параграфе 1.2.

⁴²⁹ Jakšić B. Jugoslovensko društvo između revolucije i stabilizacije // Praxis. 1971. №3-4. S. 413-424.

Европы, США, Канады, Японии и Австралии. Основные научные интересы – история идей, критический анализ современного общества, проблемы цыганских сообществ. Основные работы: «История и социология»⁴³⁰, «Время революции?»⁴³¹, «Балканские парадоксы – очерки о распаде Югославии»⁴³², «Шум и ярость – о праве на критическое мышление»⁴³³, «Праксис – мышление как»⁴³⁴, «Смутные времена»⁴³⁵, «Цыгане в Сербии между наковальной бедности и молотом дискриминации»⁴³⁶, «История Югославии через призму критики. Polemika в югославских журналах в 1973-1976 гг.»⁴³⁷.

Надежда Чачинович (Nadežda Čačinović)

Родилась в 1947 г. Изучала философию, сравнительное языкознание, лингвистику и историю искусства в университетах Любляны, Бонна и Франкфурта. Докторскую диссертацию по философии защитила на философском факультете Загребского университета. С 1976 г. работает на философском факультете Загребского университета. В 1995-1999 гг. была приглашенным профессором в Центре постдипломного образования имени Яна ван Эйка в Маастрихте. Одна из основательниц Центра женских исследований в Загребе⁴³⁸, который занимается междисциплинарными исследованиями по женской тематике. Является представителем Хорватии в исполнительном комитете Международной эстетической организации⁴³⁹. С 2009 г. по 2017 г. была президентом ПЕН-центра Хорватии. Наиболее значимые труды следующие: «Субъект критической

⁴³⁰ Jakšić B. *Historija i sociologija*. Zagreb: Liber, 1976. 149 str.

⁴³¹ Jakšić B. *Vreme revolucije?: revolucija i stabilizacija*. Niš: Gradina, 1989. 396 str.

⁴³² Jakšić B. *Balkanski paradoksi – Oglеди o raspadu Jugoslavije*. Beograd: Beogradski krug, 2000. 276 str.

⁴³³ Jakšić B. *Buka i bes – O pravu na kritičko mišljenje*. Požarevac: Centar za kulturu u Požarevcu, 2005. 153 str.

⁴³⁴ Jakšić B. *Praxis – mišljenje kao diverzija*. Beograd: Službeni glasnik, 2012. 498 str.

⁴³⁵ Jakšić B. *Smutna vremena*. Zemun: MostArt, 2014. 262 str.

⁴³⁶ Jakšić B. *Romi u Srbiji između nakovnja siromaštva i čekića diskriminacije*. Zemun: MostArt, 2015. 183 str.

⁴³⁷ Jakšić B. *Istorija Jugoslavije u svetlu kritike. Polemike u jugoslavenskim časopisima 1973-1976*. Zemun: MostArt, 2022. 373 str.

⁴³⁸ См.: URL: <https://zenstud.hr/> (дата обращения: 19.09.2024)

⁴³⁹ См.: URL: <https://iaaesthetics.org/> (дата обращения: 19.09.2024)

теории»⁴⁴⁰, «Эстетика»⁴⁴¹, «В женском ключе»⁴⁴², «Путеводитель по мировой литературе для интеллигентной женщины»⁴⁴³, «Для чего нужно читать философов»⁴⁴⁴, «Введение в философию литературы»⁴⁴⁵. Была редактором сборника «Женщины и философия»⁴⁴⁶.

Лино Веляк (Lino Veljak)

Родился в 1950 г., защитил магистерскую диссертацию в 1973 г. на тему «Философские основы теории отражения», защитил докторскую диссертацию в 1982 г. на тему «Философия практики Антонио Грамши» на философском факультет Загребского университета. В 1974-1976 гг. учитель философии и логики во Второй гимназии г. Загреба, с 1976 г. работает в Загребском университете. С 1992 г. заведующий кафедрой онтологии. В 1982-1983 гг., 1992-1994 г., 2006-2010 гг. был деканом отделения философии Философского факультета, с 2010 гг. заместитель декана. Был приглашенным профессором во многих университетах Хорватии и других стран. Входит в редакционные советы многих философских журналов. Несколько раз был членом исполнительного комитета Хорватского философского общества (ХВО), с 2009 г. по 2011 г. был председателем ХВО. С 2017 г. председатель совета по философии и теологии Матицы хорватской (литературно-научное и просветительское общество). Основные работы: «Марксизм и теория отражения»⁴⁴⁷, «Философия практики Антонио Грамши»⁴⁴⁸, «Горизонт метафизики»⁴⁴⁹, «От онтологии до философии истории»⁴⁵⁰, «Дополнение к критике ложных альтернатив»⁴⁵¹, «Введение в

⁴⁴⁰ Čačinović N. Subjekt kritičke teorije. Zagreb: Kulturni radnik, 1980. 88 str.

⁴⁴¹ Čačinović N. Estetika. Zagreb: Naprijed, 1988. 178 str.

⁴⁴² Čačinović N. U ženskom ključu: ogledi o teoriji kulture. Zagreb: Centar za ženske studije, 2001. 176 str.

⁴⁴³ Čačinović N. Vodič kroz svjetsku književnost za inteligentnu ženu: koristan i za inteligentne muškarce. Zagreb: Jesenski i Turk, 2007. 111 str.

⁴⁴⁴ Čačinović N. Zašto čitati filozofe. Zagreb: Naklada Ljevak, 2009. 180 str.

⁴⁴⁵ Čačinović N. Uvod u filozofiju književnosti. Zagreb: Leykam international, 2017. 175 str.

⁴⁴⁶ Žene I filozofija / Uredila N. Čačinović. Zagreb: Centar za ženske studije, 2006. 313 str.

⁴⁴⁷ Veljak L. Marksizam i teorija odraza. Zagreb: Naprijed, 1979. 217 str.

⁴⁴⁸ Veljak L. Filozofija prakse Antonija Gramscija. Beograd: SIC, 1983. 176 str.

⁴⁴⁹ Veljak L. Horizont metafizike. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 1988. 254 str.

⁴⁵⁰ Veljak L. Od ontologije do filozofije povijesti. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 2004. 185 str.

онтологию»⁴⁵², был редактором сборников «Гайо Петрович – человек и философ»⁴⁵³, «Гайо Петрович – философ из Карловца»⁴⁵⁴. Научный руководитель докторантов, которые в том числе работают над проблематикой школы праксиса⁴⁵⁵.

Исследователи третьего поколения школы праксиса

Лука Богданич (Luca Bogdanić)

Родился в 1978 году в Загребе. В 2001 г. окончил философский университет Сапиенца в Риме. В этом же университете защитил докторскую диссертацию в 2007 г. Сотрудничал с кафедрой славистики Флорентийского университета, где вел семинары по философии, культуре и истории юго-восточной Европы, на которых особое внимание уделялось философии школы праксиса. С 2007 г. работает в Загребском университете, ведет дисциплины «философская антропология», «философия культуры», спецкурс «Маркс и марксистская философия». В 2017 г. в университете Сапиенца защитил вторую докторскую диссертацию по истории политических учений. Был приглашенным лектором в университетах Италии, Франции, России, Греции. Член Хорватского философского общества и Международного общества Грамши⁴⁵⁶, международного научного совета Центра критической теории и политики при философском факультете университета Ка-Фоскари в Венеции.

В его круг научных интересов входят: философская антропология, философия культуры, исторический материализм, философия А. Грамши, история марксизма, проблематика национализма, нации и идентичности. Автор трех книг (на итальянском языке): «Нация и самоопределение»⁴⁵⁷, «Праксис. История

⁴⁵¹ Veljak L. Prilozi kritici lažnih alternative. Beograd: Otkrovenije, 2010. 229 str.

⁴⁵² Veljak L. Uvod u ontologiju. Zagreb: Naklada Breza, 2019. 198 str.

⁴⁵³ Gajo Petrović – čovek i filozof / Urednik L. Veljak. Zagreb: FFpress, 2007. 243 str.

⁴⁵⁴ Gajo Petrović, filozof iz Karlovca / Urednik L. Veljak. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 2014.

⁴⁵⁵ См., например: Labus I. Spekulativno mišljenje i kritika filozofije u djelu Milana Kangrge: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, 2017. 194 str.

⁴⁵⁶ См.: URL: <http://www.internationalgramscisociety.org/> (дата обращения 19.09.2024).

⁴⁵⁷ Bogdanić L. Nazione e autodeterminazione. Premesse e sviluppi fino a Lenin e Wilson. Roma: Aracne, 2009. 384 p.

еретического журнала в титовской Югославии»⁴⁵⁸, «Беспокойная идентичность. Национальный вопрос на Западных Балканах»⁴⁵⁹. Перевел на хорватский язык сборник «Живой Маркс»⁴⁶⁰ и книгу Д. Лосурдо «Исторический ревизионизм: проблемы и мифы»⁴⁶¹.

Анкица Чакардиц (Ankica Čakardić)

Защитила докторскую диссертацию на философском факультете Загребского университета в 2008 г. С 2007 г. по 2010 г. работала заведующей кафедрой теории культуры и исследований дискурса философского факультета Университета в г. Риека (Хорватия). С 2010 г. работает в Загребском университете, с 2020 г. – заведующая кафедры социальной философии. Была приглашенным лектором в университетах Германии, Великобритании, Латвии, Испании, Швейцарии, Австрии, Чехии, Словении, Сербии, Греции, Литвы и США. Член международной редакции изданий «The Complete Works of Rosa Luxemburg» при издательстве Verso (Лондон/Нью-Йорк), международной редакции журнала «Sociologija» («Социология», Белград), член консультативного совета «The International Marxist-Humanist Journal»⁴⁶² (Чикаго). Принимает участие в исследовании в проекте «Хорватские философы-женщины в европейском контексте».

Научный интерес – социальная и политическая философия, марксизм, философия гендера, философия Р. Люксембург, феминистская критика политической экономики. Основные работы: «Категорический феминизм. Необходимость феминистской теории и практики»⁴⁶³, «Встаньте, презираемые

⁴⁵⁸ Bogdanić L. Praxis. Storia di una rivista 157rotica nella Jugoslavia di Tito. Roma: Aracne, 2010. 188 p.

⁴⁵⁹ Bogdanić L. Identità inquieta. La questione nazionale nei Balcani occidentali. Roma: Boreaux edizioni, 2020. 216 p.

⁴⁶⁰ Živi Marx / Uredio M. Meštrović. Zagreb: Jesenski i Tusk, 2013. 142 str.

⁴⁶¹ Losurdo D., Historijski revizionizam: problemi i mitovi / Preveli L. Bogdanić i J. Tkalec. Zagreb: Prosvjeta, 2017. 263 str.

⁴⁶² См.: URL: <https://imhojournal.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

⁴⁶³ Čakardić A. Kategorički feminizam. Nužnost feminističke teorije i prakse. Zagreb: Centar za ženske studije, 2007. 232 str.

миром. Три эссе о Розе Люксембург»⁴⁶⁴, «Призраки перехода. Социальная история капитализма»⁴⁶⁵, «Мятежный ум. Очерки радикальной социальной философии»⁴⁶⁶. Совместно с Л. Богданичем была редактором сборника «История, революционная диалектика и философская система. Сборник посвященный 250-летию Гегеля»⁴⁶⁷.

Из молодых исследователей (еще не защитивших докторскую диссертацию), интересующихся историей и тематикой школы праксиса, можно отметить:

- Мислава Житко (Mislav Žitko, р. 1982). Работает на философском факультете Загребского университета. Научные интересы: социальная эпистемология, политическая экономия, политика образования;
- Милоша Янковича (Miloš Janković, р. 1993). Закончил магистратуру факультета политических наук Белградского университета (тема магистерской диссертации «Социальные и экономические права как основные права»). Сотрудничает с Институтом философии и социальной теории (г. Белград). Научный интерес – философия и социология образования. Опубликовал статью по теме праксиса «Взгляды на прямую демократию и самоуправление из перспективы журнала Праксис»⁴⁶⁸.

Упомянем и другой вклад представителей школы праксиса: участие в создании, работе периодических изданий (например, уже упоминаемый журнал «Novi plamen»), участие в создании и работе некоммерческих организаций

⁴⁶⁴ Čakardić A. Ustajte, prezrene na svijetu. Tri eseja o Rosi Luxemburg. Beograd: RLS, 2019. 95 str.

⁴⁶⁵ Čakardić A. Sablasti tranzicije. Socijalna historija kapitalizma. Zagreb/Rijeka: Jesenski i Turk/Drugo more, 2019. 272 str.

⁴⁶⁶ Čakardić A. Pobunjeni um. Eseji iz radikalne socijalne filozofije. Zagreb: Jesenski i Turk i Arkzin, 2021. 269 str.

⁴⁶⁷ Povijest, revolucionarna dijalektika i filozofski sistem. Zbornik povodom 250. godišnjice rođenja Hegela / Uredili A. Čakardić i L. Bogdanić. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2022. 253 str.

⁴⁶⁸ Janković, M. Pogledi na direktnu demokratiju i samoupravljanje iz perspektive časopisa Praxis // Arhe, 2021. God. VIII. № 36, Str. 275-294.

(например, созданный С. Стояновичем Центр национальной стратегии⁴⁶⁹), философских обществах, редакторская деятельность в периодических изданиях.

В настоящей главе были показаны возможности применения методологических подходов школы праксиса к анализу современной социально-политической ситуации, выявлено сходство подходов философии истории школы праксиса с философией постгуманизма (представленной Р. Брайдотти, Ф. Феррандо) в части признания фундаментальной роли практики и утверждении о раскрытии творческого потенциала человека как необходимого условия преодоления современного кризиса человека и общества, предложен вариант прикладного применения методологии и положений философии истории школы праксиса: концептуализация альтернативного (существующему в данный момент) социально-политического устройства в результате синтеза идей школы праксиса с идеями демократического, экологического, смешанного социализма, предлагаемого Т. Пикетти; сделан обзор институционального наследия школы праксиса.

⁴⁶⁹ По факту перестал функционировать в 2011 г. после смерти С. Стояновича в 2010 г. и Директора Центра Дж. Ковачевича в 2011 г.

Заключение

В данном исследовании была реализована попытка построения целостной концептуальной схемы философии истории школы праксиса.

В первой главе рассматриваются историко-философские вопросы, связанные с определением места философии школы праксиса в пространстве философских традиций, развивавшихся во 2-ой половине XX в.

Существует достаточное большое количество версий и интерпретаций марксизма, что обусловлено сложностью учения К. Маркса, с точки зрения и его содержания и его методологии; влиянием на интерпретацию марксизма исторического контекста и своеобразия конкретного общества; философской традицией, к которой принадлежат различные исследователи; научным контекстом и пониманием научной рациональности конкретного философа; целями обращения к марксистской философии.

Философскими истоками школы праксиса обозначаются критический марксизм, в особенности Франкфуртская школа (в большей степени Г. Маркузе) и гуманистический марксизм, среди представителей которого следует выделить Э. Блоха и Д. Лукача как оказавших наибольшее влияние на школу праксиса. Нельзя не отметить и влияния традиции российского марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин).

Затем исследуются исторические, социальные и культурные предпосылки возникновения школы праксиса, поскольку специфичность развития югославского общества, очевидно, повлияла на саму возможность возникновения философского направления подобного школе праксиса и во многом предопределила особенности данного направления. К такой специфичности развития югославского общества относим, прежде всего, сильное смешение и сочетание различных культур и традиций на одной территории. Можно выделить австрийское, венгерское, турецкое, российское, католическое, православное, мусульманское влияние, если же учитывать и Средневековье – то еще и византийское и влияние богомилов. Вследствие такого параллельного

существования нескольких культурных традиций, их ежедневного тесного взаимодействия и синтеза, сложилось общество, в котором отмечается терпимость к другим культурам. Однако такая неоднородность общества затрудняла построение национальных государств на этой территории, обостряла национальные конфликты. Моменты эскалации национальных конфликтов наблюдались во времена Королевства сербов, хорватов и словенцев и во времена Королевства Югославии и тем более в период Второй мировой войны, даже во времена ФНРЮ/СФРЮ. Нерешенность многих проблем, связанных с национальной идентичностью, мы наблюдаем и сегодня практически во всех республиках бывшей Югославии (за исключением Словении).

Можно утверждать, что появление школы праксиса предопределили особенности становления и развития социалистического югославского государства: Народно-освободительная война (1941–1945 гг.), в результате которой не только территория Югославии была освобождена от немецкой и итальянской оккупации и ликвидированы профашистские квази-государства (например, Независимое государство Хорватия), но и собственными (не имеющими материальной поддержки от СССР) силами партизанского движения под руководством И. Броз Тито была реализована социалистическая революция, приведшая к коренным преобразованиям социально-экономического и политического устройства югославского общества; советско-югославский конфликт, породивший в югославской интеллектуальной среде, прежде всего в литературе и философии, дискуссии об интерпретации марксистского учения и возможных путях построения социализма; декларировалась модель социалистического самоуправления, предполагающая передачу управления предприятиями, организациями и территориально-административными единицами в руки различных объединений и сообществ граждан на уровне предприятия/организации/административно-территориальной единицы, что должно было привести к последующему отмиранию государства. Все это привело к следующим особенностям интеллектуальной среды в Югославии: уверенность в возможности человека по преобразованию мира, критика советской

действительности и советской философии, изучение работ К. Маркса, особенно ранних, с точки зрения гуманистической составляющей, изучение различных вариантов марксизма, задачей философии виделось ее развитие через критику.

Далее дается описание справочного характера по наиболее выдающимся представителям школы праксиса (Р. Супек, Г. Петрович, М. Кангрга, П. Враницки, М. Маркович, С. Стоянович), включающее биографические сведения, данные о сфере социально-философских интересов и основных трудах.

Проблематика, затрагиваемая в философии школы праксиса, охватывала необычайно широкий круг вопросов: критика догматического марксизма, исследование гуманистического начала в марксизме, разработка основных понятий марксизма, обоснование приоритета марксистской методологии, реализация идей марксизма в социализме, критика современного социалистического общества, как советского, так и югославского, в том числе проблемы и возможности развития самоуправления, реализация принципа равенства и свободы в социалистическом обществе, проблемы марксистской этики. Каждый из представителей школы праксиса являлся самостоятельным философом/исследователем, и отдельные ученые из тех, кого мы относим к школе праксиса, могли также иметь научные интересы и вне обозначенной выше проблематики.

Затем была рассмотрена проблема определения школы праксиса и периодизации ее деятельности, в частности, кого из философов и социологов правомерно относить к школе праксиса, а кого нет, и можно ли вообще говорить о школе праксиса как о философском направлении. Описываются подходы к рассмотрению данной проблемы у советских исследователей философии школы праксиса (С.М. Брайович, А.Н. Самарин) и иностранных исследователей (Г. Шер, К. Белинска, Р. Джидара). Нами делается вывод о том, что правомерно относить к представителям школы праксиса тех, кто участвовал в организации и деятельности Корчуланской летней школы и издательстве журнала «Праксис» (т.е. был основателем, состоял в редакционном совете, чьи статьи публиковались

с некоторой периодичностью), а также сам себя идентифицировал как часть данного направления.

Что касается периодизации деятельности школы праксиса, наш вариант включает пять периодов: 1) 1950–1960 гг. – период начала академической карьеры большинства представителей школы праксиса; 2) 1960–1966 гг. период расцвета школы праксиса, начало периода связано с IV Съездом югославского философского общества, на котором группа молодых философов, М. Кангрга, Г. Петрович, М. Маркович, публично выступили с идеей о том, что основной категорией марксизма является практика, а не материя и сознание, в этот период была основана Корчуланская летняя школа, начал выходить журнал «Праксис», окончание периода знаменуется началом конфликта с официальными властями; 3) 1967–1974 гг. – продолжение деятельности школы праксиса: регулярно проводится Корчуланская летняя школа и издается журнал «Праксис», конфликт с официальными властями, в том числе с Союзом коммунистов Югославии, становится перманентным. Окончание периода – прекращение деятельности Корчуланской летней школы и прекращение деятельности журнала «Праксис»; 4) 1975–1994 гг. – продолжение академической работы представителей школы праксиса в Югославии и за рубежом, попытки реанимировать летнюю школу и периодическое издание. Одна из таких попыток – издававшийся с 1981 г. за границей в основном англоязычный журнал «Praxis International». Окончание периода – год выхода последнего номера журнала «Praxis International» в 1994 г.; 5) 1995 г. – н.в. – постинституциональный этап, когда отдельные представители школы праксиса продолжали академическую, общественную и политическую деятельность, и этап осмысления и изучения наследия философии школы праксиса.

В заключении первой главы обобщенно приводятся основные особенности, характерные для школы праксиса как философского направления. К таким особенностям можно отнести: опора на марксистскую методологию; изучение и критический анализ различных источников; открытость к дискуссиям с другими направлениями философии, а также к дискуссиям в интеллектуальной и

политической среде в целом; гуманистическая направленность, конечной целью которой были – гуманизация общества, освобождение человека и снижение отчужденности каждого индивида; практическая направленность, которая, во-первых, выражалась в разработке конкретных схем действия по достижению обозначенных выше целей по гуманизации человеческого общества, а во-вторых, реализовывалась в том числе, в ходе институционализации направления – создания дискуссионной площадки по актуальным вопросам – Корчуланской летней школы и издательства журнала «Праксис».

Вторая глава посвящена непосредственно социально-философскому содержанию философии истории школы праксиса. Нами раскрываются основные понятия, характеризующие философию истории школы праксиса, – праксис/практика и революция; определяется специфика понимания исторического процесса, в том числе связь исторической онтологии и исторической гносеологии; отмечается наличие утопического измерения в понимании истории; дается характеристика критики социальной реальности, представленной в философии истории школы праксиса, включая анализ понимания принципа равенства и свободы.

Понятие «праксис/практика» выступает в интерпретации школы праксиса в качестве фундаментального в марксизме. Большинство представителей школы праксиса указывают примат категории практики перед категориями материи и сознания. Отмечается, что практика – это сложное понятие, которому невозможно дать простое описательное определение. Практика связывается с сущностью человека, постулируется связь бытия и практики – практика выступает как модус бытия, свойственный исключительно человеку. Практика противопоставляется пассивному, созерцательному, нетворческому, догматическому. Практика выступает как историческое бытие, поскольку именно через практику человек может проявить, осуществить свою активность, творческое начало, и тем самым преобразовать мир. Такое понимание практики ведет к отрицанию возможности конечности исторического бытия.

Разумеется, в определениях представителей школы праксиса категории «праксис/практика» есть нюансы. Так, например, М. Кангрэ связывал практику с существованием и сущностью человека; Г. Петрович и В. Сутлич рассуждали о связи практики и бытия человека; Б. Бошняк противопоставлял гуманистический и негуманистический праксис, отмечал важность определения характеристик практики, чтобы она становилась деятельностью, развивающей творческие, а не деструктивные потенции человека в истории; М. Маркович утверждал, что все основные категории онтологии, гносеологии и аксиологии выводятся из категории практики, также он разработал два варианта анализа категории «практики» – исходя из возможности intersubъективного опыта о различных формах практики и исходя из предмета практической деятельности; П. Враницкий, не отрицая первичности материи, рассматривал практику как фундаментальное философское определение человека, которая проявляется во всех сферах человеческой жизни. Через раскрытие содержания категории «праксис/практика», через связь категории «праксис/практика» с историческим бытием школой праксиса решался вопрос об отношении материи и сознания, материального и идеального, теории и практики.

К основным понятиям философии истории школы праксиса относится и понятие «революции». Понятие «революция» выводится из категории «практика». Например, М. Кангрэ обозначает синонимичность практики, творчества, самосозидания и революции. То есть революция понимается как нечто свойственное только человеку, как реализация творческого принципа, как самосозидание человека, в ходе которого прерывается старое и открывается измерение нового. Г. Петрович развил теорию практики в «мышление революции», которое есть революционное действие в сфере мысли, в самоосознании человека. Представителями школы праксиса подчеркивается связь революции (как и практики) с историей – в ходе революционной деятельности человек может уменьшить отчужденность от своей сущности. При этом революция – это, прежде всего, изменение человека, ее цель – сам человек, а не изменение политического устройства. Революция движет историей, направленной

в будущее, к более свободному и менее отчужденному человеку. Представители школы праксиса говорили и о философии, которая должна стать тем «мышлением революции», олицетворяющим постоянное напоминание об открытости для самосозидания и саморазвития.

Получается, что человек своей критической, творческой, революционной деятельностью доказывает возможность преодоления старого, преобразования окружающего мира и себя. Из этого следует представление об истории как процессе перехода к новой, неизвестной действительности. Какова будет эта действительность, зависит от человека и его целей. При таком онтологическом представлении исторического процесса возникает гносеологический вопрос об определении законов исторического развития. Здесь представители школы праксиса дополняли тезис К. Маркса о полной независимости исторических законов от воли человека следующим образом: действительно, законы исторического развития объективны и независимы от воли людей, но лишь в том случае, если люди остаются в рамках одной системы. Однако люди способны упразднить всю существующую систему условий и определить новую систему, в которой объективными станут уже другие законы. Этим доказывается возможность выхода из условий законов капиталистического общества при смене в процессе революционной деятельности буржуазного сознания социалистическим. Это приведет и к установлению социалистических экономических законов.

В рамках исторической гносеологии в философии школы праксиса очерчиваются границы возможностей исторической науки и шире социально-гуманитарных наук: так как предмет исследования социально-гуманитарных наук – общество – представляет собой сложную и открытую систему, то отмечается значительное субъективное влияние исследователя на познавательный процесс, неизвестность начальных и граничных условий, невозможность определения четких критериев релевантности и значимости, высокая вероятность случайности, невозможность оценить необходимость и достаточность условий априорно, сложность цели, включающей как объективные (экономические, географические,

климатические и пр.) факторы, так и субъективные – совокупность целей отдельных индивидов и целей социальных групп, которые в свою очередь также содержат объективные и субъективные элементы. Соответственно, в связи с вышеобозначенными особенностями познавательного процесса в социально-гуманитарных науках можно говорить только о тенденциях, а не о строгих законах, так как нередко случается так, что исторический процесс идет совершенно не по наиболее вероятному пути.

Представленное понимание исторического процесса ставит вопрос о связи утопического и реального. Так, М. Кангрэ говорит о двух измерениях, которые присущи историческому событию – «что фактически есть» и «что должно быть». Эти измерения соотносятся друг с другом следующим образом: без осознания «что должно быть» невозможно абстрагироваться от того «что фактически есть» и, соответственно, критически оценить это «что фактически есть», то есть «что должно быть» показывает, что отсутствует в том «что фактически есть», следовательно, именно измерение «что должно быть» характеризует открытость исторического процесса. Таким образом связывается утопия и критическое мышление.

Опять же здесь наблюдается значение революции в истории – именно в ходе революционной деятельности осуществляется переход из измерения «что фактически есть» в измерение «что должно быть». М. Кангрэ приводит в пример К. Маркса, который как раз и осуществил такой переход, перешел на позицию «что должно быть», то есть в утопическое измерение, и только тогда смог выполнить критический анализ капиталистического общества, ведь каждый рассматриваемый К. Марксом критерий (например, отчуждение, овеществление) уже и содержит требование иного, чем «что фактически есть».

Отмечается приоритетность историческо-утопического вопроса о возможности «что фактически есть» быть другим по сравнению с онтологическим вопросом о бытии и его смысле, потому что онтологизация истории предполагает концепт истории исключительно как событийности прошлого (а настоящее лишь увековечивает прошлое), что закрывает путь в будущее.

Возникает вопрос о способах поддержания революционного творческого акта, необходимого для перехода в измерение «что должно быть», чтобы революционное действие не было всего лишь краткосрочным, не происходило бюрократизации утопии, подчинения социального политическому. Здесь опять же нельзя не упомянуть роль философии, которая как раз и способна превзойти границу того «что фактически есть» в отличие от науки, опирающейся исключительно на измерение «что фактически есть».

Представители школы праксиса и делали попытку реализации данной функции философии, попытку «мышления революции», критически анализируя современное им общество. Основная критика была направлена против догматизма, в частности сталинизма, его проявлений в социальной и политической жизни общества. Отмечалось, что, несмотря на осуждение практики сталинизма, теория сталинизма не была критически проанализирована, и что многие марксистские философы во всем мире продолжали построение своих теорий на фундаменте сталинизма. Основным недостатком сталинизма указывалось отсутствие теории отчуждения, которая и является гуманистической линией философии К. Маркса. Поэтому сталинский марксизм по своей сути является позитивизмом. Это приводит к следующим негативным последствиям в практике: деградация общественных наук, идеологизированность, которая служит основанием для развития этатизма и бюрократизма, приводит к развитию «культы личности», делает бессмысленными критику и самокритику, поскольку все негативные изменения объясняются влиянием внешних условий, отсутствию политической борьбы мнений, затрудняет разработку и осуществление революционных действий в современных условиях, затрудняет развитие самоуправления. Представители школы праксиса подробно рассматривали особенности и проблемы социализма в СФРЮ, разрабатывали видение будущего направления развития социализма и предложения по совершенствованию социально-политического устройства Югославии. Эти предложения включали: развитие самоуправления на всех уровнях социальной структуры; развитие науки, внедрение научных методов и подходов для детальной разработки краткосрочных

планов; минимизация элементов этатизма, борьба с бюрократией и технократией посредством определения долгосрочных целей, которые должны включать в себя отмену скрытых форм эксплуатации, преодоление различий между социальными группами, регионами, достижение материального благосостояния, достижение общественной солидарности. Анализировались возможности развития социализма и для других стран, в том числе и для капиталистических и для постколониальных стран.

Как говорилось выше, цель революции – это человек, увеличение его свободы и снижение его отчужденности. Поэтому и категория свободы, а вместе с ней и категория равенства не могли быть не рассмотрены в рамках философии истории школы праксиса. В философии истории школы праксиса рассматривались следующие вопросы: конкретный смысл принципа равенства и свободы в современных общественных условиях, вклад социалистических революций в реализацию принципа равенства и свободы, соотношение между равенством и свободой. М. Маркович говорит о том, что в современных условиях сущность принципа равенства и свободы сводится к устранению расслоения, основанного на различиях в зависимости от общественной роли человека. В реализации принципа равенства и свободы немаловажную роль должно играть развитие общественного сознания о том, что общественное управление не может быть сферой профессионального разделения труда, развитие критического сознания.

Свобода школой праксиса рассматривается как свобода человека - общественного существа. Принцип свободы в конкретной исторической ситуации означает упразднение тех общественных институций и структур, которые мешают самореализации человека, и создание благоприятных общественных условий, новых форм сообществ, мотивирующих развитие человека. Преодоление ограничения свободы внутреннего характера, вследствие личных барьеров индивида и ограничений психологического характера, зависит от индивида, который должен сделать усилие, чтобы осознать самого себя, свои потенциальные способности, склонности, истинные потребности и интересы.

Вид взаимосвязи между равенством и свободой зависит от смысла, который придается свободе и равенству. В капиталистическом обществе свобода – это свобода гражданина, то есть свободе придается политическо-правовой смысл. Буржуазная революция не ставит своей целью полное освобождение человека, капиталистическое общество остается основанным на экономическом неравенстве, потому капиталистическое общество и не может развивать свободу в гуманистическом смысле, в котором она задается в социалистическом обществе, – как возможность и требование самореализации человека, что неразрывно связано и с равенством.

В третьей главе исследуются возможности применения методологии школы праксиса к социально-политическим проблемам современности. События 2-ой половины XX в. и начала XXI в. нашли отражение и в философских взглядах представителей школы праксиса. Например, С. Стоянович для более адекватного анализа исторической ситуации конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. предложил заменить марксистскую методологию и философию постмарксистской, которая бы содержала принципы радикального гуманизма (праксис, преодоление отчуждения, овещнения, удовлетворение человеческих потребностей, свободное развитие индивида), но отвергала бы идею коммунистической общественной организации, а также признавала присутствие в человеческой сущности не только потенциала добра, но и зла.

С. Стоянович обозначает наиболее актуальную проблему современности – способность человечества к самоуничтожению в результате ядерной войны или экологической катастрофы. Причем констатирует, что зло из предумышленного стало случайным.

В результате исследования эволюции взглядов С. Стояновича нами делается вывод о неизменности его методологических подходов и рассматриваемой проблематике, несмотря даже на то, что сам философ говорит об отказе от марксизма.

Затем нами рассматриваются взаимоотношения школы праксиса и националистов, которые стали значительной политической силой в Югославии с

конца 80-х гг. XX в. Философия истории школы праксиса характеризовалась антинационализмом, так как в национализме нет гуманистического начала, он не ведет к освобождению человека. Негативные черты национализма представителями школы праксиса отмечались следующие: критерием истинной солидарности людей не может быть единая территория и язык; использование националистической риторики, формирование соответствующей идеологемы есть средство для привлечения широких слоев населения; если верховным принципом становится верность собственной нации, то в элиту и политическую власть попадают люди не за свои качества, а только лишь за свою лояльность: значимость людей определяется по членству в некой организации/партии, фактом принадлежности к определенному национальному сообществу, что ведет к образованию некой монолитности, которая уничтожает аутентичность личности.

После анализа социально-философских взглядов представителей школы праксиса на социально-политические события 2-ой половины XX в. – начала XXI в. нами делается вывод, что, несмотря на то, что одни из представителей школы праксиса включились в политическую борьбу, а другие продолжали академическую и публицистическую деятельность, их философские воззрения и анализ событий все так же характеризовались критичностью, гуманистической направленностью, практической направленностью и использованием марксистской методологии, они по-прежнему отводили философии важную роль в преобразовании мира.

Мы считаем, что и в настоящей исторической ситуации большинство выводов исследований школы праксиса актуально. Среди них особо можно отметить следующие теории: о роли философии в изменении социально-политической действительности, анализ и критика национализма, критика догматизма как явления в целом (не только марксистского догматизма), описание негативных явлений этатизма, бюрократии, монополизации и рекомендации по их минимализации, рекомендации по развитию самоуправления, рекомендации по развитию всех сфер науки (и технических, и естественных, и социально-

гуманитарных) и применению научного знания в производственной сфере, управлении, социально-политической сфере жизни общества.

При рассмотрении каждой проблемы представители школы праксиса учитывали гуманистическую составляющую, человека. Такой подход коррелирует с сегодняшней философией, в которой проблема человека является, пожалуй, наиболее острой и значимой. Мы проводим параллель между взглядами, присущими философии истории школы праксиса, и концепцией постгуманизма, предлагаемой современными философами Р. Брайдотти и Ф. Феррандо. В обозначенной концепции отмечается фундаментальная роль практики, а также, что только через раскрытие творческого потенциала человека, обеспечивающее построение некоего качественно нового модуса бытия человека, возможен выход из современного кризиса человека и общества. Полной идентичности между постгуманизмом и философией истории школы праксиса нет, наиболее существенным различием представляется то, что постгуманизм направлен на выработку рекомендаций индивидуальных практик. Соответственно, из парадигмы, представленной в постгуманизме возникает вопрос о превращении истории из истории человеческого общества в множество историй отдельных индивидов.

Важным нам представлялось отметить и институциональное наследие школы праксиса. Здесь необходимо указать, прежде всего, Институт философии и социальной теории Белградского университета и издаваемый им журнал «Философия и общество», основанные представителями школы праксиса и действующие до сих пор. В этих институтах, можно сказать метафорически, живет «дух» критической философии и открытой дискуссии, заложенный в них основателями.

Итак, все поставленные задачи в ходе исследования были выполнены, что позволило реализовать обозначенную цель – построить целостную концептуальную схему философии истории школы праксиса как уникальной единой философской системы, которую можно охарактеризовать как гуманистический марксизм и сохраняющей свою актуальность и сегодня.

Гуманизм философии школы праксиса выражается в том, что школа праксиса декларирует необходимость рассмотрения каждого вопроса и проблемы исторической ситуации через призму гуманистического измерения, поскольку только это позволит выявить характеристики социально-политической реальности, уменьшающие свободу человека и способствующие его отчужденности, а значит, только учет гуманистической составляющей позволит выработать и принять политические решения, направленные на минимизацию проявлений догматизма, этатизма, бюрократизма и технократии в общественном устройстве, и вместе с тем способствующие творческой самореализации человека.

Философия истории школы праксиса предстает как аутентичная философская система, в которой центральным звеном является праксис/практика человека (праксис и практика синонимичны в данном случае). Прочие концепты философской системы школы праксиса – революция, отчуждение, свобода, равенство, посредством праксиса/практики включаются в процесс исторического бытия. Своим методом школа праксиса определила «мышление революции».

При рассмотрении и анализе отдельных концепций очевидна преемственность взглядов школы праксиса от других гуманистических марксистов – Франкфуртской школы, Г. Маркузе, Э. Блоха, Д. Лукача и др. Однако школа праксиса смогла, усвоив идеи различных философов и направлений, трансформировать их в единую систему философии истории. Эта система обладает жизнестойкостью, поскольку сохраняет актуальность для современности: обнаруживается применимость подхода школы праксиса к рассмотрению проблемы человека, проблемы неравенства, кризисных явлений в обществе.

Представляются перспективными дальнейшие исследования философии истории школы праксиса по следующим направлениям: во-первых, детальный сравнительный анализ и анализ возможностей синтеза идей школы праксиса с прочими концепциями гуманистического марксизма (например, с философией Будапештской школы), деятельностным подходом Э.И. Ильенкова, системомыследеятельностной методологией Г.П. Щедровицкого, постгуманизмом, во-

вторых, применение идей философии истории школы праксиса для разработки отдельных конкретных проблем современности, например, возможности трансформации общественного сознания; в-третьих, применение идей школы праксиса для разработки рекомендаций для преодоления социально-политических кризисных ситуаций, как в отдельных странах, так и в рамках мирового сообщества.

Список использованной литературы

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. 267 с.
2. Адорно Т. Введение в социологию музыки // Адорно Т. Избранное: социология музыки. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7-190.
3. Адорно Т. Негативная диалектика. М: Научный мир, 2003. 374 с.
4. Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с.
5. Арон Р. Воображаемые марксизмы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 382 с.
6. Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс / Пер. с фр.; отв. ред. и автор послесл. И.А. Гобозов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 336 с.
7. Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. / Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной; вступ. ст. С.Г. Кара-Мурзы. М.: Молодая гвардия, 2013. 406 с.: ил.
8. Афанасов Н.Б. Прекрасная эпоха капитала // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. №2. С. 368–381.
9. Багдасарян В.Э. Аксиология марксизма в контексте мировых исторических трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 9–23.
10. Барбарук Ю.В. Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М.: Ленанд, 2022. 112 с.
11. Барковский П. О становлении понятия «постмарксизм» и его локализации в постсоветской философской традиции // Топос. 2010. № 1. С. 64–72.
12. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX в. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
13. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 317 с.
14. Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М.: Знание, 1970. 79 с.
15. Баталов Э.Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973. 176 с.

16. Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И.Ф. Балакина [и др.]. М.: Наука, 1969. С. 73–144.
17. Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. №46. С. 81-90.
18. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. С. 16-66.
19. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Канон+, 1999. 480 с.
20. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: Антол. зарубж. лит.: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
21. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. 400 с.
22. Брайдогги Р. Постчеловек. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
23. Брайович С.М. Проблема отчуждения и современная югославская философия (на материалах журнала Праксис): дис. ... канд. филос. наук. М., 1968. 193 с.
24. Брайович С.М. Современная философская мысль в Югославии: дис. ... докт. филос. наук. М., 1974. 332 с.
25. Бузгалин А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 36–47.
26. Веряскина В.П. Трансформация человека в обществе модерна. М.: ИФ РАН, 2015. 223 с.
27. Веряскина В.П. Трансформация человека: исторические истоки и этапы персональной модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 83–95.
28. Вудс А., Грант Т. Бунтующий разум: Марксистская философия и современная наука / Пер. с англ. Ю.В. Жулия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 600 с.
29. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. М.: Наука, 2000. 495 с.

30. Головенчик Г. Цифровой разрыв: причины возникновения, последствия и пути преодоления // Наука и инновации. 2021. № 6 (220). С. 32–37.
31. Грамши А. Искусство и политика: в двух томах. Т.1. М.: Искусство, 1991. 431 с.
32. Грамши А. Искусство и политика: в двух томах. Т.2. М.: Искусство, 1991. 335 с.
33. Грецкий М.Н., Лягушев Г.Е. Западный марксизм // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 9. С. 115–118.
34. Гринин Л.Е. Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 90–101.
35. Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930 гг.). СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, М.: Летний сад, 2004. 528 с.
36. Дмитриев А.Н. Мертвая вода, советские мыслители и гамбургский счет // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 4, ч. 2. С. 20–25.
37. Емельянов А.С. О гуманистической интерпретации Маркса: коммунизм или нарциссизм? // Философская мысль. 2021. № 10. С. 33–51.
38. Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М.: Мысль, 1980. 248 с.
39. Замошкин Ю.А., Мотрошилова Н.В. «Новые левые» – их мысли и настроения // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 43–58.
40. Земляной С.Н. Георг Лукач и западный марксизм: сб. статей / Сост. В.А. Подорога. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.
41. Иглтон Т. Почему Маркс был неправ / Пер. с англ. П. Норвилло. М.: Карьера-Пресс, 2012. 301 с.
42. Исмаилов Д.З. О школе праксиса // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 3. С. 902–905.

43. История философии: Запад–Россия–Восток: учебное пособие для студентов вузов: в 4 кн. Кн. 4: Философия XX в. / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова, А.М. Руткевич. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 448 с.
44. Ковалев А.Д. Неомарксизм // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Наука, 1983. С. 426.
45. Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. 216 с.
46. Корякин В.В. Очередной опыт дегуманизации марксизма. Критический ответ на статью Л.Е. Гринина «Исторический материализм на Западе: история и будущее» // Новые идеи в философии. 2021. № 8 (29). С. 202–213.
47. Куштым Е.А. «Гуманистический радикализм» Эриха Фромма – фундаментальный подход к созданию социума // Социум и власть. 2010. № 1. С. 15–19.
48. Лапин Н.И. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М.: Высш. школа, 1962. 79 с.
49. Лапин Н.И. Молодой Маркс. Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат, 1986. 479 с.
50. Лукач Д. История и классовое сознание. М.: Logos altera, 2003. 416 с.
51. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 417 с.
52. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.
53. Лукач Д. Своеобразие эстетического: в четырех томах. М.: Прогресс, 1986.
54. Манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму (1999) // Здравый смысл. 2000. № 13. С. 2–36.
55. Мареев С.Н. Понять глобальный капитализм. Размышления над книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитализм» // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 60–67.
56. Маркович М. Разговор с философом // Дискурс Пи: Научно-практический альманах. 2007. № 1 (7). С. 67–70.

57. Маркс К. Тезисы о Фейрбахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 1–4.
58. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 42. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 41–174.
59. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 7–544.
60. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 2. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 3–230.
61. Маркузе Г. Контрреволюция и бунт // Маркузе Г., Ванейгем Р. Молодежный бунт. Источник свободы или новое варварство. М.: Родина, 2023 г. С. 6-120.
62. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
63. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: «Владимир Даль», 2000. 541 с.
64. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: «ИСА», 1995. 352 с.
65. Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2014. 440 с.
66. Межуев В.М. Маркс против марксизма: статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
67. Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.
68. Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром / Пер. с англ. А.Ф. Васильев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 400 с.
69. Можеева А.К. К истории развития взглядов К. Маркса на субъект исторического процесса // Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И. Ф. Балакина [и др.]. М.: Наука, 1969. С. 145-188.
70. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. 376 с.

71. Мотрошилова Н.В. Творческий путь и теоретические заслуги Ю. Хабермаса: юбилей философа в зеркале немецкой прессы // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 5–13.
72. Одуев С.Ф., Келле В.Ж., Ковальчук А.С., Копнин П.В., Кузьмин В.П. Заметки о философской жизни в Югославии // Вопросы философии. 1966. №5. С. 157–161.
73. Останина Е.М. Категория «праксис» в философии школы праксиса // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 258–264.
74. Останина Е.М. Философия истории школы праксиса: от практики к революции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 1 (63). С. 243–249.
75. Останина Е.М. Эволюция философии школы праксиса (на примере философских взглядов С. Стояновича) // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 258–265.
76. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму): Пособие для гум. вузов / Ю.Н. Давыдов, А.Б. Гофман, А.Д. Ковалев и др. М.: Наука, 1994. 380 с.
77. Павлов А.В. Мечтают ли марксисты о революции сегодня? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 466–478.
78. Павлов А.В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35.
79. Павлов А.В. Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна // Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 7–24.
80. Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть I // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84.
81. Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 129–138.

82. Павлов А.В. Постмодернизм – незавершенный марксистский проект // *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 337–347.
83. Павлов А.В. Приключения модернизма в марксизме Маршалла Бермана // *Неприкосновенный запас*. 2020. № 134. С. 240–255.
84. Павлов А.В. Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека // *Тетради по консерватизму. Альманах № 2*. М.: Некоммерческий фонд социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017. С. 21–34.
85. Павлов А.В. «Сентябрьская группа»: от аналитического марксизма к нормативной политической философии // *Этическая мысль*. 2021. № 2. С. 130–143.
86. Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // *Вопросы философии*. 2021. № 9. С. 25–36.
87. Петренко Е.Л. К критике философии "неомарксизма": о современных фальсификациях марксистского принципа единства теории и практики: дис. ... канд. филос. н.: 09.00.03. М., 1978. 169 с.
88. Петренко Е.Л. Карл Каутский: очерк социалистических воззрений. М.: Знание, 1991. 61 с.
89. Петренко Е.Л. Марксистская социально-философская традиция во Втором Интернационале: дис. ... докт. филос. н.: 09.00.02. М., 1991. 393 с.
90. Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна (Из цикла «История соц. учений»). М.: Знание, 1990. 61 с.
91. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А.Л. Дунаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
92. Пикетти Т. Краткая история неравенства / Пер. с фр. В.М. Липка. М.: Изд-во АСТ, 2023. 384 с.
93. Плотка М. Роль *praxis*'а в философии и жизни человека: «Комментарий на “Никомахову этику”» Павла из Ворчина в польской средневековой мысли //

- Verbum. 2017. Вып. 19: «Никомахова этика» в истории европейской мысли. С. 189–200.
94. Ролз Дж. Теория справедливости / Под ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 534 с.
95. Романенко С.А. «Неистовая ожесточенная война за существование»: национальные движения народов Югославии 1941–1945 // Славянский альманах, 2004. М.: Индрик, 2005. С. 285–340.
96. Савцова Н.И. Мое вхождение в философию // Марксизм в философии: судьбы мировоззрения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею М.Н. Руткевича и 90-летию юбилею И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 24–25 ноября 2017 г.: Сборник научных статей и тезисов / Науч. ред. Н.В. Бряник. Екатеринбург: Деловая книга, 2018. С. 120–129.
97. Савцова Н.И. Свобода и практика: марксистско-ленинская теория познания и ее современные критики: дис. ... канд. филос. н. Свердловск, 1973. 167 с.
98. Самарин А.Н. Понятие практики в философии абстрактного гуманизма: критический анализ материалов журнала «Праксис» и примыкающих к нему изданий: дис. ... канд. филос. н. М., 1972. 185 с.
99. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993. 240 с.
100. Славин Б.Ф. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. Изд. 2, испр. М: Ленанд, 2021. 304 с.
101. Славин Б.Ф. Марксизм: испытание будущим: о дискуссионных вопросах теории и истории марксизма. М.: URSS, 2014. 393 с.
102. Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 655 с.
103. Стоянович С. От марксизма к постмарксизму (предисловие М.Н. Грецкого) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 145–154.
104. Терборн Й. От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 254 с.

105. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.
106. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ: Астрель, 2011. 284 с.
107. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.
108. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека: сборник / Общ. ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
109. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь Мир, 2011, 336 с.
110. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
111. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.
112. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
113. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.
114. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум, СПб.: Ювента, 1997. 312 с.
115. Шетулова Е.Д. Социальная революция в контексте современного понимания отчуждения // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 1–1. С. 107–112.
116. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 21. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 269–317.

Источники на сербском и хорватском языках

117. Aspekti praxisa. Reflesije uz 50. obljetnicu / Urednici B. Mikulić, M. Žitko. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2015. 198 str.
118. Bielińska K. Ajde opet na Bled! Prilog razmatranjima o Praxisu // Filozofija i društvo. 2009. № 2. Str. 249–259.

119. Bielińska-Kowalewska K. Kako je polski revizionizam «mimoišao» tzv. Praxis-filozofiju // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 269–292.
120. Blagus S., Kangrga M. Komunizam će tek doći // Novi list. 18.02.2006. Str. 12–13.
121. Bogdanić L. Čemu praxis? Ili o historijskom porijeklu i mjestu Praxisa // Aspekti praxisa. Reflesije uz 50. obljetnicu / Urednici B. Mikulić, M. Žitko. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2015. Str. 24–45.
122. Bogdanić L. «Praxisova» kritika nacionalnog pitanja: godina 1971 // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 201–222.
123. Bosanac G. Pristup čitanju i interpretaciji djela Blaženke Despot // Izabrana djela Blaženke Despot / Uredila G. Bosanac. Zagreb: Institut za društvene istraživanja, 2004. Str. 9-14.
124. Bošković D. Filozofija i društvo: od zbornika do časopisa // Filozofija i društvo. 2013. № 2. Str. 44–60.
125. Bošnjak B. Ime i pojam prakse // Praxis. 1964. № 1. Str. 7–20.
126. Cvjetičanin V. Neki problemi daljnjeg razvoja socijalizma kao svjetskog procesa // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 619–633.
127. Čačinović N. Estetika. Zagreb: Naprijed, 1988. 178 str.
128. Čačinović N. Subjekt kritičke teorije. Zagreb: Kulturni radnik, 1980. 88 str.
129. Čačinović N. U ženskom ključu: ogledi o teoriji kulture. Zagreb: Centar za ženske studije, 2001. 176 str.
130. Čačinović N. Uvod u filozofiju književnosti. Zagreb: Leykam international, 2017. 175 str.
131. Čačinović N. Vodič kroz svjetsku književnost za inteligentnu ženu: koristan i za inteligentne muškarce. Zagreb: Jesenski i Turk, 2007. 111 str.

132. Čačinović N. Zašto čitati filozofe. Zagreb: Naklada Ljevak, 2009. 180 str.
133. Čakardić A. Kategorički feminizam. Nužnost feminističke teorije i prakse. Zagreb: Centar za ženske studije, 2007. 232 str.
134. Čakardić A. Pobunjeni um. Eseji iz radikalne socijalne filozofije. Zagreb: Jesenski i Turk i Arkzin, 2021. 269 str.
135. Čakardić A. Praxis škola i feminizam: marksistički humanizam i nevolje s rodom // Tragovi. 2023. God. 6, №2. Str. 102-136.
136. Čakardić A. Sablasti tranzicije. Socijalna historija kapitalizma. Zagreb/Rijeka: Jesenski i Turk/Drugo more, 2019. 272 str.
137. Čakardić A. Ustajte, prezrene na svijetu. Tri eseja o Rosi Luxemburg. Beograd: RLS, 2019. 95 str.
138. Čorbić D. O nekim shvatanjima pojma prakse kod nas // Zbornik pravnog fakulteta. Niš: Pravni fakultet u Nišu, 1980. Str. 413–429.
139. Đidara R. Filozofija prakse: nastanak, utjecaj, posljedice: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet filozofije i religijskih znanosti, 2018. 248 str.
140. Flierl T. «Praxis». «otuđenje» i «moderni socijalizam» u filozofskim raspravama u DR Njemačkoj // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Djerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 293–300.
141. Fusi G. Talijanski intelektualci na Korčuli: između filozofije i politike // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Preveo sa talijanskog L. Bogdanić. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 317–328.
142. Gajo Petrović – čovek i filozof / Urednik L. Veljak. Zagreb: FFpress, 2007. 243 str.
143. Gajo Petrović, filozof iz Karlovca / Urednik L. Veljak. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 2014.

144. Golubović Z. Izazovi demokratije u savremenom svetu. Beograd: Centar za kulturu, Edicija Braničevo, 2003. 161 str.
145. Golubović Z. Kritička filozofija u period postsocijalističke tranzicije // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 110–124.
146. Golubović Z. Kriza identiteta savremenog jugoslovenskog društva: jugoslovenski put u socijalizam viđen iz različitih uglova. Beograd, Zagreb: Filip Višnjić, Naprijed, 1988. 415 str.
147. Golubović Z. Pouke i dileme minulog veka. Filozofsko-antropološka razmišljanja o glavnim idejama našeg vremena. Beograd: Filip Višnjić, 2006. 295 str.
148. Golubović Z. Samorealizacija, jednakost, sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 19–26.
149. Golubović Z. Stranputice demokratizacije u postsocijalizmu. Beograd: Beogradski krug, 1999. 171 str.
150. Grlić D. Jednakost i nejednakost // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 47–49.
151. Grlić D. Marginalije o problemu nacije // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 547–561.
152. Grlić D. Praksa i dogma // Praxis. 1964. № 1. Str. 43–53.
153. Grlić D. Smisao ili besmisao povijesti // Praxis. 1965. № 6. Str. 836–839.
154. Humanizam i socijalizam: zbornik radova u 2 sv. / Urednik B. Bošnjak i dr. Zagreb: Naprijed, 1963.
155. Jakšić B. Balkanski paradoksi – Ogledi o raspadu Jugoslavije. Beograd: Beogradski krug, 2000. 276 str.
156. Jakšić B. Buka i bes – O pravu na kritičko mišljenje. Požarevac: Centar za kulturu u Požarevcu, 2005. 153 str.
157. Jakšić B. Istorija Jugoslavije u svjetlu kritike. Polemike u jugoslavenskim časopisima 1973-1976. Zemun: MostArt, 2022. 373 str.
158. Jakšić B. Jugoslovensko društvo između revolucije i stabilizacije // Praxis. 1971. №3-4. Str. 413-424.

159. Jakšić B. Historija i sociologija. Zagreb: Liber, 1976. 149 str.
160. Jakšić B. Nacionalističke kritike Praxisa // Filozofija i društvo. 2011. № 2. Str. 77–104.
161. Jakšić B. Praxis – mišljenje kao diverzija. Beograd: Službeni glasnik, 2012. 498 str.
162. Jakšić B. Praxis – kritički izazovi // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 30–89.
163. Jakšić B. Romi u Srbiji između nakovnja siromaštva i čekića diskriminacije. Zemun: MostArt, 2015. 183 str.
164. Jakšić B. Smutna vremena. Zemun: MostArt, 2014. 262 str.
165. Jakšić B. Vreme revolucije?: revolucija i stabilizacija. Niš: Gradina, 1989. 396 str.
166. Janković, M. Pogledi na direktnu demokratiju i samoupravljanje iz perspektive časopisa Praxis // Arhe, 2021. God. VIII, № 36, Str. 275-294.
167. Kangrga M. Etički problem u djelu Karla Marxa. Zagreb: Naprijed, 1963. 266 str.
168. Kangrga M. Etika i sloboda. Zagreb: Naprijed, 1966. 134 str.
169. Kangrga M. Etika: osnovni problem i pravci. Zagreb: Golden marketing, 2004. 516 str.
170. Kangrga M. Etika ili revolucija. Zagreb: Naprijed, 1989. 459 str.
171. Kangrga M. Izvan povijesnog događanja. Split: Feral tribune, 1997. 294 str.
172. Kangrga M. Fenomenologija ideološko-političkog nastupanja jugoslavenske srednje klase // Praxis. 1971. № 3–4. Str. 425–446.
173. Kangrga M. Hegel-Marx: neki osnovni problem marksizma. Zagreb: Naprijed, 1988. 248 str.
174. Kangrga M. Hrvatski knjigocid – Barbarizam i renesansa // Feral Tribune. 30.03.1998. Str. 35.
175. Kangrga M. Kritičko mišljenje – nekad i sad // Republika. 2004 (XVI). 1–30 novembar. Str. 344–345. URL: <http://www.republika.co.rs/344-345/20.html> (дата обращения: 03.06.2023).

176. Kangrga M. Kritika moralne svijesti // Kangrga M. Odabrana djela, sv. 1. Zagreb: Naprijed, 1989. 417 str.
177. Kangrga M. Marxovo shvaćanje revolucije // Praxis. 1969. № 1–2. Str. 25–34. URL: <https://www.marxists.org/srpshrva/biblioteka/kangrga/misc/misc/marxovo-shvacanje-revolucije.htm> (дата обращения: 25.01.2023).
178. Kangrga M. Nacionalizam ili demokracija. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarica Zorana Stojanovića, 2002. 258 str.
179. Kangrga M. Neki osnovni problemi marksizma // Naše teme. 1962. № 7/8. Str. 1041–1072.
180. Kangrga M. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 33–41.
181. Kangrga M. O utopijskom karaktere povijesnoga // Praxis. 1969. № 5–6. Str. 799–810.
182. Kangrga M. Praksa, vrijeme, svijet. Beograd: Nolit, 1984. 512 str.
183. Kangrga M. Razmišljanja o etici. Zagreb: Praxis, 1970. 182 str.
184. Kangrga M. S HDZ-om na ispašu // Feral tribune. 21.10.1996. Str. 4–6.
185. Kangrga M. Smisao povijesnoga. Zagreb: Studentski centar sveučilišta u Zagrebu, 1970. 167 str.
186. Kangrga M. Spekulacija i filozofija. Od Fichtea do Marxa. Beograd: Službeni glasnik, 2010. 468 str.
187. Kangrga M. Šverceri vlastitog života. Split: Kultura & Rasvjeta, 2002. 476 str.
188. Kangrga M. Šverceri vlastitog života // Vrijeme. № 559. 20.09.2001. URL: <https://www.vreme.com/kultura/sverceri-vlastitog-zivota/> (дата обращения: 25.02.2023).
189. Kangrga M. Zbilja i utopija // Praxis. 1972. № 1–2. URL: <https://www.marxists.org/srpshrva/subject/praxis/1972/01.htm> (дата обращения: 03.06.2023).
190. Koltan M. Filozofija «Praxisa» i studentski prosvjedi 1968 godine // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne

- konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog I. Meštrović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 148–172.
191. Köhler M.I. «Budimpeštanska škola» i Korčulanska ljetna škola // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Džerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 301–316.
192. Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. 381 str.
193. Kujundžić N. Kangrgizam je antihrvatska ideologija // Vjesnik. 18.03.1995. Str. 12–13.
194. Kuvačić I. Što nas je držalo na okupu? // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 27–29.
195. Labus I. Spekulativno mišljenje i kritika filozofije u djelu Milana Kangrge: doktorski rad. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, 2017. 194 str.
196. Lešaja A. Knjigocid. Uništavanje knjiga u Hrvatskoj 1990-ih. Zagreb: Profil knjiga d.o.o.: Srpsko narodno vijeće, 2012. 600 str.
197. Lešaja A. Kulturocid. Sudski process protiv Milana Kangrge // Republika. № 490–491. 1-31.12.2010. URL: <http://www.republika.co.rs/490-491/23.html> (дата обращения: 18.06.2023).
198. Lešaja A. Praxis orijentacije, časopis Praxis i Korčulanska ljetna škola (građa). Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2014. 548 str.
199. Losurdo D., Historijski revizionizam: problemi i mitovi / Preveli L. Bogdanić i J. Tkalec. Zagreb: Prosvjeta, 2017. 263 str.
200. Lunić A. Problem dokidanja etike u zagrebačkoj filozofiji prakse: doktorska disertacija. Split: Sveučilište u Splitu, Filozofski fakultet, 2022. 360 str.

201. Lunić A. Razlika Petrovićevog i Sutlićevog pojma prakse: završni rad. Split: Sveučilište u Splitu, Filozofski fakultet, 2009.
202. Lunić A. Revolucija u horizontu filozofije prakse. Prilog razumijevanju revolucije u filozofiji Milana Kangrge i Gaje Petrovića // Filozofska istraživanja. 2018. № 4/152. Str. 827–836.
203. Marković D. «Praxis» i Francuska: veze, saradnja, odjeci // Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujčić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 329–348.
204. Marković M. Dijalektička teorija značenja. Beograd: Nolit, 1971. 541 str.
205. Marković M. Jednakost i sloboda // Praxis. 1973. № 1–2. Str. 3–18.
206. Marković M. Humanizam i dijalektika. Beograd: Prosveta, 1967. 450 str.
207. Marković M. Neobjavljeni intervju: Praxis – kritičko mišljenje i delanje // Filozofija i društvo. 2010. № 1. Str. 3–16.
208. Marković M. Praksa kao osnovna kategorija teorije saznanja // Neki problemi teorije odraza / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. Str. 11–25.
209. Marković M. Uslovi i mogućnosti usmeravanja društvenog razvoja u socijalizmu // Praxis. 1965. № 4–5. Str. 634–641.
210. Marković M. Uzrok i cilj u istoriji // Praxis. 1965. № 6. Str. 787–797.
211. Mikulić B. Nauk neznanja. Retrospekcije o Kangrgi i nasleđu praxisa. Zagreb: Arkzin, 2014. 267 str.
212. Neki problemi teorije odraza: referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja, Bled, 10–11 novembra 1960 / Urednik V. Pavićević. Beograd: Štampa Grafičko preduzeće «Budućnost», 1961. 143 str.
213. Petrović G. Čemu praxis // Praxis. 1964. № 1. Str. 3–6.
214. Petrović G. Filozofija i marksizam. Zagreb: Mladost, 1965. 342 str.
215. Petrović G. Filozofija i revolucija. Zagreb: Naprijed, 1973. 226 str.
216. Petrović G. Filozofski pogledi G.V. Plehanova. Zagreb: Kultura, 1957. 295 str.

217. Petrović G. Izreka Heideggera // Praxis. 1969. № 5-6. Str. 781-798.
218. Petrović G. Mišljenje revoluciji. Zagreb: Naprijed, 1978. 282 str.
219. Petrović G. Neka sjećanja na boravak u SSSR-u // Republika. 1951. Br. 1. Str. 64–78.
220. Petrović G. Od Lockeja do Ayera. Beograd: Kultura, 1964. 216 str.
221. Petrović G. Povratak iz SSSR-a u Jugoslaviju. Od Moskve do Beograda krajem lipnja i početkom srpnja 1948 // Republika. 1951. Br. 7–9. Str. 603–608.
222. Petrović G. Praksa i bivstvovanje // Praxis. 1964. № 1. Str. 21–34.
223. Petrović G. Praksa – istina. Zagreb: Kulturno – prosvjetni sabor Hrvatske, 1986. 152 str.
224. Povijest, revolucionarna dijalektika i filozofski sistem. Zbornik povodom 250. godišnjice rođenja Hegela / Uredili A. Čakardić I L. Bogdanić. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2022. 253 str.
225. Praxis. Društvena kritika i humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. 417 str.
226. Seibert T. Ontologija revolucije. Jedanaest teza o grupi «Praxis» danas // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog S. Djerasimović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 223–238.
227. Sesardić N. Iz desne perspektive. Zagreb: Večernji list d.o.o., 2012. 200 str.
228. Stefanov N. Filozofija «Praxisa» i nedogmatska ljevica u SR Njemačkoj. Percepcije, projekcije i (ne)sporazumi // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković; Prevela sa njemačkog I. Meštović. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 349–366.
229. Stojanović S. Između ideala i stvarnosti. Beograd: Prosveta, 1969. 221 str.

230. Stojanović S. Mala zemlja i globalna sila // *Filozofija i društvo*. 2002. № 19–20. Str. 39–50.
231. Stojanović S. *Od marksizma do etatizma sa ljudskim licem*. Beograd: Filozofsko društvo Srbije, 1987. 200 str.
232. Stojanović S. *Od marksizma i postmarksizma do apokalipsizma* // Stojanović S. *Propast komunizma i razbijanje Jugoslavije*. Beograd: Filip Višnjić, Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. Str. 217–239.
233. Stojanović S. *O filozofskom i političkom identitetu (od disidentskog marksiste do revolucionarnog demokrate)* // *Filozofija i društvo*. XXI / Urednik Milet Savić. Beograd: Centar za filozofiju i društvenu teoriju, 2002. Str. 137–162.
234. Stojanović S. *Propast komunizma i razbijanje Jugoslaviji*. Beograd: Filip Višnjić, 1995. 239 str.
235. Stojanović S. *Zatvorena ili otvorena dijalektika?* // *Filozofija i društvo: Zbornik radova* / Urednik Dragoljub Mićunović. Beograd: Centar za filozofiju i društvenu teoriju, 1987. Str. 161–170.
236. Supek R. *Etičke antinomije revolucionarne egzistencije* // *Praxis*. 1965. № 1. Str. 113–125.
237. Supek R. *Društvene predrasude. Socijalno-psihološka razmatranja*. Beograd: Radnička štampa, 1973. 267 str.
238. Supek R. *Još jednom o alternativni: staljinistički pozitivizam ili stvaralački marksizam* // *Praxis*. 1965. № 6. Str. 891–915.
239. Supek R. *Ova jedina zemlja: idemo li u katastrofu ili u Treću revoluciju?* Zagreb: Naprijed, 1973. 269 str.
240. Supek R. *Protivurječnosti i nedorečenosti jugoslavenskog samoupravnog socijalizma* // *Praxis*. 1971. № 3–4. Str. 347–371.
241. Sutlić V. *Bit i suvremenost: s Marxom na putu k povijesnom misljenju*. Sarajevo: izdavačko preduzeće «Veselin Masleša», 1967. 421 str.
242. Tadić L. *Da li je nacionalizam naša sudbina?* Beograd: Izdanje autora, 1986. 213 str.

243. Veljak L. '68. i kritika instrumentalne racionalnosti (praxis vs frankfurtovci) // Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. Str. 54–69.
244. Veljak L. Filozofija prakse Antonija Gramscija. Beograd: SIC, 1983. 176 str.
245. Veljak L. Horizont metafizike. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 1988. 254 str.
246. Veljak L. Marksizam i teorija odraza. Zagreb: Naprijed, 1979. 217 str.
247. Veljak L. Od ontologije do filozofije povijesti. Zagreb: Hrvatsko filozofsko društvo, 2004. 185 str.
248. Veljak L. Prilozi kritici lažnih alternative. Beograd: Otkrovenije, 2010. 229 str.
249. Veljak L. Smije li se govoriti o današnjoj aktualnosti «Praxisa»? // Praxis. Društvena kritika I humanistički socijalizam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslavenskoj ljevici: praxis-filozofija i korčulanska ljetna škola (1963–1974) / Urednici D. Olujić, K. Stojaković. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2012. Str. 125–128.
250. Veljak L. Utemeljitelji Hrvatskog filozofskog društva u borbi protiv dogmatizma // Filozofska istraživanja. 2008. № 3. Str. 547–553.
251. Veljak L. Uvod u ontologiju. Zagreb: Naklada Breza, 2019. 198 str.
252. Vranicki P. Filozofija historije: 3 knjige. Zagreb: Golden marketing, 2001.
253. Vranicki P. Historija marksizma: 3 knjige. Zagreb: Cekade, 1987.
254. Vranicki P. Marksizam i socijalizam. Zagreb: Liber, 1979. 342 str.
255. Vranicki P. Nekoliko misli o humanitetu u teoriji i historijskoj praksi // Praxis. 1965. № 6. Str. 882–890.
256. Vranicki P. O problemu općeg, posebnog i pojedinačnog kod klasika marksizma. Zagreb: Kultura, 1952. 212 str.
257. Vranicki P. Uz problem prakse // Praxis. 1964. № 1. Str. 35–42.
258. Žene I filozofija / Uredila N. Čaćinović. Zagreb: Centar za ženske studije, 2006. 313 str.
259. Živi Marx / Uredio M. Meštrović. Zagreb: Jesenski i Tusk, 2013. 142 str.

260. Žitko M. Praxis nakon '68. Marksistička filozofija i proturečja jugoslavenskog socijalizma // Kriza i kritike racionalnosti. Nasleđe '68. Radovi četvertog Okruglog stola Odsjeka za filozofiju 2018. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2019. Str. 330–364.
261. Голубовић З. Куда иде постоктобарска Србија 2000–2005. Београд: Службени гласник, 2006. 210 стр.
262. Марковић М. Слобода и пракса. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1997. 350 стр.
263. Марковић М. Филозофски основи науке. Београд: Српска академија и уметности, 1981. 792 стр.
264. Стојановић С. Савремена метаетика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1991. 302 стр.
265. Стојановић С. Хуманик? // Социолошки преглед. 2000. № 3–4. Str. 5–27.

Источници на енглјском језику

266. Anderson P. Arguments within English Marxism. London: Verso, 1980. 217 p.
267. Anderson P. The Antinomies of Antonio Gramsci. London: Verso, 2017. 192 p.
268. Barad K. Intra-actions (interview by Adam Kleinman) // Mousse. 2012. № 34. P. 76–81.
269. Baratella N. Phenomenology and the Early Marx: Italian Phenomarxism and the Yugoslav Praxis Group // The Routledge Handbook of Political Phenomenology / Edited by Steffen Hermann, Gerhard Thonhauser, Sophie Loidolt, Tobias Matzner, Nils Baratella. Routledge: London and New York, 2024. P. 312-323.
270. Benhabib S. Dubrovnik, Prague, Praxis International and Constellation: Interwined fates // Philosophy & Social Criticism. 2017. №3 (43). P. 249.
271. Bernstein J. M. Adorno: Disenchantment and Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 480 p.
272. Bernstein J. M. Recovering Ethical Life: Jurgen Habermas and the Future of Critical Theory. London and New York: Routledge, 1995. 264 p.

273. Bernstein J. M. *The Philosophy of the Novel: Lucacs, Marxism and the Dialectics of Form*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 296 p.
274. Eagleton T. *Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory*. London: Verso, 1978. 191 p.
275. Eagleton T. *Walter Benjamin, or, Towards a Revolutionary Criticism*. London: Verso, 1981. 187 p.
276. Gouldner A.W. *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. London, Basingstoke: Macmillan Press, 1980. 397 p.
277. Jacoby R. *Dialectic of Defeat: Contours of Western Marxism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 202 p.
278. Jameson F. *Late Marxism: Adorno, or, The Persistence of the Dialectic*. London & New York: Verso, 2007. 280 p.
279. Jameson F. *Marxism and form: Twentieth-cent. dialectical theories of lit.: T.W. Adorno, Walter Benjamin, Herbert Marcuse, Ernst Bloch, Georg Lukács, Jean-Paul Sartre*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1974. 432 p.
280. Jameson F. *Representing "Capital": A Reading of Volume One*. London & New York: Verso, 2011. 158 p.
281. Jay M. *Marxism and Totality: The Adventure of a Concept from Lukacs to Habermas*. Los Angeles, Berkley: University of California Press, 1984. 576 p.
282. Habermas J. *Theory and practice / Transl. by John Viertel*. Boston: Beacon press, Cop. 1973. 310 p.
283. Horvat B., Marković M., Supek R. *Self-governing Socialism (Vol. 1): Historical Development, Social and Political Philosophy*. New York: International Arts and Sciences Press, 1975. 490 p.
284. Horvat B., Marković M., Supek R. *Self-governing Socialism (Vol. 2): Sociology and Politics, Economics*. New York: International Arts and Sciences Press, 1975. 327 p.
285. Kellner D. *Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond*. Stanford, California: Stanford University Press; Oxford: Polity Press, 1989. 246 p.

286. Kellner D. Herbert Marcuse and the Crisis of Marxism. London: Red Globe Press, 1984. 505 p.
287. Kellner D. Cultural Marxism and Cultural Studies. URL: <https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/culturalmarxism.pdf> (дата обращения: 03.06.2023).
288. Marcuse H. Soviet Marxism: A critical analysis. 4 print. New York: Columbia University Press. 1969. 271 p.
289. Merleau-Ponty M. Humanism and terror: An essay on the Communist problem / Transl. a. with notes by John O'Neill. Boston: Beacon press, Cop. 1969. 189 p.
290. Piketty T. Capital and ideology / Trans. by A. Goldhammer. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard university press, 2020. 1093 p.
291. Sartre J.-P. The Communists and Peace. With a replay to Claude Lefort. New York: G. Braziller, 1968. 307 p.
292. Sher G.S. Praxis. Marxist Criticism and Dissent in Socialist Yugoslavia. Bloomington & London: Indiana University Press, 1977. (IX–XIX) 360 p.
293. Socialist Humanism: An International Symposium / Ed. by E. Fromm. New York: Doubleday & Company, Inc., 1965. 420 p.
294. Stojanović S. Marxism, Post-Marxism and the Imposition of Communism // Praxis International. 1990. Issue 3–4. P. 205–212.
295. Supek R. Utopia and Reality. URL: <https://www.marxists.org/archive/supek/1971/utopia-reality.htm> (дата обращения: 03.06.2023).
296. Tucker R.G. Philosophy and Myth in Karl Marx. Cambridge: At the University Press, 1972. 263 p.

Источники на итальянском языке

297. Bogdanić L. Nazione e autodeterminazione. Premesse e sviluppi fino a Lenin e Wilson. Roma: Aracne, 2009. 384 p.
298. Bogdanić L. Praxis. Storia di una rivista 196rotica nella Jugoslavia di Tito. Roma: Aracne, 2010. 188 p.

299. Bogdanić L. Identità inquieta. La questione nazionale nei Balcani occidentali. Roma: Boredaux edizioni, 2020. 216 p.

Интернет-ресурсы

300. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом в целом по России и по субъектам Российской Федерации (2023) // Федеральная служба государственной статистики / Статистика / Официальная статистика / Население / Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.06.2023).
301. Сайт Американской гуманистической ассоциации URL: <https://americanhumanist.org/what-is-humanism/manifesto2/> (дата обращения: 17.09.2024)
302. Сайт Международного консорциума программ критических теорий. URL: <https://criticaltheoryconsortium.org/> (дата обращения: 24.04.2023).
303. Сайт журнала «Filozofija i društvo» («Философия и общество»). URL: <https://journal.instifdt.bg.ac.rs/index.php/fid/index> (дата обращения: 24.04.2023).
304. Сайт Института философии и социальной теории Университета в Белграде. URL: <https://ifdt.bg.ac.rs/?lang=en> (дата обращения: 24.04.2023).
305. Открытый архив литературы по марксизму (MIA, The Marxists Internet Archive). URL: <https://www.marxists.org/> (дата обращения: 03.06.2023).
306. Сайт журнала «Novi plamen» («Новое пламя»). URL: <https://www.noviplamen.net/> (дата обращения: 20.04.2023).
307. Сайт журнала «Constellations». URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14678675> (дата обращения: 24.04.2023).
308. Сайт журнала «The International Marxist-Humanist» URL: <https://imhojournal.org/> (дата обращения: 19.09.2024).
309. Сайт газеты «Republika». URL: <http://www.republika.co.rs/> (дата обращения: 03.06.2023).
310. Сайт Международной эстетической ассоциации URL: <https://iaaesthetics.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

311. Сайт Международного общества Грамши. URL: <http://www.internationalgramscisociety.org/> (дата обращения: 19.09.2024).
312. Сайт Центра женских исследований (Хорватия) URL: <https://zenstud.hr/> (дата обращения: 19.09.2024).
313. Устойчивое развитие (2021) // ПАО Сбербанк. URL: <https://www.sberbank.com/ru/sustainability> (дата обращения: 08.10.2021).